

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1996, 1-2

Учредители: Редакция журнала "Литературная
Грузия"
Союз писателей Грузии

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ - 100. Стихи. Переводы
*Германа Плисецкого, Владимира Саришвили, Этери
Гугушвили* 3
- ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ. "Гора Мборгали". Главы
из романа. Перевод *автора* 12
- МИХА КВЛИВИДЗЕ. Новые стихи. Перевод
Владимира Саришвили 72
- ИРАКЛИЙ БАЗАДЗЕ. "Монологи". Стихи. Перевод
Гиви Орагвелидзе 74
- НАНА КАНДЕЛАКИ. Величие души. Родствен-
ники. Новеллы. Перевод *Маки Имнадзе* 79
- ИРАКЛИЙ ЛОМОУРИ. Происшествие. Рассказ.
Перевод *Лианы Татишвили* 103
- ИРАКЛИЙ КАКАБАДЗЕ. Пятая авеню. Таймс-
сквер. Рассказы. Перевод *Александра Буачидзе* 107

АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ В ГРУЗИИ

- Выступление Генерального Прокурора Грузии
г-на Джамлета Бабилашвили на заседании
Парламента 5/IV 1996 года** 123

1996

12

ТЕМУР АБУЛАШВИЛИ. Футбол 1992 года.	
Новелла. Перевод Камиллы Коринтэли	158
МАЙЯ ЦУЛАЯ. Миниатюры.	169
МИХО МОРЧИЛАДЗЕ. Война, икона и ... Перевод <i>Ирины Зурабашвили</i>	185
ИРИНА ЗУРАБАШВИЛИ. "В небе я мечтаю о земле ..." "Три цветка "для кукол"	202

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАМАЗ НАТРОШВИЛИ. О чем поведали горы поэту	206
ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ. Нетускнеющий образ	216

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ВИКТОР СЕРЖ. "Тифлис", "Смерть в Тифлисе". Перевод с французского <i>Гиви Орагвелидзе</i>	223

ПАМЯТЬ

ГАЛИНА ПАВЛОВСКАЯ. Стихи. Переводы из грузинс- кой поэзии: Мариджан. Иосиф Гришашвили	227

НАУКА

НОДАР НАТАДЗЕ. Современный смысл некоторых античных эстетических концепций.	232

КОНТАКТЫ

РЭМ ДАВИДОВ. Грузия в русской иконописи	239
НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ. Из истории итальянской оперы в Грузии XIX века.	248
МИХАИЛ ГИЖИМКРЕЛИ. О фламандской легенде и грузинском художнике	254

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

АВТАНДИЛ МЕНТЕШАШВИЛИ. Закавказский Сейм и политические партии региона.	260

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

ФИЛИПП ТАВАДЗЕ. "Здрасьте!"	285

Галактион Табидзе-100

ОМНИБУСОМ

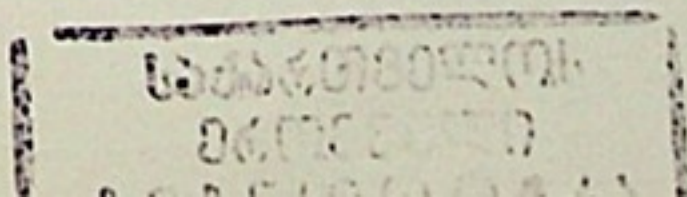
*Помню каждую минуту.
Вдоль дороги был плетень.
Помню липу, помню туту,
и от туты помню тень.*

*Если хочешь, нарисую
домик со смешной козой,
иву старую, косую,
перевитую лозой.*

*Напрягу воображенье:
вдоль ручья взойдет трава.
Словно павшая в сраженье,
в ней валяется айва.*

*Ветерки, как прежде, дуют,
вишни зреют, как тогда,
и Риони именуют,
как и в прежние года.*

*Повернуло поле спину,
залетел кулик во взор,
волк приходит драть скотину
по ночам на скотный двор.*

Только роща одичала,
затуманились поля,
опустела Менис Чала -
тень осенняя моя.

Помню звяканье уздечки,
бубенцы и стук подков.
Помню в стареньком местечке
стену в струйках родников.

Ты скитаешься по свету
перевозчиком вестей,
ты везешь, везешь газеты
с грузом старых новостей...

НАДПИСЬ НА КНИГЕ "МАНОН ЛЕСКО"

Любовь тяжела.
В кого попадет
Амура стрела -
всегда слезы льет.

Гомон... Шалман...
Розы бутон...
Грустный роман
Де Грие и Манон.

Энгр и Париж...
Виденье песков...
Грустит кипарис
среди лепестков.

Бегство... А там -
счастье на кон!
Грустный роман
Де Грие и Манон.

*Исчезли, как дым,
исчезли навек...
Мир стал иным,
иным - человек.*

*Рона... Туман...
Руссо... Трианон...
Грустный роман
Де Грие и Манон.*

*Но книга жива.
Любви этой след -
как кружева
выцветших лет.*

*Многим томам
предпочтителен он -
грустный роман
Де Грие и Манон.*

ЛАЗУРЬ, ИЛИ РОЗА В ПЕСКЕ...

*Матерь Божия, солнце, Мария!
Словно роза на влажном песке,
жизнь моя - небеса голубые,
сон глубокий, мираж вдалеке...*

*На закате померкнут ущелья...
Когда утро настанет, я сам
приплетусь, непутевый, с похмелья,
как паломница, к образам.*

*После тягостного опьянения
прислонюсь я у двери во храм.
Луч ворвется - и облаченья
засияют священные там.*

И скажу я в сверкании белом:
"Посмотри, вот я весь на виду,
скорбный ликом, измученный телом,
лебедь раненый в горнем саду!"

Посмотри! Насладись! Мои очи,
в коих отсвет божественный есть,
после этой разнузданной ночи
источают лишь слезы и месть.

И скажи мне: другие поэты
все ли так - в ожиданье тебя?
Мотыльками слетаются к свету
и у ног умирают, любя?

Научи: как восполнить потери?
Как счастливую душу найти?
Побывавший в раю Алигъери
должен в ад беспросветный сойти?"

И когда на проклятой дороге
смерти тень померещится мне,
ты не явишься в дом мой убогий,
к причащающемуся во мгле.

Перекрестьем сложу я ладони,
и, похмельного, быстро помчат,
понесут, непутевого, кони
прямо в яму могильную, в ад!

Матерь божия, солнце, Мария!
Словно роза на влажном песке,
жизнь моя - небеса голубые,
сон глубокий, мираж вдалеке...

Перевод Германа Плисецкого

МЕРИ

Горькою ночью венчалась ты, Мери!
Смертной истомой полнились очи,
Очи, небесных цвета феерий,
Были печальны, как поздняя осень!

Свечи пылали, сгибаясь и тая,
Сонмом бутонов - рыжих, дрожащих,
Только бледней, чем свеча восковая,
Мери, стояла ты среди молящих...

Роз аромат и пылающий купол...
Ладана дым. В ожиданьи уставших,
Женщин молитвенный облак окутал,
Благословенья шептали уста их.

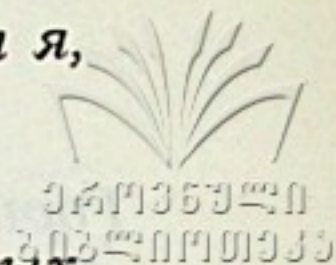
Клятва в беспамятстве... Шаг оробелый...
Мери, ужель наяву это было,
Мери, кадило венчанья звенело,
Иль отпеванья рыдало кадилс?

Гость, потерявший камешки перстня,
Возле надгробий упал, причитая...
День-сирота. День - вина. Но не песня...
Ветер уносит его, завывая.

Храм я покинул. Очугуневшим,
Не различая взглядом дорогу,
Шел я под ветром осатаневшим,
В осатаневшего ливня потоках.

В бурку закутавшись и погрузившись
В мысли свои, я бродил, неприкаян;
Ох! Это дом твой! К стене прислонившись,
Остановился, в бессильи оттаяв...

Не шелохнувшись, вечность стоял я,
И темнозвучные листья осины
Все шелестели, словно взлетая
Взмахами мощных крыльев орлиных.

Что мне шептали мокрые ветви?
Кто разберет? Кто поведает, Мери?
По ветру прахом - жребий мой ветхий,
Жребий надежды - прахом потери.

Мери, погасло видение рая,
Вот и мечты мои, гнезда отринув,
Зашелестели, прочь улетаая
Взмахами мощных крыльев орлиных.

На небо глядя с улыбкой изгоя,
Блики ловил я - зачем - не отвечу...
Или "Могильщика" пел для чего я,
Губы кому "Я и ночь" все лепечут...

Ветра потоки, ливня потоки
С гулом и воем рвались, словно сердце,
Я разрыдался, как Лир одинокий,
Всеми покинутый Лир-самодержец.

Ночью вчерашней бешеный ветер
Несся, бушуя, с горестным ревом,
Сон мой под кровом перебивая,
Мчался, метался ветер без крова...

То возле окон подкараулит,
То заскулит у запертой двери,
Прошлого свиток взору открыл он,
Вспомнил я, плача, горечь потери.

Оба поэты, оба безвестны,
Вместе мы прежде ночью бродили,
Сколько погибло сладких мечтаний,
Сколько надежд мы похоронили.

Ночью вчерашней ветер метался,
Несся, бушуя, бешеный ветер,
Утром покрыли мерзлую землю
Желтые листья, сбитые ветви...

Выглянул в сад я... Тканью хрустящей
Выстланы тропы, тканью осенней...
И, погруженный в воспоминанья,
Долго бродил я средь сновидений.

Перевод **Владимира Саришвили**

ИСКУССТВО

Книгу черную кто видел, с буквами что в цвете алом?
Это капли нашей крови, в них надежда уповала.
Были бури, битвы были, книге же никто не вземлет,
Время пылью все покрыло - книгу Неба, нашу землю.

Долго я писал те строки, вдохновенно, полон мочи.
Дух упрямства, сила воли помогли ее закончить.

Я спросил себя: не скрыт ли в этой черной книге
повод,
Что рождает в людях зависть, а затем и жажду
крови?..

И тогда, сомненья полон, я поник, мне стало грустно,
Эх, сказал: в чем ценность жизни, коли нет с тобой
искусства?

Тут со мной вступил в беседу тот другой, тот
тайный голос:
"О, искусство - это золото. Из земли взойдет, как
колос.

Ведь искусство - как тот жемчуг, что на дне морском
уложен,
И к нему рука людская вряд ли дотянуться сможет.
Есть поэзия святая, музыка во флере дальнем,
Но на свете не отыщешь той, неведомой нам
тайны.

Есть божественные тропы, что ведут нас к самой
сути,
Выбери одну из оных, не сверни на перепутьи.
Нет конца у черной книги, связь времен
нерасторжима...
Что за ней? То нашим чувствам и уму не
постижимо.

1909

* * *

В вечерний час в рубашке из холста
Ты медленно бредешь по направлению к дому,
Смутившись на секунду - не спроста -
В окне темно. Ни зги. Все хорошо знакомо.
Прошли все сроки - вновь темным-темно...
Надежды нет, что лампы загорятся.
Как будто кто-то в путь ушел давным-давно,
Чтоб никогда уже не возвращаться...

Без даты

ЗВЕЗДА

Меня вдруг осенило: все напрасно,
Все, что вокруг, не стоит и гроша,

Одна лишь только ты, что озаряешь властно,
Во тьме ночной сиянием дыша.
Мне б слово обрести, одно на белом свете,
Чтоб описать непостижимое вокруг,
Найти бы мысль одну и быть в ответе,
Задуматься, понять и озариться вдруг.
Казалось бы, все просто, видит Бог, -
Задуматься, покаяться, понять -
О, если бы я знал, о, если б мог
Все объяснить и думы обуять!
Звезда горит в ночи, но свет ее - как ветер.
Непостижимо! Хоть кричи и вой:
Светить всегда, светить во тьме ночной,
И чтоб никто и никогда тебя не встретил.
Непостижимо!
Непостижимо то, что щедростью своей
Ты посылаешь благо миру, людям,
Но никогда о благости твоей
Никто на этом свете знать не будет.
Так в чем же, в чем секрет причины
Столь странной слепоты людской?
Непостижимо!
Непостижимо!
И слезы не текут рекой...
И все кругом пустынно, мертво, мнимо
Непостижимо,
Непостижимо,
Непостижимо!..

Без даты

Перевод Этери Гугушвили

ГОРА МБОРГАЛИ

Главы из романа

Наука быть, свершать и уходить

Углавного героя этой книги, или, как говорят критики, протагониста, два имени: Иагор Каргаретели и Гора Мборгали. Первое - данное от рождения, второе - прозвище. В моем представлении граждане, имеющие по две и более фамилий, принадлежат к уголовному миру. Правда, Иагор Каргаретели за свою жизнь сменил несколько имен и фамилий, потому как числился в преступниках, однако Гора Мборгали прозвали его еще в ту пору, когда совершаемые им преступления не шли дальше кражи варений. В деле хищения сладостей его, пожалуй, можно назвать и рецидивистом. Под вымышленной фамилией тут не скроешься, подобное в семье мог совершить только Гора. И даже если на нем, положим, греха не было, родителям казалось, что мальчик тайком объелся конфет, если он обедал, против обыкновения, без аппетита.

Мборгали-непоседой окрестил его за беспокойный нрав дед - худощавый старик спортивного сложения, рыцарь внешностью и манерами, в прошлом лихой наездник, меткий стрелок, душа безудержных пиршеств и покоритель женских сердец, личность широко известная. Дед лично водил внука в начальные классы - туда и обратно. В обществе не без оснований полагали, что

старик возложил на себя эту обязанность для того, чтобы все воочию увидели, каким он сам был в детстве “ловким, красивым и умным”, - словом, таким, ^{каким} считал своего внука. Их сходство и в самом деле было поразительным. Однокашники Каргаретели, естественно, не могли этого не заметить. Прознали они и о том, что полное имя деда Иагор, а зовут его уменьшительным Гора. Тогда и внука стали называть Горой, и поскольку мальчик не возражал, оно так за ним и осталось. Безгранично гордый и счастливый дед счел выполненной одну из миссий своей жизни и перестал водить внука в школу, сославшись на то, что такой на редкость собранный ребенок может прекрасно ходить в храм мудрости один. О школьном прозвище прослышали в семье, и тут оно окончательно пристало к мальчику. Прозвище, помимо немалых стараний деда, закрепилось, возможно, и потому, что в молодом поколении близких родичей Гора был единственным мужчиной.

Было в этом ласковом имени нечто таинственное и достойное.

Гора!

Не много времени понадобилось и на то, чтобы в школу проникло Мборгали. Оно привилось. Даже учителя сочли прозвище точнейшим, и когда хотели осадить не в меру расшалившегося мальчика, обращались к нему Мборгали, а когда с лаской и поощрением - Гора. Как-то раз новый учитель физкультуры спросил у него имя и фамилию. “Гора Мборгали”, - ответил мальчик, и спустя несколько лет иные могли назвать его настоящее имя лишь после короткого замешательства. В связи с этим Иагор-старший счел выполненной и вторую значительную миссию своей жизни - утвердил под солнцем человека, заступившего его место. Однажды у мальчика спросили, как его подлинное имя. “Оба, - ответил тот с улыбкой, - но я больше откликаюсь на Гору и Мборгали”... Сам он предпочитал прозвище, именовал

себя только Гора Мборгали, исключая те случаи, когда представляться нужно было официально.

Горе было пять лет, когда произошло событие, надолго оставившее в нем след. Детская память вобрала в себя все четко и остро. Жизнь его, на мой взгляд, отсюда и началась, поскольку жизнь - это то, что помнишь. Остальное - существование.

Как известно, революция не киносеанс, чтобы начаться и точно, через отведенные полтора часа, закончиться. Она похожа на комету с длинным хвостом. Для Горы началом того "хвоста" была поздняя осень двадцатых годов. В три часа пополуночи к ним на квартиру пришли четверо мужчин в военной форме, при наганах. Отец Горы, Эрекле Каргаретели, был в отъезде по делам, связанным с загородным домом семьи. Впрочем, на сей раз чекистов занимал его брат, профессиональный революционер, политический деятель, национал-демократ, - он слишком резко выказал свое отношение к вступлению русских войск в Грузию. На него был объявлен розыск и даже обещано денежное вознаграждение за его голову. Семья Каргаретели занимала на ту пору квартиру из шести-семи комнат. Переворошили все, включая кладовые. Дошла очередь до спальни. В ней помещались Гора с матерью. Мать сопровождала чекистов из комнаты в комнату. Кроме нее никого из взрослых дома не было. Вошли в спальню. Вещи, вышвырнутые из платяного шкафа, ящичков, сундука, громоздились на полу, впрочем, как всегда в подобных случаях. По окончании обыска трое оперативников вышли, а четвертый замешкался. Он собрался было уходить, как в открытую дверь донесся приказ начальника проверить матрас под ребенком.

Понятно, что искали живого человека, но уж если производили обыск, то, следуя заведенному жесткому порядку, выскивали все, что было направлено против закона и власти: оружие, запрещенную литературу, пе-

реписку - всего не перечесть. Пусть даже не это, ^{человеку} трудно избежать соблазна заглянуть во все ^{уголки} чужой квартиры или души, тем более, когда ему дано ^{на} то право.

Оперативник вынул из брючного кармана и раскрыл большой, острый, как бритва, кривой садовый нож. Мне этот нож представляется кусочком кометного хвоста. Вероятно, чекист пришел в революцию прямо из виноградника: то ли он батрачил на богатого крестьянина, то ли имел свой небольшой виноградник. С большим не расстался бы. Нож оказался при нем по чистой случайности, а выбросить его он не смог из жалости, вот и носил в кармане, ему нужны были мостки, перекладка к берегам своих предков. Он раскрыл нож, осторожно откинул простыню - очень осторожно, чтобы не разбудить ребенка. Поддев острием ножа угол матраца, он вспорол его по всей длине, от края до края. Чертовски острый был нож! Чекист и в нутро матрасное очень осторожно просунул руку. Но едва начал поиск, как сыскной азарт, распалив его, взял верх над осторожностью. Эта лихорадочно шарившая рука и разбудила мальчика. Грубая лапа больно пинала его, как тут было не проснуться! Гора, вскинувшись, разглядел при тусклом свете ночника распахнутые в страхе глаза матери; тут же, у кровати, сидел на корточках незнакомый смуглый мужчина. Запустив одну руку по самую подмышку в матрас, он держал в другой поблескивающий кривой нож. В дверном проеме злобно сверкали глазами трое незнакомцев; кудреватые комья шерсти, вываливаясь из матраца, змеились по полу...

-Мама, мне живот вспороли! - вскрикнул Гора.

Мальчик принял клубки шерсти за свои кишки и стал кричать так, что люстра заходила ходуном. Даже заматерелые в насилии мужчины избегают столкновений с женщинами и детьми. Такие встречи, в большинстве, оканчиваются их бегством. В природе мужчины заложены

но нечто такое, что не выносит женских криков и детских слез. Тем чекистам, как и большевистской власти в Грузии, было по семь-восемь лет от роду, им не доставало практики и опыта. Крики Горы, по всему, заставили их забыть о престиже карательных органов, и они улепетывали так суматошно, что возле входной двери возникла толкотня. Кстати, до советизации Грузии садовый нож имел единственное назначение - подрезать лозу, и он подрезал ее. Потом участь его изменилась. Отринув свое прямое назначение, он стал метаться в хвосте кометы, рассек матрас под спящим ребенком и, кто знает, сколько еще грехов принял на себя впоследствии.

После этой истории до одиннадцати лет - поначалу раз в две-три недели, а потом реже - мальчику снился этот обыск, он выкрикивал всегда одну и ту же фразу, и иногда, должно быть, от страха, мочился в постель.

Выходит, жизнь Горы началась с акта насилия. Ничего не попишешь, провидению было угодно, чтобы Гора родился именно в эту пору. Общественные катаклизмы творят в изобилии удивительные случаи и биографии. И только малодушные находят в этом повод для жалоб и недовольства. Гора не ведал нытья. Я не встречал другого такого человека, всегда и всем довольного; не встречал, не слышал и даже в книгах, самых лживых, о таком не читал. В свое время кто-то назвал его "счастливчиком", однако у него уже было прозвище, и второе не привилось.

Еще одно: Горе иногда случалось мочиться в постель и тогда, когда ему ничего не снилось и не мерещилось, и чтобы взрослые не журили его, он лгал, что видел "тех мужчин"! Думаю, что первые шаги в искусстве изворачиваться Гора сделал тогда, когда придумал этот ловкий ход.

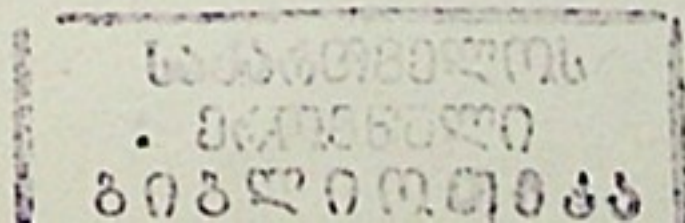
О Горе можно сказать, что он прожил поразительно долгую жизнь, потому как помнил все, что происходило в его личной жизни или вокруг. К тому же провиде-

ние даровало ему своеобразную способность видения. Именно потому его личность оказалась в поле моего внимания, а то людей с прошлым, как у Горы, я и других знаю. Ибо сказано: общественные катаклизмы оставляют по себе множество удивительных биографий.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прекрасное было время, когда в каждом лагерном бараке, на самом видном месте, в рамке под стеклом, чтобы бумагу не засиживали мухи, висел отпечатанный крупным типографским шрифтом "Внутренний распорядок". Чуть помельче следовали "Права и обязанности" и далее текст в трех разделах: "Заклученному запрещено", "Заклученный обязан" и "Меры наказания". О правах не было ничего, заклученный никаких прав не имел, все было запрещено, а когда все запрещено, значит, все разрешено - потому и было то время прекрасным! В этом нет ничего плохого. Разве кто-нибудь когда-нибудь жаловал кому-нибудь по доброй воле права на что-нибудь? Можно добиваться прав, красть их, присваивать, отбирать силой или хитростью, человек в здравом уме не ждет их в подарок, поскольку история доказала, что ползающий на брюхе никогда не получит от восседающего в кресле ничего, кроме пинка. Такого рода взгляд выработался благодаря вышеупомянутому "Распорядку", поэтому в лагерях дозволялось решительно все, кроме эксплуатации человека человеком. На нее имели право одни чекисты и воры в законе. Под "эксплуатацией" понимали использование заклученных на тяжелых работах и в качестве прислуги - домашней или на посылках, то есть лакеев.

Но, к сожалению, искони известно, что "всему приходит конец"! Пришел конец и тому прекрасному времени, когда все дозволялось. Главное управление лагерями вознамерилось наделить зэков правами. Гора

Мборгали уверяет, что зачинателем процесса был врач внутренней тюрьмы Министерства государственной безопасности Грузии альбинос Хазадзе, и случилось это в лично его, Горы Мборгали, присутствии и, ок, при невольном его участии. А дело было так:

Распахнулась дверь двухкочной камеры, и надзиратель впустил Хазадзе и фельдшера с банками-склянками в неременном ящике. Камера мигом наполнилась ароматом спирта. В тюрьме тогда не было перебоев в снабжении медпункта дезинфицирующими средствами, и потому Хазадзе постоянно бывал румянее, чем это приличествует даже альбиносу.

- А-а-а, заходите, уважаемый доктор! Добро пожаловать! - зычно приветствовал его сокамерник Горы по фамилии Купатадзе, и тем самым грубо нарушил дисциплину: во внутренних тюрьмах разговор в полный голос и вообще какой-либо шум грозил заключенному штрафным изолятором, говорить позволялось только шепотом.

- Ш-ша... - рассвирепел Хазадзе и едва слышно осведомился: - На что жалуетесь?

- На судьбу, уважаемый доктор, на судьбу! - все так же зычно ответствовал Купатадзе. Хазадзе, фельдшер с банками-склянками и надзиратель одновременно цикнули на него.

- А вы? - обратился Хазадзе к Горе.

- Кашляю, уважаемый доктор, сильный кашель, - посетовал Гора в надежде заполучить лекарство, но Хазадзе, обернувшись к надзирателю, бросил:

-Этот пусть кашляет. Разрешаю! - сказал и вышел.

Зэк получил право кашлять, то есть шуметь!

Так закончился еженедельный визит врача. Словно ничего и не было, но брошенная им фраза вызвала великие пересуды, препирательства и жаркие дискуссии. Дня три спустя, от Берингова пролива до западных границ государства во всех тюрьмах и лагерях начался глу-

бокий анализ этого поразительного события. Жгучесть интереса объяснялась значительностью темы, а скорость распространения - той общеизвестной истиной, что ни один государственный или частный источник информации не может обеспечить передачу сводки с оперативностью, какой достигли места заключения. И сегодня во множестве найдутся примеры тому, когда событие еще не произошло, а тюрьме уже в подробностях известно, что, собственно, произошло. Наука оказалась бессильной истолковать причины такого оперативного распространения информации. Поэтому удовольствуемся простой констатацией факта. Словом, дискуссия вызвала сильное возбуждение, вплоть до переполоха. Даже прошел слух, что то ли в Воркутинском, то ли в Тайшетском лагере один бывший профессор якобы плюнул в лицо другому бывшему профессору - до того они доспорились. Слух этот, по счастью, оказался очередной парашей*.

Предметом исследования с самого начала был вопрос - по своей ли инициативе Хазадзе допустил такое исключение или нет? К общему мнению пришли сравнительно легко - по своей не осмелился бы, выполнял указание. Когда это стало ясным, исследование пошло в другом направлении: что может за этим последовать. Мнения разделились. Скептики говорили - хуже будет; оптимисты утверждали - режим послабнет. Победу одержали скептики. За амнистией Хазадзе последовала смерть Вождя; за смертью Вождя - волнения, забастовки и бунты в системе лагерей. Новый Вождь смекнул, что так дело дальше не пойдет и усовершенствовал начатый Хазадзе процесс демократизации созданием в лагерях "Советов актива". Заключение получил право "выбирать" в Совет своих же собратьев. В результате избиратель и избранный взяли на себя функцию неукос-

*Жарг. - ерундой, выдумкой.

нительных исполнителей "Внутреннего распорядка" и, исходя из этого, обязанность доносить. Стремление использовать право доноса приняло чуть ли не повальный характер, потому как следующая ступень процесса сулила перспективу условно-досрочного освобождения тем зекам, которые чаще других и с большим толком пользовались правом доноса на нарушителей внутреннего распорядка. До демократизации доносчиков было раз-два и обчелся, да и тем головы резали, если выводили на чистую воду. Нынче настали иные времена: стоило оперуполномоченному появиться в лагере, как у дверей его кабинета выстраивалась длиннющая очередь доносчиков. Опер, чтобы сэкономить время, действовал, что называется, методом тыка. Отвергнутые, проторчав в очереди несколько часов, возвращались в бараки несолоно хлебавши, но с твердой уверенностью, что письменные доносы, невостребованные сегодня, завтра непременно удастся сбыть с рук. Заключение все знает!

В тексте "Внутреннего распорядка" появился новый, четвертый пункт - "Заключенный имеет право". И шрифт стал красивее, и бумага белее, а вот стекла из рамок вынули, потому что стеклом стали пользоваться как холодным оружием, чтоб убирать стукачей, причем число таких случаев катастрофически росло. И начался бедлам в обители, настоящий бедлам. А все потому, что заключенному были предоставлены права. И надобно знать, что если вам вдруг предоставили права, значит, дела обстоят из рук вон плохо, и вот теперь-то по-настоящему ничего нельзя, кроме того, на что даны эти права.

Так изменил свое лицо лагерь.

Гора Мборгали до сорока лет, то есть в молодости, то есть в пору, когда все разрешалось, потому что все было запрещено, сидел несколько раз. Несколько раз бежал из лагерей и несколько раз отсиживался именно за побеги, а основная судимость была у него одна. Что

до других преступлений, то, хотя он и не сидел сложа руки, но никто ничего доказать ему не смог, если не принимать во внимание некоторую вольность в обращении с определенными статьями уголовного кодекса, которая, как правило, сопутствует всякого рода побегам. Горе было под шестьдесят, когда он, что-то "совершив" в России, в очередной раз оказался в лагере. Присмотревшись к новшествам лагерной жизни, он решил, что, если вообще и стоит откуда-то бежать, то именно из этого бедлама и, в частности, из этой глухомани - заполярного лагеря, отстоящего от дальневосточной железнодорожной магистрали, если брать по прямой, на тысячу пятьсот-тысячу семьсот километров. К побегу он готовился полгода! Такого рода побегу вообще-то редки. Согласитесь, когда готовишься столько времени, мало шансов остаться незамеченным, нет-нет, да и увидят, а тогда, как говорится, привет! Однако план и качество подготовки к побегу совершенно отвечали богатейшему опыту Горы, и, понятно, он не то что ошибки, а малейшей оплошности не допустил, в чем мы в дальнейшем убедимся.

Найти путь к бегству помогло ему само рабочее место. Дело в том, что, когда здесь закладывали шахту, обогатительную фабрику, поселок для вольнонаемных и прочие постройки, то поставили и котельную с водокачкой и коллекторами. Поначалу не предполагалось использовать труд лагерников. Эта необходимость возникла позже, и тогда для зэков отстроили жилую зону. Один из барачников пришелся на самый коллектор. В период полярного лета Гора проработал кладовщиком в инструменталке на каменоломне. Осенью из-за жесточайших морозов работа здесь прекратилась, и он перебрался в барак, в каптерку, где хранились личные вещи зэков. Эту привилегированную должность Гора получил благодаря возрасту, "инвалидности второй группы" и надежно припрятанной сотенной. По весне работы на ка-

меноломне возобновились, и теперь уже бригадиры за-
требовали к себе Гору, сославшись на то, что на этой
должности он незаменим. Гора отнекивался, но после
некоторого колебания согласился, при условии, что бу-
дет работать по совместительству. Начальство согласи-
лось. Бараки отапливались горячим воздухом, труба
отопления выходила в каптерку из-под пола. Догадаться,
что под полом находится коллектор, особого ума не
требовалось. Гора еще в прошлую зиму сумел снять па-
ру досок и проверить свою догадку. Она подтвердилась,
коллектор был и, главное, вел за территорию лагеря:
метрах в тридцати от ограды из колючей проволоки по-
мещался колодец под чугунной крышкой. При виде не-
го в голове Мборгали зародился блистательный план
побега. Опустившись на колени, он воздел руки к коло-
дезной крышке:

- Господи, Господи! Ну, что же это такое?! Сначала
ты посылаешь мне отличную возможность сунуть голо-
ву в петлю, а потом коришь: что это ты натворил?!

Нужно отметить, что лагерная администрация вы-
пустила из виду подобного рода возможность побега. Да
и вообще, бежать из этой Тмуторокани, по ее мнению,
могло втемяшиться в голову только безнадежному идио-
ту. В прошлом, в первые годы существования, правда,
было совершено два побега, но оба завершились гибе-
лью беглецов в тайге, к тому же бежали из обогатитель-
ной фабрики, а не жилой зоны. Такой исход вконец ус-
покоил администрацию, а заключенные и думать забы-
ли о побегах. Забыли все, кроме Горы и еще одного. Это
был некто Миша Филиппов, коренной сибиряк, пото-
мок тех фанатиков, что еще в семнадцатом веке бежали
из Центральной Руси от трехперстного знамения и в не-
проходимых лесах среднеречья Оби и Енисея обрели,
наконец, право креститься двумя перстами. Миша Фи-
липпов в лагере ничем не проявлял своего отношения к
старой вере. Собственно говоря, не дело это - посвящать

всех в свои интимные беседы с Богом! Об этой стороне его существования никто ничего не знал, а вот внешне-стью своей и повадками он привлекал к себе всеобщее внимание. Миша родился в приполярной тайге. Уже в пятнадцать лет он был, вроде своего отца, профессиональным охотником, отличным знатоком своего дела и стрелком, молва о нем шла по всему Енисею. В Великую Отечественную ушел добровольцем. Умел он в ту пору лишь расписываться и, понятно, стрелять. Ничего больше. Филиппов был снайпером, брали его в разведку. В один из рейдов в тыл врага он прикрывал своих и был тяжело ранен. Очнулся в немецком госпитале. А дальше все произошло, как в анекдоте с кахетинцем, не быстрым разумом. Следователь все приставал к кахетинцу, как ты в плен попал, признавайся, так тебя-разэ-так! - Откуда мне знать, гражданин следователь, что сказать? Когда нас здесь загоняли в вагон, дверь закладывал русский, ехали мы, ехали, Бог знает сколько, а когда приехали, вагон открыл немец, выходите, говорит, вы пленные! Поди, разберись! Так и с Филипповым. Очнуться-то он очнулся, да память отшибло начисто, свою фамилию и то вспомнить не мог. Прозвали его раненые "Непомнящим", так и сказали немецким врачам. В лазарете он провел больше года. Окреп, бежал, поймали, вернули. Еще несколько месяцев ушло на залечивание ран, полученных во время поимки. За это время гестаповцы трижды к нему наведывались, неизвестно, правда, с какими намерениями - то ли расстрелять, то ли в концлагерь посадить, Бог весть. Госпитальное начальство воспротивилось его выдаче - вылечим, а потом извольте, расстреливайте. И висела над Филипповым угроза, когда к нему, почти оправившемуся, пришли власовцы и предложили вступить в их армию. Миша предложение принял: чего ради идти под расстрел? Умней - окрепнуть на власовских харчах, поднабраться сил, а там - в партизаны. Миша выздоро-

вел настолько, что к нему даже память вернулась, и он пришел во власовскую армию под своей фамилией и под своей же фамилией бежал к партизанам. После освобождения Украины он был зачислен в одну из армейских частей. Навоевался вдоволь - и на Западе, и на Востоке. Вернулся домой в пятьдесят первом, снова взялся за охоту, обзавелся семьей и жил себе двадцать восемь лет тихо-мирно в своем приполярном вотчинном скиту, пока не вызвали в районный центр. Поехал и не вернулся - врезали пятнадцать лет заключения с отбыванием срока в лагерях особо строгого режима. Хорошо еще, дешево отделался! И вот почему: в ту пору, когда Миша Филиппов в течение полутора лет лечил свое покоренное, израненное тело в немецком госпитале, в тюрьме одного из областных городов Украины с великим тщанием вершил работу палача некто, известный под именем Миши Филиппова. Провидению было угодно, чтобы дата исчезновения палача и дата перехода Миши Филиппова из госпиталя к власовцам совпали. Органы незамедлительно взялись за усердные поиски исчезнувшего палача и, понятно, изучили подноготную всех Филипповых, сколько их было в стране. У Миши взяли показания еще в бытность его на Восточном фронте. Он разъяснил, где находился упомянутые полтора года. Когда поиски палача ни к чему не привели, вспомнили о немецком госпитале... Ни в советских, ни в немецких архивах сведений о госпитале не оказалось; не нашлось в пределах досягаемости следствия ни тамошних врачей, ни начальства; не представилось возможным обнаружить названных Филипповым больных, и тех, кто переманил Мишу из госпиталя во власовскую армию. И не удивительно, поскольку пленных, поменявших, вроде Миши Филиппова, фамилию, в том немецком госпитале и власовской армии было пруд пруди. А еще и те, кто помер своей смертью дома или на чужбине! А скольких еще перемолола война, кто знает?

Словом, Миша не смог доказать факт своего пребывания в немецком госпитале. Зато нашелся человек, раз уже проволочивший срок и повторно посаженный за совершенные во время войны и сокрытые им преступления. Указав на Мишу Филиппова, он подтвердил, что это и есть тот человек, чью фотографию ему предъявляли. Таково было показание единственного живого свидетеля зверств палача и, как подозревал Миша, его сподручного. Во-первых, загодя показали фотографию. Во-вторых, преступник, судимый ранее за измену родине и снова арестованный за совершенные в тот же период и сокрытые им преступления, все что угодно подтвердит, лишь бы избежать расстрела. В-третьих, основное правило, во все времена работающее на сыск и следствие: "Закрывать нераскрытое дело". Вот вам и нераскрытое преступление тридцатилетней давности, вот вам и расчудесный Миша Филиппов, который не может доказать свою правоту...

Пятнадцать лет!

Исключения подобного рода существуют - это подтвердит каждый мало-мальски сведущий юрист любой страны. Миша Филиппов был от природы умным человеком, в процессе следствия он понял, что стал жертвой недоразумения и вместо какого-то выродка должен принять позорную смерть, но выхода не видел и смирился, надо полагать, не без участия Бога, которому молился, осеняя себя двуперстным знамением. Приговор - лишение свободы на пятнадцать лет поверг его в недоумение, он ничего не понял, поначалу растерялся, потом опаматовался, и первой его реакцией было безграничное изумление, что удалось избежать расстрела.

Прошло время, прошло и изумление, Миша Филиппов составил исчерпывающий список людей, которые могли бы подтвердить его правоту, и принялся их разыскивать. От пяти лет каждодневного кропотливого труда остались две пухлые папки копий отправленных пи-

сем, жалоб, заявлений, полученных ответов и... обманутые надежды. Его афоризм: "Если другие не сумели установить твою правоту - ты должен установить ее сам" потерпел полный крах; на смену ему пришел второй: "Когда другие не хотят вернуть отнятое у тебя - верни его сам". Миша Филиппов вообще мыслил афоризмами - это ему удавалось. Однажды, когда Гора Мборгали сидел на камне возле своей каптерки, глядя на восток, где солнце, беспомощное и тусклое, льнуло к горизонту, он присел рядом, убедился, что их никто не подслушивает, и выдал еще один афоризм:

- Настоящее дело всегда сопряжено с риском.

- Верно, - отозвался Гора, - вот, Белов. Видишь, в сральню идет. Тоже риск.

- Как?.. - Миша Филиппов несколько растерялся.

- А если доска под ним подломится?

Филиппов улыбнулся и сказал:

- Хочу тебя попросить кое о чем.

- Эта просьба сопряжена с риском?

- Конечно. А вдруг откажешь?

- Говори.

Филиппов некоторое время колебался.

- Мне надо воспользоваться твоей норой, - он имел в виду инструменталку.

- Как то есть воспользоваться?

- Надо разобрать пол, всего доски три. Ночью придет человек, кое-что оставит в подполе.

- А как он в мою нору проникнет? Они замок вешают.

- Доски с тыльной стены тоже снимем. Потом легонько, для видимости, приколотим на прежнее место. Он их снимет, оставит, что надо, а выйдет - доски прибьем, как были. Я ему скажу, какие снимать и в самой норе и сзади, со стены.

- Скажешь?

- Брат ко мне приехал. Свидание дали. Вечером. Я и скажу.

Во время этой беседы Гора не сводил глаз с солнца. Потом поднял голову, пристально посмотрел Филиппову в глаза и спросил:

- Откуда ты знаешь, что со мной такие разговоры разговаривать можно?

- Знаю. Можно.

- Выходит, доверяешь?

- Доверяю.

- Тогда, может, и то скажешь, что он должен тебе оставить?

- Одежду оленьего меха, унты... и кое-что еще.

- А карту? - спросил Гора после довольно долгого молчания.

- Карту, компас, секстант. Я ему список дал в прошлом году... Постой, постой... А тебе зачем знать?

- Пошли разбирать доски, - сказал Гора.

Вошли в инструменталку.

- Столько матерых шпионов, как в этом лагере, нет ни в одном зарубежном государстве. Можно ли так слепо доверять непроверенному человеку? - укоризненно заметил Гора.

- Можно. Раз Хабибула сказал, то... - Филиппов пошарил за пазухой, вытащил клочок бумажки, глянул на него и протянул Горе.

На бумаге было написано по-грузински: "Гора! Это Миша Филиппов, местный житель, хороший человек. Пригодитесь друг другу. Резо".

- Гм, Квицадзе. - Гора улыбнулся; - Где свиделись?

- В Енисейске в январе, когда шел под конвоем с доследования; вместе пережидали в Енисейском распределителе, пока начнется навигация. Там и подружился. Он знал, что ты здесь.

- Ты эту бумагу в кармане держал?

- Нет. В подушке. Сегодня вытащил.

- Почему до сих пор не отдал?

- Присматривался.

- Когда Резо взяли, сколько он пробыл на воле?

- С полгода будет. Полтора месяца погулял.

Гора призадумался, улыбнулся:

- У него всегда так. Ловко уходит, плохо скрывается.

С делом управились быстро. Миша Филиппов заметил:

- Может, тебе лучше бросить свою инструменталку?

Гора недоуменно взглянул на него.

- После моего побега могут дознаться, что ты пособничал. Будут неприятности. Лучше, если другой придет.

- А если такой придет, что начнет вынюхивать, найдет тайник и обчистит. Или настучит? Был у меня такой случай в Караганде, обчистили... А порядочный придет, незачем ему зря неприятности чинить. Неизвестно, какой придет.

- Ты прав.

Это случилось той весной, когда бригадиры затребовали Гору к себе в каменоломню инструментальщиком. Одним из них был Миша Филиппов.

Настала осень, работы на каменоломне свернулись. Некоторое время спустя Верховный суд сообщил Мише Филиппову об освобождении с реабилитацией. Похоже, следствие дало положительные результаты, "правда свое взяла". Прошло больше месяца, пока лагерная администрация получила соответствующие документы. Все, что без вины виноватый заготовил для побега, перешло по наследству Горе вместе со всевозможными сведениями, пояснениями и наставлениями, крайне необходимыми для такого огромного пути.

Оправданного старовера, наконец, позвали на выход.

Это было в начале сентября.

Гора прополз в колодец, встал, глубоко и шумно

вздохнул, осветил фонарем чугунную крышку. Во дворе неистовствовала черная пурга. Прислушавшись, он уловил звук, похожий на протяжный стон.

“Какой знакомый звук! Что он напоминает? Что-то такое, что я когда-то слышал, и мне запомнилось... Стон роженицы?! Да, тогда... Та женщина стонала точно так же - протяжно, обреченно”.

Он прислушивался еще некоторое время, потом стал одеваться: теплое белье, свитер из мохера, брюки оленьего меха, чукотские унты, оленьего же меха длинная куртка с капюшоном и шнурками, которые туго стягивали ее под ягодицами, меховая ушанка, поверх всего полотняная, пропитанная резиновым клеем самодельная ветровка-балахон и, наконец, белый, по самые щиколотки, просторный маскировочный халат, который в силу своего особого кроя при надобности мог служить палаткой.

Гора подпоясался, сунул саперную лопатку за ремень. В ногах лежал вещмешок. Подвязав бечевку от вещмешка к ремню, замер.

Роженица по-прежнему стонала. Гора вытащил из бокового коллектора козлы, встал на них и уперся спиной в крышку колодца. Крышка поддавалась, но не очень охотно - на ней было много снега; и только образовалась щель - стенания пурги перешли в вопли. Слышались они вначале приглушенно, как из соседней квартиры... Еще усилие, и крышку удалось сдвинуть.

Колодец был открыт. Пурга голосила. Гора высунул голову, огляделся. Стояла мгла, хоть глаза выколи, вихрь с ревом кружил мириады льдинок.

“Потому ли мрак, что ночь? Или это от черной пурги? Может, и то и другое?... Белый мрак! Название пришло мне в голову еще на Колыме, когда я шел, держась веревки, протянутой от барака к столовой. Белый мрак!.. Гора, вроде бы можно и вылезать!”

Он выбрался на снег, проследил взглядом за верев-

кой, свисающей в колодец, и усмехнулся воспоминаниям молодости... В Караганде, на Дубовке, сделали подкоп в сорок три метра. Первым номером, кому по жребию выпало пробить последние две пяди и выбраться наружу, был некто Карпухин; его называли "дураком подкопным", потому как он, хотя и участвовал несколько раз в удачных подкопах, но ни разу не смог совершить побег, не хватало решимости на последний шаг, "всего один шаг" для выхода из надежного укрытия на простор, где, возможно, тебя застрелят! Один за другим ползли Карпухин, Куценко, Ортоидзе, Гора и Богдан. Карпухин пробил лаз на волю, пахнуло свежим воздухом - надо вылезать. Карпухин задеревенел, как труп - он перестал что-либо воспринимать и даже не почувствовал, как Куценко кольнул его в зад острием ножа, лежал - бревно бревном. Шок... Богдан сказал:

- Гора, в Киеве я знаю одного коллекционера. Он презервативы собирает. Будет у него штук пятьсот, а сам импотент...

"Д-а-а, импотенция бывает разная. Последний, решающий шаг! Он всегда труден, в любом случае... Снова голосит пурга. Погоду рожает?.. Мать кричит от боли. Ребенку трудно сделать последний решающий шаг; все сомневается - родиться или нет... Что ж, есть от чего. Разве там ему не лучше? В тепле, сытости, покое? Матери, должно быть, самую острую боль испытывают именно тогда, когда их чадо во чреве начинает колебаться - родиться или нет... Пурга рожает тебя, потому и голосит. Колеблешься? Возвращайся, еще не поздно... Что ты стоишь - хочешь доказать самому себе, что спокоен и ничего не боишься?.. Вернуться? Но я уже родился! Я никогда не знал колебаний, были раздумья, да и те остались в колодце! Только пурга выведет меня на свободу, она - единственная возможность. Я родился! Ха, х-а-а, вот приволье, легкие роды! Когда я впервые появился на свет, я весил четырнадцать с половиной

фунтов, то есть шесть килограмм без двухсот грамм. Тогда считали на фунты. Каково было рожать! Во второй раз мне пришлось пролезать через щель в двери. Она была узкой, настолько узкой, что я протиснулся с четвертой попытки, пришлось все с себя стянуть. Случилось это в Грузии. Хорошо еще, лето было. В третий раз я родился в Караганде. Это рождение больше всех остальных походило на настоящие роды, подкоп был узкий и длинный, еле прополз. И вот сейчас, в четвертый раз меня родили двое: коллекторный колодец и пурга. Четвертые роды, слышал я от женщин, совсем легкие... В самый первый раз, со слов моей матери, я родился в рубашке. Во второй тоже на мне была серая рубашка. В третий, в Караганде, рубашка была из грубого холста, я едва не задохнулся. В эти, четвертые роды, на мне белая рубашка... Я с головы до пят укутан в меха. Столько мехов ни одной тбилисской красавице не снилось, и, держу пари, никто еще не рождался на свет с вещмешком. Что ж, Гора, тащи свой скарб и пошли на каменоломню... Стоишь тут, Бог весть, сколько времени, и размышляешь о какой-то чепухе. Ведь ты уж доказал себе, что не знаешь страха и все тебе нипочем? Довольно, "ступай, детка, в школу", а то придет бука и съест тебя!.. Ты прав. Часовых в пургу чаще обходят, не столкнуться бы с разводом! Да здравствует каменоломня - образ надежды и упований, пусть даже и постась! Что точнее, образ или ипостась? Собственно, можно и "лик" сказать... Эх, Гора, опять суд да пересуд, как хочешь, так и говори. Занялся бы делом!.."

Гора подтянул веревку, вытащил мешок. Стал толкать колодезную крышку - она была тяжелая. Пришлось потрудиться, чтобы закрыть люк. Лопатой нагреб снег на крышку, разровнял его, тщательно приладил к лицу маску и двинулся в путь.

"Работа сделана, больше ничего не требуется - метель доделает остальное. Минут через пять самый рас-

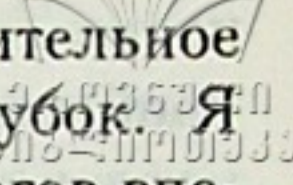
чудесный и распроницательный Дед Мороз ни в какую не найдет место, откуда вылез Гора Мборгали. Наплечные ремни широковаты. Сузить бы... Пустое!.. А каково идти в кромешной тьме да с эдаким грузом!.. Направо - до дороги, а затем дорогой - три километра.

*Прощай, преступная братия-
На хлеб беспечный падкий род;
И вы, погоны золотые,
И ты, покорный жребью, сброд.*

Это - шедевр Анатолия Ивановича Шульца, он сочинил его во время среднеазиатского побега... Белый мрак! Коль скоро вы только-только родились, уважаемый Гора, то знайте, что прозреете вы, как и всякий новорожденный, несколько позже. Поэтому, сперва двести шагов напрямиком на запад. Пятьдесят уже пройдено. Проверим направление... Стрелка компаса нервничает сверх меры, но это не магнитная буря. Направление правильное. Давай считать шаги”.

Гора шел, преодолевая вихрь ледяных снежинок, не глядя на дорогу, а если б и взглянул, все равно ниже пояса ничего не увидел бы. К рукавице был пристегнут компас, и он поминутно сверялся с ним. Может, такой точности и не требовалось, потому как дорога на каменоломню пролежала перпендикулярно взятому им направлению, и он, даже двигаясь наискось, все равно не сбился бы с пути и достиг цели, нужно было только определить, где дорога. А определить ее можно было лишь по глубокой колее, оставленной грузовиками в распутицу, других ориентиров не было. Последние двадцать шагов Гора шел, как слепец, потерявший палку, пытаясь нащупать колею ступней. Отсчитав двести шагов, он остановился, включил фонарь, взглянул на компас.

“Я шел правильно, где-то здесь должна быть колея. Я же все здесь замерил-перемерил и пургу учел - в пур-

гу шаг короче. Значит, даже если ошибся, значительное отклонение исключается. И потом, снег неглубок. Я должен нащупать колею. Ну-ка, Гора, десять шагов вперед!.. Есть!.. Снег-то, снег весь повымело, земля почти голая... Ветер северный, будет подталкивать в спину. Пошли! Эти три километра я наверняка за час пройду... Просчитаем еще раз?.. Давай!.. Я родился на свет сегодня, то есть двадцать третьего октября, в двадцать часов. К двадцати одному часу мною будет пройдено три километра, после придется тащить сани с барахлом. В тундре, по бездорожью, пусть даже ветер попутный, с санями больше двух километров в час не сделаешь. Завтра утром к восьми часам или через двенадцать часов после побега, я буду в двадцати пяти километрах от лагеря. Допустим крайний вариант: пурга утихнет нынче ночью, и при утренней поверке, когда эков поведут в рабочую смену, одного не досчитаются. На новый пересчет уйдет еще два часа. К десяти примутся выяснять, кого именно недостает.

Горы!

Тогда будут доискиваться, сбежал я или меня кто-нибудь порешил и сунул в сугроб или куда еще. Допустим, установили, что сбежал. Как, откуда и куда? Если вообще поверят, что я в конце октября подался на юг. Словом, раньше двух часов вряд ли погонятся. К этому времени я оставлю позади тридцать семь километров, пройденных за восемнадцать часов... Надо отдохнуть!.. Поспать часов шесть. Допустим, мои поимщики пойдут быстрее - три километра в час - и за время моего сна сделают километров восемнадцать. К тому времени, как я продолжу путь, расстояние между мной и ими составит девятнадцать километров, на которые погоне понадобится шесть часов, и она сделает за это время тридцать семь километров, зато я пройду еще двенадцать. Значит, погоня длится уже двенадцать часов без передышки и в тяжелых условиях. Понятно?! Я, свежий,

после сна, опережая их на двенадцать километров, а пройдено целых сорок девять. На эти двенадцать километров у них уйдет четыре часа, я сделаю еще восемь, и на пятьдесят восьмом километре разрыв между нами составит восемь километров... Тыфу ты, черт, разболтался, как Глаха Чриашвили*, не остановишь! Сколько можно талдычить одно и то же! Ладно. Точно просчитано, что погоня тебя настигнет на шестьдесят шестом километре, если будет двигаться без остановок все семнадцать часов. Не на танках же она за тобой увяжется? Ладно, скажем, настигли. А дальше что? Как нынче с беглецами расправляются? Не знаю. Раньше, если беглеца брали там, где был какой-нибудь транспорт, доставляли обратно и тут же расстреливали у лагерных ворот. Труп так и валялся для показа несколько дней. Зависело от климата, в жару мертвец быстро разлагался. Ну, а если в тайге ловили, в отступе от лагеря, то раздевали догола, накрепко привязывали к дереву и оставляли. Мошкара и зверь довершали дело. А в тайге изловят зимой, подойдут на ружейный выстрел, подстрелят и с концами. Во всех трех случаях составлялся акт "убит при попытке к бегству". Теперь иные времена, такого исхода избегают, но бывают случаи, подбрасывают оружие, - сопротивлялся, мол, вынуждены были убить!

А все-таки, что они со мной сделают?.. Не знаю... Да это и не имеет значения. Главное, что буду делать я!..

Об этом я не думал, ни к чему, ничего подобного со мной не может случиться. И вот почему: ходить по Заполярью, в октябре, ночью, в пургу вообще невозможно. Существует стереотип мышления погони - беглец в ходьбе вымотается, вздремнет, замерзнет, помрет, и это на самом деле так. Оперативники убеждены, что в таких условиях единственное спасение для беглеца - найти убежище неподалеку... Скажем, беглец уцелел и, пе-

* Персонаж повести И. Чавчавадзе "Отарова вдова".

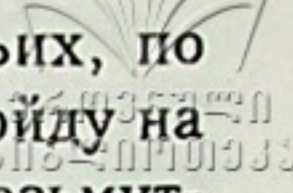

реждав пургу, продолжил путь. Куда он пойдет? Конечно же, к Енисею, поскольку к югу на восемьсот километров нет ни одного населенного пункта. На пути к Енисею беглеца легко настигнут, а если и не настигнут, кордона ему не миновать, это доказано практикой. Теперь допустим, что беглец чокнутый, душевнобольной, тогда он, как уймется пурга, двинется на юг. Далеко ли уйдет? Самое большее, опередит погоню километров на десять-пятнадцать. Изловят. Допустим и то, что он, не убоявшись пурги, все же шел. Ха, тут и летом никому уйти не удавалось, что о зиме и пурге говорить. Так или иначе, погоня все равно будет - правило есть правило. Пусть, я и это учел. Добавлю лишь: я беглец, и промедление будет стоить мне жизни; как бы ни был велик энтузиазм или служебное рвение оперативников, они все равно выдохнутся. Двадцать-двадцать пять часов идти без остановок, да еще в пургу! Попробуй! А им, собственно, не плевать, возьмут беглеца или нет? Вернемся к тому, что предусматривалось с самого начала: пурга уймется, кончится, и все тут! Тогда я смогу делать примерно три, а не два километра в час. Я крепок, поимка слабее, ну и что ж, что разница в возрасте солидная. Они все больше на караульной службе топчутся, у них ноги задеревенели. На этом я выиграю хотя бы три часа и успею уйти за Горячие Ключи. На юг из нашего лагеря бежали всего пару раз, и оба раза дальше сорока километров погоня не шла. Это в рапорте написали, что шли семьдесят пять километров, до Горячих Ключей. Туфта все это. Вынужденная. Через тридцать километров из собак дух вон, что о людях-то говорить! Рухнут, отдышатся и поплетутся туда, откуда пришли. Выходит, все зависит от меня, от моей выносливости и воли. Выдержу - оторвался; упаду - прощай, любовь.. Теперь возьми вариант получше... Чутье подсказывает, что пурга продлится два дня и у меня будет перевес, самое малое, в сорок часов, не считая шести часов сна и отды-

ха. Они не погонят солдат в пургу, запрещено уставом, а я воспользуюсь именно пургой, и к тому времени, как они только тронутся в путь, я в избушке на Горячих Ключах, обозначенной на карте Миши Филиппова, буду предаваться любовным воспоминаниям. Нет, не только воспоминаниям, я, пожалуй, поразмышляю, как же мне все-таки сесть на дальневосточной железнодорожной магистрали. Прямо на рельсу!..

Из этого надо сделать *idée fixe* - сесть на рельсу! Людям, вполне нормальным, без комплексов, с холодным рассудком, не дано свершить ничего выдающегося ни для себя, ни тем более для человечества. Надо быть блаженным, одержимым. Превратить цель в *idée fixe*. Только тогда воля проявится во всей своей мощи, и только тогда интуиция подскажет способ, средство, минуту, миг, когда воображение станет реальностью. Это особенно касается политиков и вождей революций, все они в какой-то мере были одержимыми, иначе не достигли бы цели... А гениев?.. Да. Гениям свойственна одержимость, но быть только одержимым недостаточно, одержимость должна слиться с талантом, особым талантом. Об этом потом, времени хватит.

Да, конечно, мне следовало начать с того, что в этом направлении за мной не погонятся по нескольким причинам. Во-первых, выбрать этот путь и оторваться - такое трудно представить даже при самой буйной фантазии. Даже если предположить, что удастся пройти по сибирской тайге две тысячи километров, на это уйдет два-три года. Не было случая, чтобы кому-нибудь удалось отсюда выбраться на магистраль. Есть два трупа - Чурбана и ингуша Сейсалама. Охотникам велено сообщать, если где по весне им случится наткнуться на труп... Поимщикам невдомек, что у меня есть карта Миши Филиппова, срисованная химическим карандашом на полотно, и кой-какое нужное снаряжение... Во-вторых, они знают, что я беглец, бегу для того, чтобы вы-

жить, и значит, в эту сторону не пойду. В-третьих, по их документам, я - инвалид второй группы. Не пойду на такой риск... Словом, в этом направлении они возьмутся за поиски лишь весной, когда исчерпают все надежды, а тогда... Откуда им знать, что я лауреат везунчиков заочного чемпионата мира! О своей везучести я всегда объявляю во всеуслышание, потому как везение отпущено мне Богом, и как я могу выразить ему свою благодарность, если не признанием во всеуслышание?! Есть доводы и противные: пурга, возможно, не замела мои следы, и они определяют, в какую сторону я подался. Если еще и мороз ослабнет градусов до десяти-двенадцати - пустят собак. Что еще? Наверное, ничего больше, если вдруг не возникнет что-то от меня не зависящее. Чего под солнцем не бывает!..”

Буря набирала силу. Гора бежал. Несколько раз, завязая в сугробах, падал. Тогда он сверялся с компасом, лежа ничком, так даже было поудобнее. Потом колея пошла по небольшому возвышению, снега здесь не было, идти стало легче.

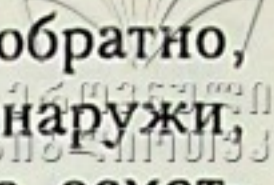
“Сказать по правде, на такую милость благословенной матушки-природы я не рассчитывал!.. Когда в деле тебе с самого начала очень уж везет, добра не жди... В молодости я увлекался игрой в покер, и если вначале карта шла, всегда проигрывал... Покер, вероятно, единственное, в чем тебе никогда не везло... Так и есть, но я же уделял ему слишком мало времени и всегда был слабее партнеров. Может, не было способностей...”

Колея снова пошла по ложбине, и снова стали попадаться большие сугробы. Гора продвигался с трудом. В одном из сугробов снегу оказалось по самое горло. Решившись обойти его, Гора рассмеялся своим воспоминаниям. Как-то в лагере от барака к бараку брел доходяга. Поперек дороги лежало толстенное бревно. Зэк подошел к нему, долго разглядывал. Поняв, что не достанет сил перешагнуть, обошел бревно и поплелся даль-

ше... Гора посветил на компас, сился разглядеть стрелку, и двинулся в обратном направлении, точно на север прошел через злополучный сугроб. Потом по колению в снегу отсчитал десять шагов на запад и снова продолжил путь на юг.

“Интересно, есть, кроме меня, хоть одна живая душа в этом аду?.. Пурга выдалась свирепая. Забавно, что в пургу никто носа не высовывает... На это есть свои причины. Прежде всего, легко сбиться с пути, дальше вытянутой руки ничего не видно. Потом одежда: если оставить хоть какую щелочку, пусть в миллиметр, пурга тут же задует в нее ледяную пыль, и не успеешь ахнуть, как обморозишься. А лицо? Мороз нынче двадцать градусов, и скорость ветра, должно быть, около двадцати метров. Считай, все сорок градусов. Ладно, пусть тридцать пять - отморозить уши и щеки пары минут достаточно. Местные почему-то не признают защитной маски... Пришлые тоже... А вещь, между прочим, практичная - если иметь при себе две-три штуки для смены... Впрочем, зачем человеку выходить из дому в пургу? Распогодится, тогда и выйдет... Это еще что такое, тьфу, черт?! Колючая проволока! Вот тебе и маска - без нее я изодрал бы лицо об эту штуквину... Ладно, теперь - направо. Одна половина ворот, по слухам, должна быть завалена. Хоть бы и не завалена, все равно пройду!.. А вдруг в тайнике не окажется саней!.. Теоретически такая возможность существует, конечно, но не стоит заранее убиваться, этот приятный сюрприз еще успеет сделать свое дело... Э-э-э, и в самом деле завалена... Пстой-ка, обе половины сорвало ветром...”

Гора шагнул через заснеженный порог и, оглядевшись, напрямик направился к дощатому бараку. Каменный фундамент был в пояс высотой. Гора обошел его с юга. Стену не занесло, но снег все же лежал. Гора разгреб его лопатой и взялся за доски, приживленные для видимости. Снял пять досок, сложил их в определенной

последовательности, чтобы без хлопот прибить обратно, когда вынесет сани. Вещмешок он оставил снаружи, влез в проем. Посветив фонариком, тщательно осмотрелся. Кладовка была завалена лопатами, кирками, ломами, заступами. Расчистив угол, Гора разобрал пол, лег ничком и посветил вниз.

Сани были на месте!

Ухватив сани за ляжки, Гора выпрямился. Попытался вытащить, но тщетно. Тогда Гора спрыгнул вниз, взялся за сани и поднял их наверх, еще раз тщательно осмотрел. К саням был пристегнут ремнями мешок из непромокаемой рогожи с карманами. Гора присел на корточки, проверил условные метки - не шарили ли чужие руки. Метки были целы на всех шести карманах и на горловине мешка. Гора вынес сани на двор, вернулся. Достал из ящика припасенные с лета ржавые гвозди с молотком, приладил доски к полу, вбил гвозди и сложил в прежнем порядке отложенные в сторону инструменты. Еще раз обвел кладовку лучом фонаря в поисках ветхого кресла, опустился в него и замер. На дворе по-прежнему неистовствовала пурга.

Время от времени выюга волком врывалась в проем, кидалась во все углы, исчезала, словно ее ждали неотложные дела.

Гора встал, выбрался наружу приколотить доски. Приколотил, зашвырнул молоток. Взвалил вещмешок на спину, пригнал к плечам санные ляжки и двинулся. На санях было двадцать килограмм груза. Вещмешок весил еще двенадцать! Гора вышел со двора, повернулся лицом к лагерю и гаркнул что есть мочи:

“Э-гей, жабы, за мной, в ком душа держится и кого ноги носят!.. Ну, ну, кричи, давай, захочешь докричаться - не сможешь... Я сам себя не слышу, черт побери! Крикнул, что было сил, а не услышал... Очень хорошо. Теперь два километра до реки, потом еще семьдесят по руслу до Горячих Ключей... Господи, помоги! Я, прав-

да, вспоминаю о тебе, когда трудно, но мы же договорились, что так оно и будет. Святой Георгий Атоцкий,* помоги мне довести до конца дело, выведи! Между нами, я что, недостойн? Разве всю жизнь не ходил твоими путями? Когда я говорю "твоими путями", то, ясное дело, имею в виду пределы своих возможностей... Какие жуткие звуки! Хохот, хохот радости... А теперь, вроде, новорожденный плачет... Миша Филиппов, человек опытный, предупреждал тебя - не поддавайся голосам пурги!.. Разве звуки не напоминают крик новорожденного?.. Это я сам, вероятно, кричу, я же новорожденный, кто же еще...

Давай, Гора, тяни лямку, ниспосланную Богом!"

Он стоял на льду, но в русле ли реки? Если в устье весна запаздывала и река оставалась в ледяной броне, то талая вода в верховье, не находя прохода, скапливалась, и в тех местах, где сейчас стоял Гора, выходила из берегов, размывая границы, затапливала тундру на много километров по обе стороны. Случалось и так: пока под напором воды и тепла начался бы взлом льда в низовье, затопленные пространства среднеречья и верховья прихватывало морозом, образуя вкупе с водами русла плотный гололед. В такие годы очень трудно определить русло, но нынче весна выдалась ранняя, воды успели ко времени стечь, река унялась, улеглась в свое ложе, довольно глубокое, и только потом замерзла. Гора об этом знал.

Он побродил взад-вперед, пока не убедился, что находится между отвесными берегами. Подвернув полы балахона, достал из накладного кармана штанов складную палку. Она была составлена из дюралюминиевых трубок. Трубки входили одна в другую, при надобности раздвигались на нужную длину и служили опорой, на которую натягивался маскхалат вместо палатки. Один конец палки представлял собой стальное острие, на дру-

* Атоци - храм в Картли.

гой был надет стальной же набалдашник. Гора лег на лед, постучал по нему палкой, прислушался. Пурга по-прежнему выла, было плохо слышно. Он стучал, пока в промежутках между порывами ветра не расслышал отчетливый отзвук. Лед был речной - он издавал чавкающий звук, чавкала пустота между льдом и водой. У затопленной почвы звук был резкий, звенящий, поскольку тут не было пустоты, вода и почва застывали единой массой.

Гора посмотрел на часы, сунул их обратно в карман и пошел.

“Я, как говорится, сижу в графике. Идти надо до истока реки, то есть до Горячих Ключей. Русло, правда, пойдет дальше извилинами, но ветер будет подгонять меня сбоку, к берегу, и у меня будет ориентир. Через пять-шесть часов река повернет вправо. Тогда я пойду точно на юго-запад. Какая дивная пурга, что ей стоит продлиться еще сутки! Двадцать четыре часа в этом мраке, ну, прямо второе пришествие!.. А разве человек всю свою жизнь не во мраке ходит? Всю жизнь? Нет, только в детстве, лет так до девяти-одиннадцати. Ходит как с закрытыми глазами. Родители, члены семьи, общение с другими детьми, - словом, среда диктует ему, как он должен ходить, и он ходит. Среда эта для него и компас, и часы, и посох, - все вместе, да к тому же еще собственные инстинкты и младенческий разум, который поначалу всегда и всему противится, а потом, и чаще всего, делается податливым и покорным... Ты это запомни - есть над чем поразмыслить, пища для ума... Ладно, потом... Ты только и умеешь, что откладывать на потом. Помнишь, когда мы из Караганды ушли, я спросил: “Ты свободен, почему не радуешься?” А ты ответил: “Об этом потом поразмышляем”. В дни того же побега я как-то спросил: “От чего ты бежишь, почему?” А ты опять: “Потом”. Сколько таких “потом” накопилось! Вот-вот шестьдесят стукнет. Так и отправишься на тот свет, ос-

тавив без ответа все эти вопросы? Правильно, тут есть, над чем подумать. Уточним направление, а потом поразмышляем обо всем этом”.

Гора проверил направление. Снова собрался в путь, но почувствовал, что вспотел. Он скинул с плеч санные лямки и затянул их узлом на ноге, снял белый балахон и, подстелив под себя, лег ничком на лед. Мешок, притороченный к саням, был на шнурках. Он распустил один из них, накрепко привязал к мешку балахон, поднялся, оправил на себе одежду и двинулся дальше.

“В Средней Азии бураном унесло мои очки! Я так и не сумел их найти. Поминай, как звали. Там вихрь, вздымая песчинки, кружит их, потому и называют его бураном, а не пургой. В Сахаре такой вихрь самумом зовут... Ну, унесла что-нибудь?! Накось, выкуси!.. “Эгей, грузины-сопляки! Чей во главе человек?” С чего это ты вспомнил вдруг?.. Наверное, потому, что меня переполняет такое же злорадство... Это я на пургу огрызнулся - на балахон мой позарилась... Ладно, теперь об отложенных вопросах, почему и зачем я устраиваю побеги, да? Я размышлял об этом, но так и не доискался причины. Право, откуда мне знать? Давай порассуждаем методом исключения.

В прошлые отсидки никакой особой причины, понуждающей бежать, у меня в лагерях не было. Я никогда не жил с комфортом, не было такой потребности. А если Бог посылал мне радость, было приятно и только, но непременным условием жизни комфорт я не считал. В основном, я рос в нужде, служил в армии, прошел войну. Значит, баланда, барак, неустроенность и прочие прелести заключения не могли заставить меня уйти в побег: и не было на мне такого греха, совершенного хоть на воле, хоть в лагере, который, вызывая гнев ээков, принудил бы меня бежать; политзаключенные грузины в войне “мастей” вообще не принимали никакого участия. Напротив, наша роль всегда была: разнимать и прими-

рять. Потому-то и не было у меня тех самых кровных врагов, от которых обычно бегают; возвратиться в семью, общество, восстановить отношения с друзьями-приятелями можно, если тебя освободят законным путем. Побег не мог мне дать этого; что еще исключить? Побег как протест против несправедливости! Тот, кто полагает, что сидит несправедливо, полагает также, что справедливость существует и истина в конце концов всегда торжествует. Сидели, писали жалобы. Вот только с начала тридцатых годов вплоть до самой смерти Сталина оправдание и освобождение политзаключенных случались так же редко, как затмение солнца. Фраза: "Наши славные чекисты никогда не ошибаются!" - действовала. Ситуация - и ослу понятно, но политические все равно уповали на истину - писали! Были и исключения, но я не припомню побега в знак протеста против несправедливости. Я не страдал комплексом несправедливо осужденного, я был безгранично благодарен судьбе за то, что меня не расстреляли. Побег как жажда свободы! Во времена Сталина, то есть моих предыдущих побегов, жизнь на воле вообще-то не очень отличалась от лагерной. К тому же, жизнь человека в бегах - это постоянная настороженность, подозрительность, страх попасться в лапы сыщиков, и слово "свобода" с этим никак не вязалось. В то время свобода воспринималась разумным человеком, как нечто призрачное и поводом для бегства не годилась. Иное, когда на воле тебя ждет конкретное, значительное дело. В ту пору я думал именно так. Целью моего первого побега была жажда возвращения на родину и возобновления борьбы. Вернулся. Старая организация была разгромлена еще при нашем аресте. Двое-трое, Божьей волею спасшихся членов кружка, решительно отвергли идею возобновления политической борьбы. Грузия праздновала победу в войне, залечивала раны, оплакивала жертвы, металась в поисках живых, народ выражал свой патриотизм персональными

здравицами за Сталина и членов Политбюро, каждого в отдельности...

А больше меня ничто не влекло. Побег оказался напрасным. Я понял, нужно переждать, и покинул Грузию, чтобы найти иной путь.

Я удирал еще дважды, сам не знаю, почему. Выходит, ответа я так и не нашел... Тогда поставим вопрос иначе: кто вообще бежит, люди с какой психикой? Причину побега следует искать в особенностях характера, натуры, но никак не во внутренних и внешних факторах. Какая же черта характера может вовлечь тебя в смертельную опасность?.. Сталинизм беспощадным террором и разнузданной пропагандой почти искоренил возможность действительной борьбы со строем, сделал систему неуязвимой... Это одно толкование. Вот другое: институт власти на протяжении нескольких тысячелетий приобрел такой огромный опыт самозащиты и обезвреживания внутреннего врага, что у сопротивления перспектива одна - поражение, если, конечно, историческая обстановка и процесс загнивания строя сами не содержат условий, при которых он неизбежно рухнет. Допустимо и такое предположение. Положа руку на сердце, зачем совершали побеги старые революционеры? В большинстве, они просто уходили из мест свободного поселения, для того чтобы эмигрировать. Да и сам побег не составлял трудностей: достать фальшивый паспорт было не сложно, равно как и пересечь государственную границу, - жандармы были отменными простаками. Немаловажно и то, что бежавшие революционеры по прибытии в центры, а часто и до того, были обеспечены всесторонней помощью и надежным покровительством хорошо организованной группы единомышленников. Беглец в эпоху Сталина был одинок, как перст. У него не только не было проблеска надежды на помощь и покровительство, но, если он человек совестливый, он подойти не смел к знакомому или другу. Приютить политза-

ключенного, пусть на одну ночь, протянуть ему кусок хлеба значило в случае доноса - подписать себе строгий приговор. К тому же, побег при Сталине грозил если не смертью, то опять же тюрьмой. Для беглеца это яснее ясного. Вопрос лишь в том, как долго ты пробудешь на воле, вернее, как долго продержат тебя на воле твоя осторожность, разум и удача... "Мы же возвратимся к тому, о чем изначала поведать хотели..." Ты что-то подозрительно ходишь кругами, копаешь около, а к основному вопросу подступить не решаешься. Или трудно, братец?.. Трудно. Не стану объяснять, почему я совершаю побег, получается, вроде как хвастаюсь - не пристало порядочному человеку. Главное, если кто без устали твердит о своих достоинствах или успехах, каков бы ни был его интеллект, им поневоле овладевает мания величия. Это болезнь, которая уничтожает нужные качества, врожденные и приобретенные, перечеркивает опыт и вызывает деградацию личности. Мне же нужно здоровье, душевное и физическое, я должен сесть на рельсу! Поэтому я отмечу только те черты, которые замечал в других беглецах.

Честолюбцы. Они пытаются следовать примерам сильных личностей, снискать себе имя достойного человека, причем убедить в этом и самих себя. Кузнечики - это беглецы, чьи поступки диктуются постылостью формы существования. Они переходят из бригады в бригаду, умудряются перебираться из лагеря в лагерь, меняют друзей, мечутся, им не сидится на месте, и в конце концов они бегут вместе с другими лишь потому, что не могут вынести будничности, однообразия жизни. Есть и такие, которые бегут из чисто практических соображений, они используют славу беглого как средство для того, чтобы вежливо вымогать у поваров побольше еды и устанавливать контакты с теми зэками, у которых есть авторитет и "дачки". Это практики, но существуют и идеалисты, которые стремятся к славе беглого лишь для

всеобщего признания и популярности. Думаю, и без помощи "Витязя в тигровой шкуре" некоторые из них дошли до истины, что "лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор". Есть еще одна порода беглецов. Я называю их "бегунами-мазохистами". Они ищут острых ощущений. Вершина их счастья и блаженства - когда в них стреляют и промахиваются. Если снова выстрелят и снова промахнутся, у них может сердце лопнуть от положительного душевного потрясения, и они умрут. Это именно так! Теперь о борцах. Иные исполнены духа противоречия, их хлебом не корми - дай повод поспорить. "Я тебе докажу, что..." - их постоянное душевное состояние. Они бегут потому, что побег запрещен. Открой им ворота лагеря и предложи уйти, они, может статься, и не уйдут. Среди борцов есть и такие, которые, совершив побег, спустя несколько дней непрошеными гостями возвращаются к лагерным воротам. Для них главное - отведать запретный плод. Вот так-то, голубчик. Побег совершают те, кому провидением отпущено одно или несколько из перечисленных свойств. Если я ничего не упустил, то осталось сказать лишь о вершителях. Это серьезные люди. Всю жизнь они берутся за самые трудные дела, их томит неумное желание творить, созидать новое, побеждать, превосходить. Если обстоятельства складываются так, что достигать и одолевать нечего - они ищут трудностей и снова и снова с азартом и радостью подставляют шею под их ярмо. Такие люди не долго остаются в заключении, они непременно уходят, если, конечно, здоровье позволяет. Какая у них цель? Перед ними огромная империя с карательными механизмами, налаженными, как часы, с сыскными службами, известными своим профессионализмом, строгим паспортным режимом, лагерями, удаленными на тысячи километров от центра и оснащенными последними достижениями охранно-караульной техники, и многочисленной армией с огромным практи-

ческим опытом по ее использованию. Возможность противопоставить себя столь могучей силе для вершителя Эльдорадо, счастливый случай и милость Божья. Они бегут! Процесс побега для них - реализация собственной стихии, а уход с концами - свершение одного из величайших дел в жизни, возможно, самого трудного. Вершитель идет в побег, чтобы жить, испытать свои силы в самых трудных делах, а не затем, чтобы мужественно умереть, если, конечно, смерть не вызвана нравственной необходимостью.

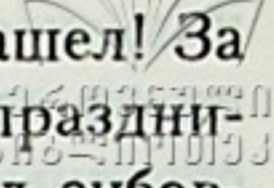
Других не знаю. Если кто знает - пусть скажет!

Пурга бесилась по-прежнему, и царил белый мрак, когда Гора подошел к скалам. Тут русло меняло направление, поворачивая направо. Гора присел. Посветил на часы. Посидев десять минут, двинулся в путь.

“А интересно было бы мысленно проследить процесс становления своего характера, независимости, личности, почему ты такой, какой есть, а не иной... Проследить от начала до конца, с детских лет... Чудак-человек! Или у тебя времени нет, или память отшибло? Ну и думай. Пока ты сядешь на рельсу, четыре-пять месяцев пройдет. Правильно... Не уходить же мне из этого мира, так и не ответив на вопрос, почему я такой, что побуждает меня идти в побег?..”

“Митиленич размышляет”. Так именовался процесс, которому отводилась первая пара часов первой половины рабочего дня Митиленича. Работникам Управления было доподлинно известно, что никакая сила не заставит его войти в контакт с внешним миром за время, отведенное им на размышления. Даже если телефон разрывало от звонков, трубки он не снимал ни в коем разе. Запершись на ключ, он не отзывался ни на чей стук. Митиленич, вероятно, и жену родную не впустил бы, голоси она за дверью. Как-то раз в здании Управления занялся пожар. Люди кинулись спасаться. Все,

кроме Митиленича. По истошным воплям и суматохе он догадался, что здание горит, но бровью не повел, даже когда его кабинет заволокло дымом. Он остался сидеть в кресле и тогда, когда под мощной струей из пожарного рукава разлетелось вдребезги оконное стекло и водяные брызги от стены застучали по письменному столу. Он только закрыл папку, зажал ее под мышкой и остался сидеть. Как только струя переместилась на верхний этаж, Митиленич вернул папку на стол и, раскрыв ее, возобновил думы. После этого случая никто, кроме, конечно, начальника Управления, не смел беспокоить его с девяти до одиннадцати (и даже после), потому как знали - Митиленич размышляет! По правде, он не то чтобы все время предавался мыслям, доводилось ему и письма деловые составлять, и бумаги отправлять. Покончив с бумагами, Митиленич тут же уходил в себя, и зачастую мысли его выливались в стихи, вроде того, что "Никуда не денешься, все равно возьму, если жив, конечно, подожду весну". Или: "Теперь ты, знаю, думаешь, что навсегда ушел, но ты еще вернешься в клетку свою, поскольку ты - моя птаха". Как явствуют приведенные примеры, Митиленич был склонен к верлибру, но эта склонность проявилась только за последние восемнадцать лет службы, когда ему почему-то перестала даваться рифма или, возможно, лень-матушка одолела; лично он такой поворот в творчестве объяснял тем, что раньше, когда он был заместителем начальника розыска, у него было больше времени. Начальник розыска - так именуется должностное лицо, в обязанности которого входят розыск и поимка зэков, бежавших или укрывавшихся. Дело это чрезвычайно ответственное: не удастся найти зэка - все, от начальника до уборщицы, злорадствуют, - ха, ха, не сумел; удастся, - тогда все, понятно, наоборот. За восемнадцать лет службы у Митиленича ни разу не было осечки - его отличал талант, дело свое он знал глубоко, основательно. После каждой

поймки все только руками разводили, - снова нашел! За это Митиленичу вручали почетные грамоты в праздники, иногда награждали ценными подарками под зубовой скрежет сотрудников, о котором он знал. Грамот этих Митиленич нахватал на одну просторную стену, но, как говорится, критерии оценки имел собственные - самой блестящей своей удачей он считал четыре погонипоймки! Остальные для него ничего не значили, хотя и приятно было получать за них грамоты. Тут нельзя не отметить обозначившейся параллели. У Митиленича был сводный брат по матери, кинорежиссер, который, для справки, талантом не вышел, да и грамот у него была всего парочка. Кинорежиссера отличало странное свойство: перед началом съемок каждого нового фильма он разводился с женой и приводил другую. Он был автором пяти-шести фильмов и сменил столько же жен. В отличие от брата. От того жены бегали сами, и случилось это, как ни странно, в моменты сказочных успехов по работе, то есть по завершении тех операций по розыску и поимке, которые Митиленич оценивал как шедевры. Как бы то ни было, он сменил четырех жен, теперь у него была пятая. Я говорю сменил, поскольку в холостяках он ходил не более двух-трех месяцев. Едва убежала очередная жена, как он брал полагающийся отпуск и возвращался к месту службы уже с новой женой. По поводу поведения жен Митиленич объяснялся с начальством, полагая, что бегут его подруги оттого, что сам он служит у черта на рогах, а женщин манят центры цивилизации. Были времена, когда в партийных кругах, на всяких собраниях, заседаниях, бюро, в правоохранительных органах и местах заключения живо обсуждались семейные дразги и разводы, виновные часто получали партийные взыскания, но Митиленич считался незаменимым работником, и факт частых женитьб попросту "замалчивался", как и было отмечено в заключении комиссии по проверке работы Управления. Замалчива-

нию, несомненно, способствовало то обстоятельство, что ни от одной из жен он не имел детей и считал это естественным. По теории Митиленича, у власти - а он полагал себя властью - не должно быть детей, потому как плод, согласно гегелевской триаде, есть отрицание родителей, а отрицать власть не годится. Вслед за этой максимой, высказанной вслух или про себя, непременно следовало замечание, что, хотя она несколько расплывчата, но если копнуть поглубже, в самый корень, окажется совершенно правильной. Наряду с целым арсеналом профессиональных уловок, приемов и методов розыска и поимки, Митиленич владел еще и особой тайной. Ему не раз предлагали перейти на работу на ту же должность в центры, но он упорно не соглашался, отговариваясь тем, что не сибарит и считает долгом служить партии и родине там, где труднее всего! Дело же обстояло иначе, и об истинной причине никто не догадывался: офицеры, несущие службу в глухомани, постоянно подавали рапорты о переводе в город, хоть какой, а Митиленич тем временем прямо-таки горел на службе, и высшее начальство в изустных речах своих отмечало его как пример рвения, и фамилия нет-нет да мелькала в документах. Стало быть, Митиленич постоянно пребывал на виду у руководства. Однако основная причина его заполярного шовинизма заключалась даже не в этом. Чем ближе помещался лагерь к густонаселенному району, тем выше было число побегов, потому как больше было соблазнов и возможностей оторваться. В таких условиях работы у Митиленича было бы куда больше, и она не оправдывала бы затраченных усилий. Представим себе, заключенный сбежал и через пару часов, пусть даже пару дней, добрался до своего пособника. Тогда Митиленич во всех случаях остается с носом, потому что беглеца может задержать любой милицейский ублюдок. Как же быть со стеной, увешанной грамотами в хорошеньких рамочках? Иначе, когда ты служишь у

черта на рогах. Тут ты начальник розыска, поимки, и лавры тоже твои. Если беглец пустился в долгий путь, на этот случай в твоём кабинете на столе разложена большая рельефная карта, и на ней с удивительной четкостью проступает каждая складочка бассейнов Оби и Енисея. Кроме того, в твоих руках сосредоточены все улики, следы, информация о пути следования беглеца. Такой профессионал, как Митиленич, без труда установит, где именно и когда погибнет беглец, в каком месте искать его труп, а если содеется чудо и зэку представится возможность выбраться на волю, несложно сообразить, в каком месте должна устроить засаду опергруппа. Bravo, Митиленич!

Циники и сплетники никогда не переведутся на свете, а может, и не нужно, чтобы они переводились, от них порой услышишь такое! К примеру, один из таких циников прибыл из Большой Тмуторокани в нашу Малую Тмуторокань с преинтересным сообщением о Митилениче: в Большой Тмуторокани проживала в свое время некая Лена, не грузинка по национальности, высланная из Грузии за троцкистские взгляды, молодая вдовца с малолетним сыном. Сюда же был определен на поселение Дмитрий, или Митя, грузин по национальности - фамилию его история Большой Тмуторокани не сохранила, поскольку он едва успел зачать Митиленича, как тут же был расстрелян вместе с другими ссыльными. Когда ребенок появился на свет, возникла, само собой, нужда указать его фамилию, и мать, то есть гражданка Лена, из страха, как бы ее не расстреляли вслед за любимым, в книге записей актов гражданского состояния указала не подлинную фамилию, а вымышленную, соединив свое имя - Лена и отцовское - Митя. Так появился Митиленич. Никто этой истории не проверял, но в нее поверили, и когда в кругу циников-сплетников захлеб обсуждалась очередная жена Митиленича, в его адрес следовало негодующее "черт нерусский".

Это все, что в общем касается Митиленича. Теперь обратимся к частностям, то есть возвратимся к тому дню, который, на наш взгляд, заслуживает особого внимания.

Значит, так. Митиленич размышлял, и это было в половине десятого утра по времени того пояса, в котором он размышлял. Была темень, в этих широтах солнце вообще зимой не восходит, кабинет Митиленича был ярко освещен, одна стена, как отмечалось, целиком была отведена под грамоты. Противоположный простенок между окнами занимала задернутая зеленой шторой административно-географическая карта. Прямо перед письменным столом висела, но уже на всю стену, тоже зашторенная, карта Обь-Енисейского междуречья и бассейна. Что до рельефной карты, то она помещалась посередке. В это утро Митиленич рассматривал флажки, которыми была утыкана малая карта, и размышлял о том, как бы зажать в кольцо вора по кличке Ворона, сбежавшего несколько дней назад. Флажки помечали точки, где, по чутью Митиленича, мог Ворона остановиться у осевших в этих местах бывших, а может, и промышляющих воров. Вероятно, то, что надумал Митиленич, вполне удовлетворило его, потому что он, задернув шторку, возвратился к столу, нажал кнопку коммутатора и продиктовал примерно следующее сотруднику на другом конце провода: "Второй опергруппе. Мною было указано предполагаемое местонахождение сбежавшего заключенного Селиванова, он же Еливанов, он же Ливанов, он же Иванов, по кличке Ворона. Ему надлежит вернуться в лагерь по своей воле. Дайте понять его пособникам, что нам известно об их содействии в укрывательстве беглого. Они откажут Вороне в убежище. Ему некуда будет деться, а без крова до навигации не продержаться, и он по своей воле вернется в лагерь. Это будет примером для остальных заключенных, а советским людям представится возмож-

ность исполнить свой гражданский долг”.

Митиленич сделал необходимые пометки в журнале, навел на столе порядок, достал из сейфа толстый пакет и взрезал его. Вынув из пакета папку, он бросил взгляд на надпись... Каргаретели Иагор Ираклиевич, - прочитал он и вскочил, как ужаленный. Заметался по комнате. Он шагал до тех пор, пока на лице не проступила испарина. Кинувшись к папке, он перелистал ее, приборматывая, - в таком "возрасте!" Успокоившись, Митиленич сел за стол и внимательно прочитал докладную записку на имя начальника Управления: лагерь тщательно и неоднократно обыскивали, перелопатили все сугробы, но никаких следов не обнаружили!..

“Нет, в лагере никто руки на него не поднял бы, если, конечно, не было задания службы безопасности. Его не было. Бежал? Скукожился в машине? С его ростом? Была пурга, и машины в лагерь не заезжали. Бежал с объекта? Но при проверке число вывода и привода совпало. Тогда как же?”

Митиленич помолчал с полчаса. Сощурившись, затребовал чертежи четырнадцатой зоны...

-Никак нет, не желаю знать, немедленно найти и доставить!

Инженер принес чертежи только через два часа, а уже через десять минут Митиленич затребовал селектор. Вызвал начальника режима четырнадцатой зоны.

-Был каптером в бараке? Осмотрите пол каптерки. Под ним проходит коллектор... Как? Коллектор, коллектор... Не знаешь, что такое коллектор? Ты начальник режима, капитан, офицер! Допускаю, ты можешь не знать, что в зоне под седьмым бараком проходит коллектор. Но должен же ты знать хотя бы, что такое коллектор!..

Еще через час Митиленич раздвинул шторы на большой карте и воткнул первый флажок на местоположении четырнадцатой зоны. Отыскав на рельефной кар-

те холм, на который приходился коллекторный колодец, он воткнул флажок и в него. Потер руки. И словно ощутил в пальцах будущий орден, и как ему воздастся "за особые заслуги". А какой дадут?.. Тут неожиданное соображение его как обухом огрело, он насупился, закаменел. Сидел какое-то время недвижно. Рука нерешительно потянулась к ящику и, выдвинув его, извлекла фотографию в округлой картонной рамке с подпоркой. Уставив ее перед собой, Митиленич внимательно вгляделся. С фотографии улыбалась кокетливая, довольно хорошо сохранившаяся женщина лет сорока с небольшим. У нее было полноватое, нежное лицо, она оставляла впечатление человека веселого. Надо сказать, что Митиленич жен подбирал по выражению глаз, руководствуясь принципом, что в "улыбке глаза женщины обманчивы, а в гневе - зеркало души". В этом замечании есть зерно, заслуживающее внимания, пусть никто не обманывается на тот счет, что девушка периода любовной игры и кокетства проявит в замужестве тот же характер. Хочешь знать, что она такое, рассерди, увидишь реакцию и по ней суди. Митиленич сунул руку в другой ящик, долго шарил в нем и извлек конверт, вынул из него фотографии и разложил в ряд. Помешкал некоторое время, напрягая память, и поменял местами две первые фотографии. То были его жены: Нора, Лора, Дора, Флора!.. Митиленич жен своих переименовывал, такой уж у него был характер. Новые имена походили одно на другое, тут улавливался призывок небыстрой оперетты, где в выходной арии героя-любовника кокетливой чередой шли сходные по звучанию женские имена. И в самом деле, Митиленич, кроме поэзии и оперетты, в литературе и искусстве других жанров не признавал. К чести Митиленича, он никогда не путал имен, которыми нарекал своих подруг, на это у него была особая память, вообще-то можете себе представить жену, которую вы хоть раз в жизни назовете именем ее

предшественницы!

Сначала Митиленич оглядел весь строй жен. Взял фотографию Норы, задумался и перевел взгляд на грамоту в серой рамке. Ему припомнилась операция, принесшая грамоту и внеочередное звание. Сбежал вор по кличке Косой. Он сумел добраться до Дудинки, но Митиленич вышел на него, да так здорово, что в сеть попались еще два рецидивиста, на которых был объявлен всесоюзный розыск. Именно после этой операции Нора запросилась к родителям, то ли в Рязань, то ли в Воронеж, пообещав не задерживаться больше месяца, а через десять дней пришла почтовая открытка, составленная всего из двух слов - "Не вернусь". Покинутый муж какое-то время погоревал, потом махнул рукой, взял отпуск и привез Лору. Тут дело слегка осложнилось, так как женщину звали Аэлитой и она наотрез отказалась от нового имени. Митиленич сделал вид, что уступает, но про себя все равно называл ее Лорой. Лора удрала от него после вон той грамоты. Ее Митиленич получил за поимку обвиненного в шпионаже заключенного Августа Соккера, которого взяли прямо на турецкой границе, в точно указанном Митиленичем месте. Дора!.. Флора!.. Что это, совпадения? Столько совпадений походит на закономерность. Митиленич перевел взгляд на портрет своей последней жены, - Мара, любимая, тебя я не смогу потерять... А Каргаретели? Я должен найти его и взять! А если найду и повторится то, что было уже целых четыре раза! Если не найду, тогда по той же закономерности... Как это, не найду, что ты говоришь, тов. Митиленич, что скажут там?! Найду, куда он денется, он где-то здесь мотается... От пурги не уйдет. Лучше всего, если он замерзнет, и летом я уже буду знать, где искать труп. Митиленич оживился, на лице мелькнула улыбка, но тут же погасла. Митиленич помрачнел, проворботав, - это профессионал! Он не ушел бы, не имей он полной гарантии процентов на восемьдесят - девяно-

сто. Выходит, надо искать и найти... Митиленич снова вперился взглядом в фотографию жены, - нет, любимая, я старею, мне нужен уход, да и тебе нужен друг, не так ли?.. Ты посмотри на эту гнилушку, на этого Каргаретели или как его там! Что ему от меня надо, я не сделал ему ничего дурного! Неслыханная жестокость! Ладно, ты хочешь оторваться, но я-то тут причем?! Нашел время бегать! До навигации пять месяцев. Что он собирается делать? Тут надо хорошенько подумать... Навигация? Если б он надеялся на навигацию, то погодил бы бежать. Может, он из тех, кто не в ладах с самим собой. Ушел в пургу и будет идти в пургу... Он рванет на юг, душа рекорда взалкала. С другой стороны, он профессионал и бежит, чтобы жить, разве нет? Если он пойдет на юг, какой у него шанс выжить? Тут что-то кроется, Митиленич, тут что-то кроется!

Гора шел восемнадцать часов. Пятьдесят минут ходу - десять отдыха, как в походном марше. Он приобрел этот навык еще в юности, именно в юности. Техникум, в котором Гора учился, был военизированным, две недели в месяц были отведены военному делу. Летом - два месяца лагерей. Там была настоящая муштра, никаких поблажек. Через два года бойцам студенческой роты присваивалось звание военных техников третьего ранга и один "кубик", с красным талончиком первоочередника запаса в военном билете и с четким адресом, куда следует незамедлительно явиться в первый же день войны. Гора был несовершеннолетним, младше своих однокашников - рано поступил в техникум. Он имел право отказаться, но не захотел ронять себя в глазах товарищей своей непригодностью к воинской службе, а то для него военный быт, казарма, война были всего лишь долгом, тогда и потом. Подошло время сна. Чтобы обустроить логовище, нужен был большой сугроб. Нашел, вырыл, получилось довольно просторно. Правда, спать

пришлось, поджав ноги, но в сложившейся ситуации и это был хлеб.

Гора вбил складной стержень, крепко помучился, натягивая маскхалат, - пурга мешала. Насилу управившись, стал оснеживать края палатки. Ничего не вышло; махнув рукой, он влез в свое убежище, подтянул к щели сани, снял ветровку, подложил под голову вещмешок. Теперь можно было и поспать. Не прошло и пятнадцати минут, как палатку замело снегом. Шум стал глуше, усталость взяла свое. Гора уснул, как убитый. Спал он недолго - внутренняя тревога разбудила его. Он ощупал руки-ноги, не отморозил ли, и снова погрузился в дрему. Он вообще не был соней, даже в молодости ему хватало шести-семи часов сна. Но засыпал мгновенно, едва голова касалась подушки, а со временем выучился просыпаться в заданный час. Так вышло и на сей раз - он проснулся, осветил на часы. Восемь вечера.

“Я уже сутки в пути, прошел тридцать шесть километров... Может, больше. Пурга, что ли, стихла? За пазухой у меня граммов триста хлеба и пятьдесят свиного сала. За ужин и в дорогу! Наши предки брали в поход кумелу*, горцы ее халой называют. В ней крахмал и углеводы. Еще брали чурчхелы - сплошь витамины, фруктоза, грецкие орехи. Славяне, наверное, свиное сало брали. Вкусное оно и сытное... Черт, видел какой-то сон!.. Видел, как же! Мне Чан-Дзолин явился, - Митиленич, говорит, хочет сани твои украсть, тебя он брать не будет, голодом заморит... Как Митиленич мои сани уведет? Распогодится, он вертолет вызовет. Ты, слышав шум, бросишь сани и дашь деру. Вот и уведут сани... Хаа, Митиленич, не знал, что ты такой простак. Не даром мне Чан-Дзолин явился... Если поимщики приметят меня с вертолета, то сядут и уж, конечно, загребут.

* Поджаренная пшеничная мука, перемешанная с топленным маслом и медом.

При чем здесь сани? Непонятно... Чего ради Митиленичу меня голодом морить, прошелся бы автоматной очередью. Что только ни привидится!.. Как доставили меня в тот лагерь, так он самолично пришел на меня посмотреть, каков я молодец. Флегма он, но спец, говорят, отличный. Ему и в голову не приходит, что мне вся его подноготная известна. Даже то, что сделал его Митя Джваршеишвили. Мито и в ссылке все шумел, за что большевики и осиротили его сына... Вот к чему ведет увлеченность идеями Маркса... Двадцать часов пятнадцать минут. Аванти, сеньор!.. Скорее всего, за эти восемнадцать часов я делал по три километра в час. Очень может быть, что прошел я не тридцать шесть, а все пятьдесят километров, и даже больше; сани скользили хорошо, легко... Да, я хотел что-то обдумать?.. Не здесь же, ты собирался поразмышлять на Горячих Ключах, с чувством, с толком... А кто мне сейчас мешает? Стало быть, становление характера, личности, миропонимания, так?.. Смешно, что человек отправляется на тот свет со всем этим опытом, будто без него не примут... Но не все же так уходят. Иные впадают в такое слабоумие, имени своего не помнят... Это конец. А начало?... Начало - род. Сейчас это называется то ли исторической, то ли генетической памятью - некоторый опыт, с которым человек рождается. Остальному он учится у людей, приобретает, сталкиваясь с живым и предметным миром. Я уже говорил, - ребенок шагает, движется во мраке. Это условное выражение. Ребенок не только все видит и слышит, но попутно и уроки из этого извлекает. Стало быть, он анализирует, делает выводы в пределах отпущенных ему умственных возможностей, а это уже опыт... Знаешь, как долго длится этот процесс? До умственного вырождения. Опыт накапливается, пока работает память... Да, это так. Теперь бы определиться, какой из возрастов чему учит, какой опыт приобретает человек?.. На первых порах, лет до

десяти-одиннадцати, он постигает искусство отстаивать место под солнцем, учится выживать. Назовем этот опыт "наукой жить". В этом же возрасте вырабатываются основные мерилы или закладывается тот фундамент, который определяет духовность, миропонимание личности в процессе становления. Теперь о том, что составляет программу или курс науки. Прежде всего, это род, наследственная потенция. Затем первые слуховые и зрительные впечатления, элементарные навыки... Случались у меня и видения. Это мистика, хотя очень может быть, что видения были порождением оптических эффектов, простых и непростых. По глубокому убеждению бабушки Софьи, эти видения сулили мне удачливость на всю жизнь. Убеждение несколько сомнительного толка, поскольку и поныне никто не знает, что такое удача: когда до самой смерти провидение ограждает тебя от любых, пусть самых небольших, горестей, или когда тебе за жизнь раз сто удастся выскользнуть из рук смерти?.."

Скажу пару слов о загородном доме, где видения мальчика становились явью. Если верить деду, род Каргаретели еще в начале семнадцатого века отдал в жены юноше из рода Херхеулидзе писаную красавицу и за ней в приданое эту усадьбу с садом и дубняком. Потом Херхеулидзе отдали не менее достойную красавицу за юношу Каргаретели... В течение трех столетий усадьба переходила от одного рода к другому, не сбиваясь в сторону с прямого пути, как челнок, и даже дед затруднялся в подсчетах, сколько раз она меняла хозяев. Дом слыл "мученым". Гора слышал это слово от старших. Здесь на протяжении веков всегда что-то происходило: кто-то кончал самоубийством, кто-то убивал кого-то, и вообще в пяти комнатах угла не осталось, откуда кто-нибудь не отправился бы в мир иной. Возможно, этим объясняется некоторая склонность Горы к мистике, позволявшая ему расцвечивать рассказы взрослых своими

причудливыми грезами. Не считите за шутку, но, по моей мысли, видения и призраки детства оказали значительное влияние на Гору и в некотором смысле определили его жизнь. Он всегда охотно беседовал на эти темы. О некоторых упомяну - этого требует дальнейшее повествование. Вспоминал он примерно так:

“Как-то раз составила подходящая аудитория из дачных гостей моего отца, и дед, улучив момент, объявил, что этот дом был отстроен в языческую пору... Нет, может, само здание было другим, но фундамент остался прежним!

Гости с некоторым недоверием отнеслись к этой версии. Тогда дед, распалившись, предложил всем спуститься в подвал и убедиться в этом самим. Гости неохотно поднялись и пошли за дедом. Я увязался за ними. Дед открыл дверь, в подвал хлынул свет. Я проскользнул вперед. Дед отложил в сторону какие-то вещи. Показалась большая, величиной с тахту, плоская, тесаная мощная плита из камня, с изголовьем в форме валика. В нескольких вершках от изножья был вбит клин высотой с ладонь и толщиной с запястье. В клин было продето кольцо, оно свисало, как серьга. Дед взял с полки напильник, провел им пару раз по клину, затем по кольцу. Распил сверкнул на свету желтизной.

- Обратите внимание, - дед повернулся к гостям, - каменная плита - это ложе. Вот и изголовье. Клин и кольцо - бронзовые, не какие-нибудь. Это позволяет отнести ложе к бронзовому веку. Ясно, что к кольцу приковывали цепью. Кого? Конечно, юродивого, который предназначался в прорицатели. Где-то поблизости должно быть капище с жертвенником. Юродивого спускали с цепи, вели в капище, а после прорицаний его приносили в жертву языческим богам!

Дед немного помолчал, давая гостям осмыслить сказанное, и тихо, почти шепотом добавил:

- Какой силы должна быть исполнена вера, если ей

удалось выстоять, несмотря на все испытания, случайные и обусловленные, которым она подвергалась на протяжении двух-трех тысячелетий, и предстать перед нами одной из самых трагических своих сторон!

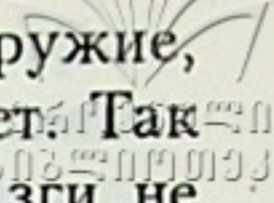
Скажите на милость, как я мог успокоиться, пока бы не добился от деда в доступной мне форме пояснений, что такое язычество, юродивый, прорицатель, жертвоприношение и весь тот ритуал. На вопросы, в которых дед и сам был не очень сведущ, он отвечал вымыслом, но я ему во всем верил. Не говоря ни о чем другом, дед за несколько дней до рассказа о прорицателе, такой старый, на глазах у всех, включая меня, одним махом вскочил на необузданного чистопородного жеребца и объезжал его, пока не усмирил. До деда жеребца пытались объездить несколько человек, и даже офицер от кавалерии. Не смогли. Деду на ту пору было шестьдесят - он вскочил на коня и обуздал его. Я во всем ему верил, как же иначе?

После этого я каждодневно, а то и по два раза на дню спускался в подвал и, как заговоренный, смотрел на каменное ложе. Как-то раз я даже увидел юродивого. Лысый, кожа да кости, он был прикован к кольцу, на лице пламенела клочковатая борода, он сверкал огромными, как раскаленные уголья, глазами. Я подумал, что он, должно быть, голоден, и принес ломоть хлеба. При втором посещении хлеба не оказалось, в глазах юродивого была благодарность. Приободрившись, я стал каждый день носить ему еду. Мои подношения, конечно, съедали домашние животные. Юродивый как-то раз даже заговорил. Я запомнил слово в слово: "Водой уже топило. Теперь от огня погибнем!.." - внятно произнес он. Непонятно, как я, молокосос, придумал эту фразу. Возможно, она составилась из слов, выхваченных из разговоров взрослых... Но вот, спустившись как-то раз в подвал, я не застал Юродивого. Ложе было уставлено всякой утварью: деревянным корытом,

бочкой для квашения и глиняными горшками. Я возопил, - увели на заклание! Убьют!..

Было полнолуние, я стоял у балконных перил. Тучка, одинокая, белая, нежная, лепилась к небу, луна скользила по небосводу. Серебристым цветом сияло небо, трава на земле, взметнувшиеся кроны дубов, стройные липы, старая груша, зонтиком раскинувшая ветви над колодцем, и дикая лоза, пологом увившая веранду. Из-за тучки вылетела птица - серебристая и огромная. Добрая, красивая, она кинулась догонять луну. Наблюдая за ней, я поневоле заговорил вслух. Птица неслась за луной, постепенно настигая ее. Настигла и, как-то чудно встрепенувшись, хотела было сесть на нее, но вдруг исчезла... А может, села и потом исчезла?! Слова замерли у меня на губах. Прошло довольно много времени, голос бабушки вывел меня из оцепенения, она спрашивала, села птица или нет? Оказалось, бабушка пришла до того, как я заговорил вслух, она все слышала. Я мог ответить двояко: что птица не сумела сесть и что она села. После некоторого раздумья я ответил: - села! Бабушка подхватила меня на руки, она целовала и ласкала меня, обливаясь слезами радости. Мне кажется, отсюда моя одержимость догнать и оседлать, достичь цели, свершить. Ничего такого, что имело бы значение для всего человечества, я не совершал, но упомянутая одержимость есть во мне, это уж точно.

Великан был уже потом. В паре километров по прямой от нашей дачи высилась Коджорская крепость. В лунные ночи эта крутая гора с крепостью на вершине казалась мне лежащим великаном. Днем это была Коджорская крепость, ночью - Великан. В семье об этом знали и снисходили к моим слабостям, - пусть себе думает. С мыслью о Великане я стал носиться не без влияния бабушки, мне запомнилась строка из Акакия Церетели, которого она мне читала: "Он не умер, он просто спит!.." Я твердо верил, что Великан прикован цепями.

Я отчетливо видел его конечности и мышцы, оружие, шлем, цепи и верил, что он разорвет их и встанет. Так и случилось. Ночь была хоть глаз выколи, ни зги не видно, но я, взобравшись на подоконник, уставился в крошечное пространство без конца и края, туда, где возлежал мой гигант. Сверкнула молния - раз, другой, третий... Великан привстал, торжественно воздел сжатые кулаки со свисающими цепями, выпрямился во весь свой могучий рост. Гром и молнии сопровождали каждое его движение. Разумеется, я поднял крик, - Великан встал!

Великан вселил в меня твердую веру в то, что все дремлющее, подавленное, скованное цепями должно непременно восстать и возродиться. Это видение стало зачином моего отчаянного оптимизма.

Видением мне была и маленькая девочка. Она много раз являлась мне на протяжении жизни, всегда вызывая нечто приятное. Очень красивая златовласка шла по дороге мне навстречу, над ее головой с грохотом вращались мельничные жернова. Они походили на нимб, а были всего лишь мельничными жерновами. Я остановил девочку, но мы не слышали друг друга. Мало того, что жернова грохотали, в этот шум вплеталось еще множество разных звуков: боевой клич, торжественный хорал, причитания, хохот, гром бурь, нежный лепет детей, - они глушили слова... Звуки эти то как бы неслись из самой бездны, то раздавались возле самого уха - и так, и этак. Девочка стояла, улыбаясь сияющими голубыми глазами, а мельничные жернова грохотали. Потом все на мгновение смолкло, девочка нахмурилась, сказала мне несколько слов и исчезла. Вот эти слова: - "Иди рядом со мной, следуй. Захочешь - можешь обогнать. Но не оставляй меня, иначе тебя сомнет! Звать меня Нино, вспоминай обо мне..."

Она исчезла, а вместе с ней и дорога. Вокруг простиралась пустыня, я не знал, куда идти...

Эта девочка за мою жизнь много раз указывала мне правильный путь. Не сама, просто я слышал ее в грохоте мельничных жерновов.

Как-то привиделось и такое: стояла зима, было темно, я шагал по шпалам. До этого я один-единственный раз видел полотно железной дороги. Холодный ветер дул в спину, я продрог. Послышался шум приближающегося поезда. Я собрался сойти со шпал. Ноги перестали слушаться, я не мог ступить ни вправо, ни влево. Пробовал рвануться - ничего не вышло, рельсы держали меня, поезд приближался... Вот-вот догонит, раздавит... Мелькнула мысль лечь. Я бросился ничком. Тело пронзил холод металла, и я ощутил, как мои конечности, распластанные на путях, наливаются твердостью стали, я превратился в рельсы. Это было настолько явственно, что я даже ощутил жесткость стяжки крепежных костылей. Состав кончился, прошел по мне, прогрохотал. Я поднялся целым-невредимым, но уже глубоким старцем, совсем дряхлым. Тело кричало от усталости, и этот крик я слышал своими ушами.

И все же я был вне себя от радости - я остался жив!

Я рассказал об этом деду. Он задумался и еле слышно произнес:

- В плохое время ты родился... И тебя, как и меня... как и многих других переедет жизнь.

Сдается мне, это он верно заметил!

А Чан-Дзолин?.. Бабушка взяла меня в церковь. Оттуда мы вышли на Пушкинскую, стали ждать трамвая. Вот тогда я и увидел впервые в жизни человека с глазами монголоида - живого, до того я видел рисованных китайцев, мужчин и женщин, - у нас был такой кофейный сервиз. За нашей спиной, у стены, стоял китаец с жемчужными бусами, свисающими с рук. Он был маленький, тщедушный. Я, раскрыв рот, смотрел на роскошь его глаз. Он даже улыбнулся мне, но потом снова нахмурился и ушел в свои мысли - по моему то-

гдашнему разумению - глубокие и сложные. Примерно год спустя я встретил этого китайца в подъезде нашего дома. Он сидел на лестничной ступеньке, ждал моего возвращения с урока музыки. Мы поприветствовали друг друга, как старые знакомцы.

- А где бусы? - спросил я.

- Сегодня я много размышлял. Мысли были всякие - мелкие и настоящие. Каждая бусина - мысль. Я - Чан-Дзолин...

Так завершилась наша встреча. Я, вероятно, краем уха слышал эту фамилию. Тогда в Китае смута была великая, старшие читали в газетах: Чан-Кайши, Чан-Сюэлян, Чан-Дзолин, Восточно-Китайская железная дорога, - и беседовали на эти темы...

Мои видения повергли семью в такие серьезные раздумья, что бабушка предложила сводить меня к Бабале, - она умела заговаривать. Родные чуть было не согласились. Излечила бы меня Бабале или нет - трудно сказать, но молодой женщине, которая пять лет никак не могла понести, она дала выпить довольно большую кружку керосина, и у нее родился ребенок. А хорошо сделали, что не дали меня заморозить. Я прекрасно себя чувствовал с моими призраками и привидениями. Профессора сказали моим родителям, что все это последствия того ночного обыска. В таком случае, мой дядя Шалва, те обыскивающие и кривой нож одного из них сослужили службу - пробудили мою фантазию. Для начала я выучился вдохновенно врать, а со временем, когда понял, что ложь трусость, стал придумывать многообразные сюжеты и жить в преображенном мире. Это сняло тяжесть с моего сердца, отучило ныть, подарило улыбку.

Спасибо тебе, дядя, и вам огромное спасибо, товарищи чекисты...

Ну и подъем! Неужели я шел так быстро, что и до Ключей рукой подать? Русло вдруг сузилось, может, я

пошел по какому-нибудь притоку? Хотя и река была так себе, средненькая. И этот подъем что-то сомнительный. Не мог же я так быстро добраться до гористой местности. Очень может быть, что у меня неверное описание ущелья и реки... Нужно определить местоположение".

На сей раз сугроб, который выбрал Гора, был большой, и логовище вышло на славу. Влез, какое-то время посидел, поразмышлял. Даже чуточку согрелся. Снял маску, очки и взялся за дело. Стрелка компаса металась, как безумная. Гора вылез из логовища, поднял глаза на небо. В паузах между порывами ветра мелькал усеянный звездами небосвод, но паузы эти были так ничтожны, что рассмотреть, а уж тем более воспользоваться секстантом не удавалось. Вернувшись в убежище, Гора задумался.

"Что с того, если я не определяю, где нахожусь? Русло вьется, как змея, то на юг гонит, то на запад... От компаса проку мало, что есть он, что нет... Может, я вообще на север иду?! Эх, один и хлеба не съешь... Ты всю жизнь один. Тоже мне, новость!.. То есть, как один?! Разве я когда-нибудь был обделен любовью, признанием и уважением?.. Это другое. Послушай. Как бывает в семье между супругами? Кто-то пассивен, кто-то активен. Первенствует активный, взваливает все дела на себя, и со временем остальные члены семьи привыкают к мысли, что так и должно быть. Активному все дается, для него нет непреодолимых препятствий, и трудностей он никаких не испытывает! Активному только и остается, что тянуть лямку, - это его завоевание. Но разве твои близкие и друзья, поделись ты с ними своими трудностями, не поддержали бы тебя?! Другое, что тебе самому не хотелось ронять себя в глазах близких, как никак "всему голова". Ты прав, не хотелось!.. Ты одинок? Нет! О тебе и в эту минуту думают, беспокоятся, готовы помочь, но ты сам обычно выбираешь позицию, когда помощь тебе либо не нужна, либо помочь

невозможно. Гора, ты любишь одиночество!.. Мы-то с тобой знаем, почему я одинок. Смерть матери обрекла меня на одиночество. Она погибла из-за меня. Эх, откуда мне знать? Я не люблю одиночества, однако... Я и теперь не одинок, разве Митиленич не со мной? Ха, ха-а!.. Пстой, река течет с юго-запада. Как бы она ни извивалась - я тоже иду на юго-запад. Именно так и надо! Единственная опасность, не прозевать бы Горячие Ключи и хижину гляциологов. Прозеваю, так прозваю - забьюсь в логовище и с концами! Главное, перевалить водораздел, уйти подальше от Енисея, то есть от зоны поиска... Гора, порядок, пошли!.. А то заладил, одиночество, то да се... Бедняга, Шилин! Вот кто был одинок... О своей семье и прошлом он никогда мне ничего не рассказывал. Я сам догадался, что он был сыном чекиста, большого человека, которого с корнями рванули в тридцать седьмом. Отца с матерью расстреляли, старенькая бабушка в приюте, сам с семи или восьми лет в детдоме. Удрал, бродяжничал, наголодался - украл, с тех пор - "Бутырка, я твой бессменный арестант, погибли юность и талант в стенах твоих..." Он был начитанным. Тюрьма не сумела убить в нем тяги к знаниям. А Шилин ли он? Пальцев не хватит, пересчитывать все эти "он же"... У Шилина была чахотка. Он подал мне из больницы весточку с просьбой навестить. Я навестил. Бедняга, от него одни кости остались, дышал на ладан... У меня, говорит, просьба к тебе - не хочу в тюрьме помирать. Срок послезавтра выходит, но с температурой не выпустят. Лагерный врач - твой друг. Попроси, пусть хотя бы пару дней записывает в лист нормальную температуру, а выйду и... Я попытался подбодрить его, - Бог свидетель, не пришла еще твоя пора, но просьбу мы выполнили оба: и я, и врач. На почтовой открытке я написал лагерный, то есть свой, адрес и сунул открытку на выходе в вещмешок, черкни, мол, при случае пару слов. Он ушел. Чуть ли не три месяца спус-

тя открытка вернулась обратно. На ней аккуратным почерком было написано, что нашли ее в вещах больного. Думаю, вас интересует его судьба. В такой-то день он скончался в нашей больнице... Вот кто был одинок! Мы не одиноки, я и ты идем вместе, вдвоем - Гора и Гора! Об остальном потолкуем, когда сяду на рельсу, пошли!"

Гора прикинул, что если в сутки делать по тридцать семь километров, то на рассвете третьих он доберется до Горячих Ключей. Задача была тяжелой, и выполнить ее нужно было за двое суток, расчет был прост: оторваться от лагеря на семьдесят пять километров, то есть на такое расстояние, когда погоня оставила бы надежду настигнуть его. Чутье подсказывало, что в такую погоду преследовать вообще не будут, но Горе даже в голову не пришло изменить намеченный план. Он шел почти одиннадцать часов без передышки, и по графику уже полагалось найти большой сугроб, чтобы снова завалиться на шесть часов. Утомление его было так велико, что ему хотелось заснуть тут же, не делая больше ни шагу! И именно в этот момент он увидел огромный сугроб. Гора, приостановившись, бросил ему: "Дорогой, желанный, может, не встречу больше такого, как ты", - и пошел дальше. Он сделал еще шагов двести-триста. Взопрел. Подъем становился все круче, сани все тяжелее. Он прошел еще немного, чтобы протянуть время, и увидел сугроб, так себе, средненький, устроил убежище и сел. Выровнял дыхание и, стянув маску, смежил веки. Прошло минут пять. Открыв глаза, он снова отдался мыслям.

"Думаю, что я уже в районе Горячих Ключей. Разглядеть хижину почти невозможно, тьма-тьмуша. Серная вода, по слухам, горячая. Сто градусов... Перенасыщенная к тому же. Значит, запах должен бить на большое расстояние. Интересно, с какого расстояния можно уловить этот специфический запах? Как там, в

Тбилиси, с этим запахом от серных бань?.. Не останавливайся, думай на ходу... Возле Сионского собора, считай, метров за триста, запах явно ощущался. Здесь, надо думать, он резче... Постой, а если тут вода замерзает? О каком запахе тогда речь, а? Дело усложняется. Теперь о хижине. Ее параметры: три с половиной на два метра. Высота - два метра. Крыша с легким скатом, жестяная. Дверь и оконце. Между двумя бугорками проложены толстые бревна. На них стоит хижина, а под ней бьет гейзер. Бревна и хижину вертолетом доставили. Сперва бревна привезли, уложили, как надо, потом и хижину аккуратно опустили на бревна. Почему? А потому, что кипяток под ней бьет!.. Здорово придумано, ничего не скажешь, умно! Хижина оказалась как бы в юбке, одно только отверстие оставили для стока. Выходит, под хижинкой своего рода бак с горячей водой. Дерево, правда, плохой проводник тепла, но когда-нибудь же согреется?! Словом, Гагра и Кобулет в тундре, уважаемый Гора!.. Вот только, серой припахивает!.. Но я же не собираюсь там поселиться. Отдохнем, погреем старые кости, поедим... Да, надо сузить лямки вещмешка. Твоя погоня еще из казармы не вышла, как пить дать. Можно часов десять-двенадцать понежиться... Я-то не оставлял им записки, куда иду. С чего бы им сюда тащиться? Как бы там ни было, пока нет причин план менять... Отоспаться часиков шесть, и в путь, хижину искать... Какие, однако, сани стали тяжелые! Александру Папава, царство ему небесное, было восемьдесят пять лет, когда я спросил его как-то после застолья, где он был тамадой:

- Ты как себя чувствуешь?

- Я ничего, только вот вино в последнее время что-то крепче стало, - усмехнулся дядя Саша...

Так и со мной, сани от подъема затяжелели, любезный. А что означают эти подъемы, может, мы к Ключам приближаемся?.. Ключи эти стекают в ложбину, зачи-

нают реку... Откуда ты знаешь, что это именно та ложбина?.. Если она, то вода должна иметь привкус серы... Пробьем лед, попробуем на вкус, сколок с исподу... Гениальная мысль... Не будь торопыгой, этот сколок с поверхности. Глубже, глубже коли... Чудак-человек, зачем столько сил зря тратить? Не будет серного привкуса, тогда и колоть буду глубже... Давай, работай, не философствуй!.. Нет, надо попробовать, мочи нет терпеть... Раз уж вбил себе в башку..."

Гора стянул рукавицу и, попробовав кусочек льда, восхитился вслух:

- До чего ты вкусная, серная водичка, драгоценная ты моя!..

"Все дело в том, сколько еще осталось до хижины... Отоспаться или идти дальше? Через тридцать пять минут время сна. Как быть?.. Идти! Если за тридцать пять минут увидим хижину - добро, а нет, пусть хоть три метра до нее останется - логовище и делу конец... Как будто и подъем уменьшился. Может, дошли до плоскогорья?..

Не прошло и получаса, как Гора уже стоял перед дверью хижины. Она была заложена засовом. Пришлось повозиться, сбивать рукоятью лопаты. Засов поддался, дверь открылась. В хижине было темно. Он включил фонарь, обвел хижину лучом, вошел. Втащил сани, дверь оставил открытой, чтобы выветрился запах серы. Двух порывов ветра хватило на то, чтобы хижина проветрилась. Закрыв дверь изнутри, Гора огляделся и увидел на дощатом столе фонарь "летучая мышь". Он встряхнул его, булькнул керосин. Достав спички, засветил фонарь.

Возле двери, в углу, обшитом асбестом, стояла печь на солярке. У стола помещался широкий, на двоих, топчан. Больше ничего не было. Присев, Гора задумчиво уставился на огонь, потом положил вещмешок на пол, расстелил на топчане ветровку. Сюда же побросал ме-

ховую одежду, подложил унты под голову и прилег. Тепло, уставшее от постоянной борьбы и натуги, расслабилось. Гора задремал.

В хижине было по-настоящему тепло. На дворе свирепствовала пурга, и Горе в полусне казалось, что этих двух суток в его жизни никогда не было.

Перевод *автора*

НОВЫЕ СТИХИ

ТРАГИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

*Города шум доносился расплывчато,
Дождь моросил в вечереющей мрачности,
Гриб бородавчатый с зонтиком дымчатым
Из лесу мокрого выбрался крадучись.*

*Среди дремоты заката вечернего
По повелению ада ли, неба ли
В брюхе земли, ятаганом разрезанном,
Город бесследно исчез - словно не было.*

* * *

*Воздушный перекресток мира
перегорожен стеклами зала ожидания.
В нем нервно, как рыбы,
брошенные в огромный сосуд,
снутуют туристы.
Деланный смех.
Галдеж.
Никому не сидится на месте,
хоть времени много
и не скоро еще в дорогу.
Эхо испуганных голосов
бьется о стекла
и скачет, как мячик,
по мраморным плитам пола.*

На месте все подписи и печати,
паспорта,
билеты,
визы -
нигде комар носа не подточит.
И все же, все же...
Не дает покоя
трусливая кислинка во рту -
"А вдруг"...

,Как мне давно знакомы
эти вымученные смешки,
эта напускная беспечность!

ЖЕНЩИНА И ВИОЛОНЧЕЛЬ

Жук полированный с длинной шеей дрожащей,
Млея, щекочет колготки надкрыльем блистающим
И отражающим отсветы рампы. И к вящей
Радости публики, сладостный стон исторгающий,
Он зарывается в темени влажной межножья,
То улюлюкая, то повинуясь ласкающей
Длани смычка, то слепцом посреди бездорожья
Вдруг спотыкается (это стаккато), то лающей
Гончей рванется, а женщине, похотью музыки
Одoleваемой, хочется длить, но и выплеснуть
Райскую муку. В объятьях счастливые узники
Переплетаются в струнном блаженстве неистовства.
То ли анафема, то ли лавина гремящая,
То ли молитва любви с дьяволенком под сердцем...
Слушают люди, фольгою конфет шелестящие, -
Мнится им действо - ни много ни мало - концертом.

РУБАЙ

საქართველოს
ქრონიკონი

*В проклятьях прошлому большой ли сыщешь прок?
Что будущего нет - кому бросать упрек?
Не лучше ль загодя к Великому Молчанью
Готовиться, уйдя от мира в уголок?*

Перевод **Владимира Саришвили**

Ираклий Базадзе

МОНОЛОГИ

АПРЕЛЬ

*Ясность пока! Зеленая свежесть.
Солнце лучами пастбище режет.
Утро пока! Алеет безбрежность,
Дали зовут и манит привал.
Горы пока мне кажутся выше,
В неба лазурь уходят их крыши;
В снежных вершинах, круто нависших,
Зреет надежда добрых начал.*

*Нивы в глазах еще отражают
Цвет акварельный и поражают
Сочным разливом: Так обнажает
Детство свой светлый, радужный час.
Час тишины, где мать и где няня,*

Где над Колхидой зорь полыханье...
Ныне же вижу в мутном мерцаньи
Зори Голгофы, где без прикрас

Страх оголяет корни... Тогда же
Ивы, как сестры, стояли на страже
Юной души, очарованной пряжей
Тучки - ткачихи теплых дождей.
Боже, ведь слава - бремя и только,
Хоть ты о ней мечтаешь... Что толку?..
Лучше стать мифом или осколком
Дней безвозвратных, радужных дней.

Неба владыка в выси надзвездной,
Ты наполняешь душу нервозной,
Суетной жаждой славы, но грозным
Станет нам, смертным, твой приговор...

Замысел мой казался орлиным,
Взором хотел достичь я вершины,
Чахнет однако дух мой в равнине,
Криком уйдя в белесый простор...

Рвался мой дух в неба причалы!..
Тщетно! Поют земные хоралы
Корни мои. Хоть небо и ало,
Алость его - как Авеля кровь.

Манит простор и манят туманы,
Ветер вершин, врачующий раны...
Боже, крылом коснись первозданным
Тех, кто твой крест несет, как любовь.

ИУДА

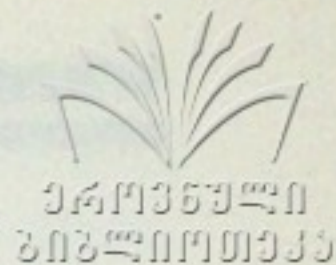
*В сердце моем мерцает тревожно,
Истина, свет твой, свет непреложный.
Взгляд твой, скажи, кто выдержать сможет?
- Счастлив лишь тот, кто в силах творить!
Он же, Иуда, ядом и казнью
Подло торгует, желчный и грязный,
В зеркале грез своих безобразных
Только себя очарованно зрит.*

*Словно опавших листьев могилы,
Мысли Иуды в ветре застыли...
Богу ладони гвозди пробили,
Злоба пробила Иуды ладонь.
Низко упал он, как сквернословье,
И, прикоснувшись к муке христовой,
Звук серебра он в воздухе ловит,
Желчью питая грешный огонь...*

*Нет серебра. Стоит у дороги
Сад твой пустой и дом твой убогий.
В славе бессмертной скорбного Бога
Подлости черной память живет.
Нет серебра и нет нам покоя...
Тридцать монет - наследство изгоя.
Костью игральной правит судьбою
Мерзкий предатель Искарот.*

*Прежде чем ночь уйдет за болото,
Прежде чем мрак уляжется в гроте,
Он, сатана, уже за работой,
Помыслом злостным тешиться рад...
Станет топтать земную он толщу,
Грех насаждать десницею мощной.*

*Отдых найдя в оливковой роще,
Руки умоет Понтий Пилат.*

*Видишь, Иуда, в полых глазницах
Темень ночная бьется, как птица.
Шея твоя - веревке сестрица,
Душу твою не спрячет хитон.
Только хулу к себе призываешь,
Зло, словно тень, тебя провожает,
Двадцать веков бродягой гуляешь,
Двадцать веков блюдешь свой закон...*

*Пыткой креста разбитое тело,
Душу покинув, вдаль улетело
И, растворившись в неба пределе,
Стаей орлят воспрянуло ввысь!
Он же, войдя в земные реестры,
Грех свой вверяет адским оркестрам,
Трубно утробным! К пульту, маэстро!
Ныне и присно - твой бенефис!*

У ЧЕРНОГО МОРЯ

*В мыслях к тебе летел альбатросом,
Море, чья зыбь - как почерк раскосый,
Хоть на один из многих вопросов,
Если сумеешь, дай мне ответ.
В пульсе твоём - волненья безбрежность,
В страсти жестокой, в ропоте нежном
Еле заметный вижу просвет.*

*Понта теченье! В дымке туманной
Тысячелетье кажется странным;
В берег врезаясь, шквал ураганный
Синие бухты испещерил...*

Мнится, постыл вам гнев Посейдона,
Гордые волны бурного лона.
Молча стою, в покой погруженный,
Ветер слезою взор окропил.

Хватит! Уймись, священная влага!
Юность моя развесила флаги,
Белые флаги пылкой отваги,
Чтобы в пространстве эпохи белеть...
Мало досталось мне от бывшего,
Ныне кто сможет очистить от злого
Добрые мысли, теплое слово,
Сердцем кто сможет вновь овладеть?

Твердый кулак? Руки ли пожатье?
Что-то из двух. Тот станет мне братом,
Кто не покинет в полдень расплаты,
Слезы по ком уж мне проливать...
Явь моя - глыба. Свет источая,
Сны, как виденья, преображает,
Вся изцарапин рана косая,
Темень, где боль свечой освещать...

Демоном "я" познало мученье,
Знало восторги... Послушное тленью,
Вняло толпе и грехопаденью,
Камнем упав в земную юдоль.
Годы плывут причудливой темой
В краткой судьбе моей неизменной,
Годы плывут Язона триремой -
Время и Грех, Измена и Боль.

Перевод Гиви Орагвелидзе

Новеллы**Величие души**

Это уже стало привычным: в воскресный день идти в близлежащий парк и проводить там час-два до обеда, если, конечно, погода позволяла. Сидели на скамье, читали по очереди свежие газеты и журналы, вязали, беседовали на животрепещущие темы, вспоминали дела минувшие.

Мано и Нуца дружили еще с детского садика. Выросли в одном доме, в одном подъезде. Впервые их пути разошлись после окончания средней школы: Нуца поступила на философский факультет, а Мано предпочла стать инженером. Затем началась война. Нуца осталась здесь, в Тбилиси, Мано же как инженера мобилизовали в армию. Когда война закончилась, их дружба снова возобновилась. Обе вышли замуж. Сдружились и их супруги, а после дети и внуки.

Между двумя большими семьями сложились такие отношения, что можно было просто позавидовать. Но потом, постепенно, когда состав семьи увеличился, Нуца разменяла квартиру на две: одну отдала старшему сыну, а сама осталась с младшим. Семья Мано продолжала жить в том же доме, пока старший сын не получил квартиру и стал жить отдельно.

После этого подруги встречались реже. Чаще на обеде по случаю какого-нибудь праздника или дня рождения членов их семей. Беседы велись больше по телефону, перед сном, когда было покончено с домашними делами.

Первой овдовела Нуца. Вскоре, будто последовав за приятелем, скончался и муж Мано. Горе и несчастья снова сблизили старых подруг. Каждую субботу встречались они на кладбище, так как могилы усопших находились рядом.

И вот, однажды, когда они прибирали могилы супругов, Мано предложила Нуце оставить свои квартиры детям, а самим переехать жить отдельно, в ее квартиру.

- Что это тебе пришло в голову, Мано? - удивилась Нуца. - Наши дети жить без нас не могут. Если мы им такое скажем, представляю в каком состоянии они будут.

- Да, с первого взгляда ты права, мой философ, но пора подумать и о другой стороне медали... - не спеша ответила взволнованной подруге Мано. - Ты, моя дорогая, уже в том возрасте, когда хочется спокойствия и тишины, хочется остаться наедине со своими мыслями. А молодежи другое надо. Им надо допоздна смотреть телевизор, да чтоб магнитофон работал на полную мощность, видео и все такое... И поверь, хотя они и молчат, не упрекают нас, в душе их раздражает то, что приходится отказываться от многих удовольствий. Вот поэтому, чтобы никакая тень не легла на их любовь и уважение к нам, поверь, лучше вовремя отойти от них. Пусть живут так, как они понимают, как им нравится.

- Пожалуй, ты права, Мано... Ну, а если они нас не поймут и обидятся несмотря ни на что, ты об этом подумала?

- А на что же обижаться? Почему мы не имеем права оставшиеся дни провести в тишине со своими мыслями? - Мано взволнованно глянула на освещенные солнцем там, вдали, горы Кавкасион, достала из косметички сигарету и закурила.

- Вот это новость! Ты что, опять стала курить?! И это полвека спустя! - широко раскрыв глаза, уставилась Нуца на подругу.

- Да, после смерти Рамина... сама не заметила, как вернулась к старой привычке... - проговорила Мано.
Нуца слегка улыбнулась, обняла Мано и тихо сказала:

- Тебя стеснялась, не посмела признаться, но мое горе и меня заставило взять сигарету. А вообще-то мы в том возрасте, когда ради того лишь, чтобы не беспокоить наших близких, следует заботиться о своем здоровье.

- Скажешь тоже, Нуца... Одной ногой, как говорится, в могиле, о каком беспокойстве идет речь... всю жизнь только и делала, что кого-то оберегала, работала, как заводная, по дому крутилась, как белка в колесе. А теперь, если меня что успокаивает, так это сигарета. Выкурю ее, и черт с ним, будь что будет, а она как-то успокаивает... - От волнения Мано побледнела, посмотрела на сигарету, и вдруг, отшвырнув ее, схватила маленькую лейку и осторожно стала поливать цветы.

- Да, ты всегда во всем права, но сейчас ответь мне на главное, - с любопытством уставилась Нуца на подругу, - ту квартиру, в которую ты собираешься перейти, заодно и меня захватить, какой-нибудь бизнесмен тебе ее подарил или правительство преподнесло?

- Эта квартира уже давненько строилась... наконец-то строительство закончилось. Там собирались мы с Рамином жить.. Да, Нуца, мы с Рамином это давно задумали, тем более, когда он так тяжело заболел... Представь себе, мы даже ее обставили, но судьба распорядилась иначе... Какая там квартира, всего одна комната, на большее не получилось...

- Лифт есть?

- Есть, но бывают перебои со светом. Сегодня это не редкость.

- Ходить ты любишь, ну и я привыкну, что же делать.

- Слава богу, что не начала по-своему капризничать.

- Ты меня с ума сведешь! Какие капризы, Мано, я как во сне, дай Бог тебе счастья.

- Да, как раз подходящее время для счастья, уе-мехнулась Мано.

- Чего скрывать, мой-то мечтал в тишине прочесть газету, а я... Обо мне и говорить нечего! Что поделаешь, они молодые... Нет, я ни в чем их не упрекаю. Это закон природы, разве я не понимаю? Но вообще-то мы со взрослыми были вежливее. Разве не так? Теперь многое изменилось... Обычай, законы, правила поведения, мораль, нравы. Скажешь что-нибудь, тут же затыкают рот, мол, ты старомодная, дескать, жизнь изменилась.

- То, что мы от всего отреклись, все только бы для детей, а сами на все крест поставили, вот это-то и привело к тому, что и старомодные мы и отсталые...

- Увы, но это так... Но я, Мано, все думаю о том, как наши дети встретят наше решение.

- Не думаю, чтобы они начали на себе волосы рвать. Нормально встретят.

- Дай-то Бог... Пока сможем, мы не оставим их без внимания и любви. Да и правда, с какой стати они должны обидеться?..

На исходе апреля удерживалась прекрасная погода, и подруги в воскресный день отправились в любимый парк. Уселись на скамье в давно облюбованном ими укромном уголке.

Только они разложили свои газеты, журналы, вязание и удобно расположились, как к ним подошли двое парней. Один хромал, опираясь на костыли. У второго, с рюкзаком за плечами, на бледном лице был глубокий шрам.

- Калбатонэбо, если можно, мы присядем ненадолго рядом с вами... Там так шумно, детишки играют, резвятся, а мы... сказал парень с костылями и снова повторил:

- Мы ненадолго вас побеспокоим, чуть-чуть передохнем и пойдем дальше.

- Ради Бога, садитесь, отдохайте, извиняйтесь — зачем, — сказала Мано, отодвинулась вместе с журналами, газетами и уступила полскамьи пришедшим.

Немного погодя, когда ребята уселись, она несмело спросила: - Это из-за нынешней войны?

Парень на костылях кивнул головой, а второй ответил:

- Нас обоих ранило в день падения Сухуми.. Как нас сюда привезли, мы не помним. Оба были, видимо, без сознания. Лежали тут неподалеку в госпитале. Его три раза оперировали... Ранен был в бедро, в бок и плечо... Я - в голову и область груди... Чудом спасли нас врачи, спасибо им, но сами видите, калеки мы, я плохо вижу, ему же опять операцию надо делать... Одним словом, инвалиды. Меня сегодня выписали, и он потянулся за мной, дескать, на операцию потом приеду. Нога у него укоротилась, не верит он, что помогут... Мы оба из Хони. Я приеду с ним, главное, помогли бы...

- А я соглашусь еще на одну операцию... - проговорил парень с костылями и закурил сигарету.

- Надо приехать, а как же, - ласково сказала Мано, - раз врачи обещают, все будет, как раньше.

Хромой недоверчиво взглянул на Мано, жадно затянулся и неожиданно отбросил сигарету.

- Вот такое подавленное у него настроение, никому не верит, - сказал парень со шрамом. - Я тоже не выгляжу красавчиком, да что поделаешь! Но ведь мы спаслись, выжили, разве это не счастье, ведь какие ребята погибли... Правда, у него еще другое... другая беда...

Хромой угрюмо посмотрел на друга, закурил новую сигарету и горестно вздохнул.

- Что, возлюбленная отвернулась? - сочувственно произнесла Мано.

- Как вы догадались? - не мог скрыть удивление парень со шрамом.

- Это не так трудно... К сожалению, характерный симптом для войны. Но ты не падай духом, ты же герой войны, настоящий мужчина, ты жертвовал собой во имя Родины. Честь и хвала вам, ребята! А то, что со всеми нами случилось, поражение - это еще и итог вражды, лицемерия, подлости мелких душонок. Но Грузия снова будет единой, и будущее поколение будет гордиться вами, всеми, кто воевал там. А те некоторые, кто вам предпочел трусов, укрывавшихся в тени, ей-Богу, им будет трудно остаться наедине со своей совестью. Они никогда не смогут посмотреть вам в глаза.

- Ты слышишь, Бесик? - сказал парень со шрамом и неожиданно поблагодарил Мано за сочувствие.

Нуца старалась незаметно утереть слезы. Не проронив ни слова, она с болью и уважением смотрела на ребят.

- Эх, чужую беду, говорят, руками разведу, знаете... - неожиданно прервал наступившую тишину Бесик и отвел в сторону полные слез глаза.

- Вот что, юноша, я расскажу вам одну историю, послушайте. Жизнь не только устраивает нам испытания, но порой на чужих примерах учит преодолевать трудности, - проговорила Нуца.

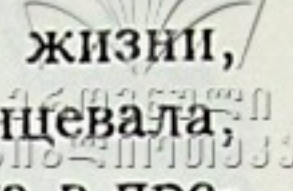
- Только не вздумай рассказывать сказки. - Мано встала, взяла кошелек и пошла по аллее.

- А я люблю жизненные сказки слушать, тем более сейчас, ведь во время сражений такого насмотрелись! У нас сейчас есть свободное время: нам надо поехать на дидубийский автовокзал, к автобусу, а потом довольно длинный путь предстоит, так что следует отдохнуть.

- А вас, Бесик, не интересует, какую сказку я собираюсь рассказать? - улыбнулась Нуца.

- Отчего же, расскажите, послушаем, - нехотя ответил Бесик.

- Так вот... Есть у меня одна знакомая, участница той войны, Великой Отечественной... Тогда, пятьдесят

лет назад, она была чудо как хороша. Полная жизни, веселая, энергичная... Играла на рояле, танцевала, спортсменка, и в учебе одна из лучших, выросла в прекрасной семье. Но вот грянула война... Она пошла на фронт. Там отморозила себе обе ноги. Началась гангрена на одной ноге. Высокая температура, боли... Врачи решили ампутировать ступню. Девушка вспомнила своих пятерых поклонников. Вы скажете - до любви ли было в ее положении. Но ей так нужно было услышать обнадеживающее слово, почувствовать тепло, участие... Она каждому из пятерых написала по письму, в котором подробно рассказала о том, что с ней приключилось и о своих переживаниях - стоит ли жить, мол, после такого. Трое из парней были на фронте, двое врачей и один спортсмен, остальные двое, инженер и артист, находились в тылу, - у них была бронь.

- Интересная история, что скажешь, Бесик? - проговорил Хвича.

- А потом, что случилось потом? - не сумел скрыть любопытства Бесик.

- А случилось то, что девушке улыбнулась судьба: появился опытный врач, хирург. Он отказался от ампутации и сумел сохранить ей ногу, но прощаясь предупредил: всю жизнь ей время от времени необходимо лечение, чтобы не повторилась гангрена, а уж тогда операции не миновать.

- А от кого она получила тогда ответ? - глядя в сторону, спросил Бесик.

- Ответа ни от одного не пришло...

- Подонки... - процедил сквозь зубы Хвича.

- Ну зачем так строго? Девушка не вынесла им такого жестокого приговора. Мол, кому я нужна на костылях, с обмороженными ногами. Вероятно, они подумали, что она намеревалась выйти замуж за кого-нибудь из них и, дескать, как бы ответное письмо не вселило в нее надежду, тем более, что те двое из них, врачи, прекрасно знали ее положение.

Девушка вернулась домой на костылях. Ее послали лечиться в Цхалтубо, и представьте себе, через два месяца она вернулась уже с тростью. Начала работать, но раны не давали покоя и фактически в лечении она нуждалась ежедневно.

Война отсчитывала последние дни. И вот однажды, совершенно неожиданно, она получила с фронта письмо, которое ходило по разным адресам и наконец добралось до нее. Письмо писал спортсмен. Мол, скоро закончится война и он постарается приехать с краткосрочным отпуском. Ты, мол, только согласишься выйти за меня замуж.

- Вот это настоящий мужчина! - воскликнул Хвича.

- Да, это был настоящий мужчина и прекрасный человек. Но девушка только усмехнулась горько: парень, мол, помнит меня такой, какой я была до войны, потому и предлагает выйти за него. О каком замужестве может идти речь, война списала меня подчистую. Но парень действительно приехал в отпуск, женился на ней и увез за границу, где стоял его полк.

Они оказались на редкость любящей и счастливой парой. Но, увы, ничто не вечно под луной. Прошло время, и смерть разлучила их.

- Она умерла?! - взволнованно спросил Бесик.

- Нет, умер ее муж. А сейчас о главном. Где только ни лечилась женщина, какие ни принимала лекарства, боли не стихали, хотя об этом редко догадывались даже мы, ее близкие. Ни разу я не слышала от нее жалоб. Особенно трудно стало ей после рождения близнецов, так как со временем кровообращение ухудшалось. И вот однажды такой же больной с обмороженными ногами посоветовал ходить и как можно больше. Сделать ходьбу обычным делом, и облегчение обязательно наступит. Она поверила и, представьте себе, начала ходить, сначала 1-2 километра, потом больше, и сегодня даже 10 километров ей не страшны. Конечно, обморожение это

не вылечивает, но облегчение приносит. Больше всех радовался ее муж. И в этот период произошла замечательная вещь: эта женщина начала писать. Сегодня она автор многих книг, возможно, какую-нибудь из них прочли и вы. Вот, мои дорогие, что сделали сила воли и желание быть полноценным членом общества при любых обстоятельствах.

- Честь и хвала ей! - сказал Бесик. - Ее воле можно только позавидовать. Но те, те с ней так и не встретились, так сказать, бывшие поклонники?

- Насколько я знаю, нет... Думаю, они это делали сознательно... Они еще до ее замужества обзавелись семьями, вероятно, были счастливы. Из них в живых осталось лишь двое. Не обижайтесь, но мужчины в вопросах любви и сочувствия, милосердия несколько хладнокровны.

- При чем тут хладнокровие! Тогда они позволили себе не просто хладнокровие, но и такое безразличие, которое могло ввергнуть в отчаяние и даже привести к самоубийству попавшего в беду человека. Это бесчеловечно, одинаково непростительно и женщине, и мужчине.

- Совершенно с вами согласна, Бесик. Но несмотря на это, мне думается, отчаяние не должно торжествовать, человек должен преодолеть неурядицы, боль, обиды, - спокойно сказала Нуца, не спуская глаз с задумавшегося Бесика. Мимо ее внимания не прошло и то, что его лицо уже не выражало такого отчаяния и безнадежности.

- Как фамилия этой женщины, писательницы? - поинтересовался Хвича.

- Мано Накашидзе.

- Пойдите, пойдите! Бесик, ведь когда ты уходил из госпиталя, твой хирург подарил тебе книгу именно этой писательницы! - Хвича порылся в рюкзаке и наконец достал книгу. - Это она? - спросил он Нуцу.

Нуца кивнула головой, взяла у Хвичи книгу и прочла надпись. На титульном листе четким почерком было написано: "Мой дорогой Бесик! Будь в отношении с людьми таким же сильным духом, благородным, гордым и доброжелательным, как и автор этой книги. Верь, ты добьешься цели! Твой друг, доктор Котэ Барнабишвили". Затем шла дата и год.

Нуца уставилась на надпись, задумчиво закрыла книгу и чуть слышно прговорила с грустью:

- Неужели, чтобы понять это, ему должно было понадобиться полвека?

- Он один из тех двоих?! - разволновался Бесик.

- Да, один из тех двоих...

- Знаете, какой он внимательный? Смотрел за мной как отец, из дому носил еду... Он всех оберегал.

- Тихо, Мано идет сюда. Не надо, при ней не говорите об этом. Что было, то было, - сказала Нуца, и книга скользнула в рюкзак.

- А я вам принесла хачапури, горячие, еле несу! Открой термос, Нуца, и разлей чай, - обратилась к подруге Мано.

- Спасибо, мы уже пойдем, не опоздать бы на автобус, - сказал Хвича и помог встать Бесику.

Вдруг Бесик наклонился, поцеловал Мано руку и, взволнованный, достал из рюкзака книгу.

- Очень вас прошу... ваш автограф...

- Пожалуйста, но... Нуца, ты все же не удержалась и рассказала сказку, да?

Нуца сидела несколько смущенная, но довольная.

Мано раскрыла книгу, увидев надпись, взглянула на Бесика, затем быстро прочла написанное и с улыбкой глянула на юношу:

- Величие души человека выражается в любви к ближнему. Если у тебя попросят соли, а ее у тебя нет, воздержись хотя бы от резкого ответа... Думаю, вскоре выйдет мой новый роман, и, когда вы приедете на опе-

рацию, я приду вас навестить и подарю его вам с моим автографом. А сейчас я запишу наш адрес и телефон. Обязательно позвоните мне и Нуце.

- Калбатано Мано! Не знаю, поможет ли та операция, но даю слово, я приеду и сделаю ее. - Бесик кивнул женщинам, оперся на костыли и вместе с Хвичача пошел по аллее, ведущей к выходу из парка.

- Подождите, мальчики! Стойте, ребята... - крикнула им вслед Мано, возьмите хачапури, у вас долгая дорога, подкрепитесь, вспомните нас с Нуцей.

Хвичача улыбнулся, вернулся к женщинам, взял завернутые в бумагу хачапури, по-сыновьему поцеловал их и взволнованно сказал:

- Верьте, пока мы живы, мы не забудем эту встречу. Когда Бесик решит приехать, я тоже буду с ним. Поэтому, до скорой встречи!

- До скорой встречи, и храни вас Бог! - проговорила Мано, и обе женщины помахали рукой юношам, уже удаляющимся от них.

Родственники

Деревню молниеносно облетела весть о том, что еще один ее житель, на этот раз учитель, всеми уважаемый Зураб Гунцадзе, решил покинуть отчий кров и вместе с женой и детьми переселиться в Тбилиси.

Со всех сторон сбегались люди, стар и млад облепили гунцадзевский забор, красиво обросший вьющимися растениями. Молодежь стояла вплотную к изгороди, старики немного поодаль, по двое, трое, некоторые в

одиночестве, и с огорчением наблюдали за суетившимися то на веранде, то возле грузовика Зурабом, его женой Тапло и малолетними детьми - сыном и дочкой.

- Господи, да что это происходит? С какой ноги ты сегодня встал, какими глазами посмотрел на нашу прекрасную природу, что вот так неожиданно решил все бросить, Зураб? - наконец нарушила молчание потерявшая терпение близкая родственница и соседка Натэла.

- Неожиданно такое решение не принимается, ты это знаешь, - процедил сквозь зубы Зураб.

- Заклинаю тебя могилами твоих дорогих родителей, почему ты всех нас взбудоражил? Ведь ты отравил нам сегодняшний день, и почему? Хоть объясни, - с упреком проговорил Серапион.

- Вы просто потрясающие люди, ей-Богу... Уехал Джибило, агроном, и взамен никого не можете найти. То же самое было и с врачом, который уехал, даже не попрощавшись. Почему вы тогда не подняли хай?! Почему мой отъезд так вас волнует?

- Нас удивил этот твой шаг, Зураб, ты совсем другое, ты - учитель... Что скажут твои ученики?.. - сказал директор школы Мосэ Путкарадзе.

- Я не первый и, вероятно, не последний. Вы тоже математик, и пока кто-нибудь появится, легко замените меня. Деревне больше нужны врачи и агрономы, подумайте лучше об этом, - раздраженно ответил Зураб, быстро взбежал по лестнице, спустил со второго этажа аккуратно увязанные постельные принадлежности и закинул в кузов машины, затем исподлобья посмотрел на растерянного директора школы и с вызовом воскликнул: - Надоело месить деревенскую грязь, надоела неинтересная жизнь, надоело вечно сидеть вечерами у камина и слушать одно и то же, надоело жить в этой Богом забытой деревне! Это-то вам понятно? Хочу и я пожить интересами большого города, ходить в кино, театр... Или у меня нет такого права? Мне дано лишь раз поя-

витель на этот свет, один - единственный раз! И я хочу дать этим детям то, чего был лишен сам, хочу вывести их в люди...

- Да, но от кого ты уходишь? Где ты собираешься работать, Зури? Не потеряйся в том большом городе, парень. Тут мы болеем друг за друга, мы вместе, а там... - слезы навернулись на глаза Натэлы, и она умолкла.

- Я ведь не с луны свалился, не пропаду! Да, большой город, как чудовище, это правда, чуть споткнешься, и он тебя проглотит с потрохами, но я за себя постою.

- Видели, Джибило на какой машине примчался сюда? А чем Зура хуже него?! - надменно сказала Тапло и с улыбкой посмотрела на мужа. - На будущий год летом приедем.

- То, что ты делаешь, предательство! - неожиданно, как кнутом полоснул Мосэ своего любимейшего ученика, а затем и коллегу, которого всегда считал своей надеждой. - Измена, да, потому что ты учитель, несущий знание и свет детям, будущему нашему поколению.

Видно, Зураб не ожидал такого обвинения и, растерявшись от неожиданности, уставился на Мосэ, но возразить не посмел. Опустив голову, тихо что-то буркнул и влетел в дом.

- Сейчас оставить деревню - это предательство, потому что именно тут ты нужен больше. В большом городе таких как ты много. Там ты, скорее всего, будешь чувствовать себя лишним. Конечно, если ты наплюешь на совесть, возможно, чего-нибудь и добьешься, но там и без тебя много любителей легкой наживы и красивой жизни... Человек ценится лишь добрыми делами. А это возможно только там, где ты сможешь принести пользу людям! А ты там пока туда да сюда, пока тебя узнают да оценят и ты возьмешься за дело, тут и жизнь пробежит... Трудно начинать новую жизнь, поверь...

- Зура не заслуживает таких упреков, да и в наставлениях не нуждается, Мосэ-учитель, - сдержанно, но

все же осмелилась возразить Тапло. - Что же это, ведь мы уже, можно сказать, в пути, а вы рисуете нам город, как ужасную западню.

- Душа болит за ваш бессмысленный шаг, что же, не предупредить вас?!

Тщательно заперев все двери дома и, напоследок, ворота, Зураб посадил жену и детей в кабину шофера, сам влез в кузов, постучал по крыше кабины, дескать, поехали, и машина так тронулась с места, что он даже не попрощался с собравшимися перед его домом людьми, даже рукой им не помахал.

В Тбилиси они подъехали прямо к дому родственника - Джибило Гунцадзе. Хозяева встретили гостей с распростертыми объятиями.

- Зураб, дорогой, ты человек слова, я это знал и рад, что не ошибся, - расцеловал Джибило Зураба. - И чтоб ты знал, ты приехал в самое подходящее время. Дел - непочатый край... Ты же не знаешь, какое я тебе поручу дело. Через несколько месяцев встанешь на ноги и будешь ходить по тбилисским улицам, как лондонский денди.

- Что за дело? Знаешь, ведь я простой математик, вернее - учитель математики, - проговорил Зураб.

- Вот и наше дело состоит из расчетов... Мы не должны ошибиться, когда что завезти, по какой цене продать. Вот так!

Зураб пожал плечами.

- Не понимаешь? - расхохотался Джибило. - Ну да, я открыл коммерческий магазин "Назиброла". Привлекательное название, ведь так? Это в честь моей жены Назико. Она там главная хозяйка и распорядительница. Ее отец дал ей ее долю, она и приобрела магазин, такой, что закачаешься. Естественно, кое-что и я добавил, были у меня свои сбережения, а вместе получилась сумма. Сейчас главное, умом обставить конкурентов. Торговля,

брат, не легкое дело. Вот поэтому я и привез тебя, Зурико, чтобы ты мне помогал в деле, дорогой мой человек.

- Ты обещал мне подыскать тут квартиру... проговорил, помедлив, Зураб.

- Я хотел бы, чтоб пока ты был поблизости и уступаю тебе комнату бесплатно. - Джибило глянул на полуподвал. - Там все есть на первое время: две кушетки, стулья, стол, шкаф. Наверху повесите одежду, внизу поставите посуду - чашки, тарелки, еду... Это пока! После же, когда у тебя появится капитал, город большой, сам выберешь себе подходящую квартиру.

- О господи, мы будем жить в подвале?! - ужаснулась Таplo.

- Что это за разговор? Что значит "подвал"? Тут два окна и ... - не смог скрыть неловкость Джибило и посмотрел на Зураба, - мол, останови жену.

- Конечно, подвал, а как же! Три ступеньки вниз, - вздохнула Таplo.

- Это пока, не слышишь, что я сказал? А потом... - побагровел Джибило.

- Дорогая, когда мы впервые приехали в Тбилиси, тоже жили в подвале, - спесиво проговорила Назико и, не стесняясь, выпустила ей в лицо сигаретный дым. - К тому же мы снимали подвал и хозяину платили деньги. А вы... не будьте неблагодарными. Всего год, как мы переехали в этот дом, и то через пять лет. А вас встретили на всем готовеньком... Бросайте ваш багаж туда в комнату, вымойте руки и подымитесь в дом, позавтракаем и пойдем в магазин. Джибило, ну разве можно так? На целых полдня оставили там все без присмотра.

- И все же, мне надо знать, что мне поручено? - спросил Зураб родственника.

Джибило почесал затылок, глянул на медленно поднимающуюся по лестнице жену и, улыбаясь, сказал Зурабу:

- Начни продавцом работать, это мой совет, чтобы лучше разобраться в деле. Торговля штука серьезная.

- Нет, нет, продавец из меня не получится, - замахал руками побледневший Зураб.

- Если кто-нибудь из деревни его увидит за прилавком, на смех подымут, - у Таplo на глаза навернулись слезы. - Его с осени собирались назначить завучем, он же учитель, математик, как он сможет стать за прилавком...

- О, Боже, - вспыхнула Назико, - когда мы привозим товар, в основном сами же и таскаем его в магазин, и ничего. Джибило! Это что за разговор? Математик! Тоже мне Андриа Размадзе¹, - мрачно оглядела Назико приезжих и быстро поднялась на второй этаж.

"Горе мне... Как быстро исполнились слова Мосэ Путкарадзе", - подумал Зураб и снова переспросил Джибило:

- У тебя нет для меня чего-нибудь более подходящего?

- Погоди немножко, ну совсем немножко... Хоть покрутись в магазине, а после стань товароведом, хочешь экспедитором. Что поделаешь, брат, это коммерция. Тут стесняться не должен, зато потом начнешь жить, а повезет, развалимся в креслах и другие будут прислуживать. А пока нам чужие не нужны. соображаешь?

"Я как упавший в колодец, и нет у меня другого пути, как не понять его", - уныло подумал Зураб и кивнул Джибило.

Известно, что время лечит любую рану и притупляет боль.

Городская суета, метро, хождение в кино, просто гуляние по улицам взбодрили, развеселили Таplo. Она ничем уже не попрекала Зураба, а тот втянулся в работу. Каждодневный, хоть и небольшой доход так его ос-

¹ Выдающийся грузинский ученый-математик.

лепил, что он перестал чувствовать себя затерянным среди множества людей в огромном городе и на все махнул рукой.

- Джибило прав, надо немного потерпеть, зато нас ждет великолепное будущее, моя Тапло... Копейка на копейку, рубль на рубль - и наберется сумма. Купим комнату, после квартиру, обставим ее, украсим, - и мой диплом мне еще пригодится. Устроюсь в каком-нибудь колледже, нашим детям дадим хорошее образование, и, даст Бог, старость будет у нас обеспеченная...

- Чего греха таить, Зури, дорогой, все равно не хочется, чтобы тебя кто-нибудь из нашей деревни видел в этом магазине... Не хочу, чтоб ты стал темой для разговоров учителя Мосэ.

- Он тогда сказал нам правду...

- Не хочу его правду, не желаю! Лучше жить в этом подвале, только бы быть в Тбилиси... Очень я полюбила Тбилиси... Тут так замечательно...

- Но не могут все жить в Тбилиси. Любой стране нужны и деревни, и, конечно, города, и маленькие села. Они, собственно, и делают Тбилиси столицей...

- Вот и пусть живут там, только я туда не могу, не хочу возвращаться.

- Неужели ты совсем не скучаешь по своей библиотеке? Вообще по работе?

Тапло мотнула головой.

- А я каждую ночь вижу во сне нашу деревню, нашу школу... Стою я у доски и объясняю урок... Тоскую по нашему дому, двору, огороду... Вижу во сне сельское кладбище, могилы близких... - тоскливо сказал Зураб.

- Не своди меня с ума, Зури... Как, тому, что сейчас нас окружает, ты предпочитаешь нашу деревушку? О поездке в Турцию ты даже во сне не мечтал, а ведь побывал в Стамбуле, в Анкаре, в Измире! Посмотри, как мы оделись, какие вещи приобрели. Умоляю, даже не думай о деревне. Кроме всего прочего, не вынуждай На-

зико выгнать нас вон, - рассердилась Тапло. - Понял?

- Кстати, эта самая Назико делает тебе и детям столько подарков, уважь ее чем-нибудь и ты.

- А то, что она тебе глазки строит, а я "не замечаю", разве этого мало? - неожиданно выпустила коготки Тапло.

Зураб так растерялся, что не сумел быстро ответить и лишь немного погодя с укоризной пробурчал:

- Теперь только твоей ревности не хватало.

- Ну конечно, раз я родилась и выросла в деревне, то думаешь ничего не вижу?! И кажется, так думаю не только я... да!

- Ну что ты болтаешь, прекрати немедленно бессмысленный разговор! Они души в нас не чают, а ты вместо спасибо... - Зураб покраснел и бросился во двор, затем вернулся и жестко сказал жене: - Посмотрела б ты, какие пиры закатывают сотрудники в знак благодарности, а мы... В конце концов Джибило и его жена вовсе не обязаны нас обхаживать. Да, родственники, ну и что?

- Именно от этих ваших сотрудников я и узнала, мол, с тех пор, как начал работать Зураб, карман у Джибило пухнет не по дням, а по часам...

- Возможно это и близко к истине, но не очень. И все же, завтра или послезавтра зайди на базар, купи все, что надо, и напеки хачапури, приготовь баклажаны с орехами, как ты умеешь, с сыром и все прочее, ну там огурчики, помидорчики, о вине я позабочусь. И вези все это в магазин. Поверь, Джибило будет приятно.

- И Назиброле тоже, безусловно, - двусмысленно улыбнулась Тапло.

- Да, если хочешь, и Назико тоже, - не принял Зураб иронию жены. - Глупышка, это необходимо для дела, поверь. Приезжай на такси, это тоже имеет значение. Люди любят тех, кто живет с размахом, таких и уважают...

- Зури! У нас ведь тоже будет машина?

- Будет, если станем умнее.
- Что я еще должна сделать, уложить в твою постель эту раскрашенную Назибролу?! - вспылила Таplo.
- Таplo! - крикнул Зураб, - успокойся!
- Одним словом, не выводите меня из терпения... Наша любовь не заслужила измены, нет, - расплакалась женщина.
- Ты с ума сошла, Таplo... Девочка моя, разве я меняю тебя на кого бы то ни было? Таplo, моя любовь, Таplo... - Зураб крепко прижал к груди плачущую женщину и расцеловал ее мокрые от слез глаза.

Таplo последовала совету мужа и в один прекрасный день навестила магазин.

Джибило уставился на Таplo, будто впервые ее увидел.

В тот день она действительно выглядела особенно привлекательной и, нарядно одетая и красиво причесанная, заслужила комплименты сотрудников и Назико.

- Вот что значит, когда женщина обратит на себя немного внимания, - сказала Назико.

Таplo от удовольствия расплылась в улыбке и по просьбе Зураба, который не сводил глаз с жены, собственноручно накрыла на стол.

За завтраком все единогласно похвалили Таplo и провозгласили отдельный тост в ее честь.

- Джибило! Ну-ка поройся в своем кармане, - указывая глазами на Таplo, намекнула Назико мужу. - Она заслужила подарок...

- Нет, нет, да что вы, - запротестовал Зураб, - что, собственно произошло? Вообще-то она и раньше должна была побеспокоиться, мы так вам благодарны за заботу.

- Зурико, ты помолчи, - подала знак рукой Назико, и, выйдя в магазин, тотчас вынесла оттуда платье. - В

память об этом дне. А ребяткам на мороженое по тыще рублей, сейчас же выдай, Джибило, сейчас же!

- Боже мой, почему такое внимание? Господи, мы столько не заслужили, - забеспокоилась Тапло и посмотрела на Зураба. Когда же он незаметно для окружающих подмигнул ей, взяла у Джибило платье, деньги, и покраснела, улыбаясь. - Огромное спасибо, и если пожелаете, я и в другой раз приготовлю завтрак, вот так, по-простому, но только не за подарки, а так... Да, Зури?

- Надень это платье и в нем иди домой, - сказал Зура взволнованной жене, которая явно нравилась ему сегодня, и он с трудом скрывал свое восхищение.

- Да, да, сейчас же надень новое платье и пойдешь домой в нем... Между прочим, оно привезено из Парижа, не так ли, Зурико? Будто мы специально купили для Тапло, а?

Тапло мгновенно побледнела и тихо проговорила:

- Но вы ведь были только в Турции... Зури, ты мне так сказал...

- И в Турции, и в Париже, - заулыбался Джибило, - а иначе, разве я тратился бы на одну поездку. В нашем деле главное все рассчитать, да-а! И факт налицо, какая прибыль. Конкуренты лопаются от зависти.

У Тапло явно испортилось настроение. Она почти уже не слышала слов Джибило. Снова вложила роскошное платье в красивый целлофановый пакет и небрежно опустила в сумку. Затем вполголоса поблагодарила всех, обняла детей и вместе с Зурабом вышла на улицу.

- Не останавливай такси, пройдемся немного пешком, по свежему воздуху. Вы-то понатыкали там у себя кондиционеры, но воздух все равно спертый, или мне так показалось?

- Вообще-то не жарко там, но так как мы сидели за столом... может, так оно и есть. Не знаю, - Зураб был взволнован и говорил неуверенно.

- Провожу вас немного, затем посажу в такси, так будет спокойнее.

- Нет, нет, Зури, ты иди, присмотри за делом. За преданную службу, может, Джибило тебя и Назибролу и в Америку командирует.

- Тапло... Я тогда тебе не сказал о Париже именно потому, чтоб ты не волновалась попусту... Я ведь знаю, что эта женщина тебя раздражает.

- Вопрос только в том, кого больше, - злобно бросила Тапло, махнула рукой едущему в их сторону такси, и Зураб даже глазом не успел моргнуть, как она села вместе с детьми в машину и уехала.

Когда Зураб вернулся в магазин, Джибило там уже не было.

Он даже обрадовался, вошел в его кабинет, сел напротив Назико и, почти умоляюще, обратился к ней:

- Хватит... Что было, должно закончиться, забыться... Тапло ревнует, и не без оснований. Не хватает, чтобы и Джибило мне что-нибудь сказал.

- Ты думаешь, что этот буйвол ни о чем не догадывается?! - рассмеялась Назико, встала и обвинила рукой шею Зураба. - Мы рождены друг для друга, и слава Богу, что так поздно, но все же встретились, дорогой.

Зураб осторожно убрал женскую руку, посмотрел на часы и деловым тоном проговорил:

- Мне надо поехать в Ваке, там должны дать нам деньги. Если им не напомнить, видимо, сами они не собираются возвращать долги. Я обещал Джибило уладить это дельце. Приду к концу дня, постараюсь с деньгами.

- Бог послал тебя Джибило как подарок... Он тебя ценит.

- Это так, он-то ценит, а чем я ему плачу? Вероятно, мне придется уйти. Не могу человеку глядеть в гла-

за... Одним словом, с сегодняшнего дня все кончено, никаких шашней, слышишь?

- Моей смерти хочешь?! - побледнела Назико, поняв, что он говорит серьезно. - Пойми, я не смогу без тебя жить, Зурико... Я ведь не прошу бросить Тапло, разрушить семью... Умоляю, Зури, не отнимай счастья...

- Я все сказал, и закончим на этом и разговор и все другое. Мы, в конце концов, родственники, и мне стыдно, мерзко все это, понятно?! Особенно сегодня был я сам себе гадок. Ляпнула о Париже... Вобщем все! Конец! Тапло не заслуживает измены. Я ее люблю, слышишь?

- А как же я?

- Не верю я в любовь, купленную на деньги... Ты купила меня! Ненавижу себя, что допустил такое, и требую, прошу, все надо порвать, несколько дней - и я покину вас. Верну долги, одним словом...

- Зурико... Не оплеывай прекрасные дни, проведенные нами вместе... Не бросай в них грязью...

- Грязь надо смыть, и мы должны это сделать. Это для тебя легкое дело.

- Неблагодарный... Ненавижу! - крикнула женщина и махнула ему вслед веером.

Зураб даже не оглянулся. Выйдя на улицу, глубоко вздохнул, провел по лицу платком и почувствовал страшное облегчение, будто очистился от какой-то гнусности. Он остановил такси и поехал в Ваке к знакомому коммерческому магазину.

"Попытаю счастья, может, возьмут меня там", - неожиданно подумал он, твердо решив уйти от Джибило, чтобы порвать всякие отношения с Назико.

"А может, лучше вернуться в деревню? Скоро учеба начнется, не думаю, чтоб Мосэ мне отказал... Если мое место занято, согласен на любую работу, пусть хоть сторожем возьмут... Нет, учитель мой, Мосэ, так со мной

не поступит... Но согласится ли Таplo вернуться в деревню? Ей так нравится жить в Тбилиси... Но если она хочет счастья, мира и спокойствия, то согласится. Завтра же получу расчет и - айда, вернемся в деревню, представляю, что там подыметя, какие начнутя разговоры... Ну и пусть, я все вынесу, только бы избавиться от когтей Джибило и этой ведьмы... Да-а, оказывается, нет ничего лучше своего дома, своих стен, своих родных мест. Кто я тут? Слуга, смотрящий в чужие руки и ради денег идущий на все.

- Кажется, приехали, - шофер прервал мысли Зураба. Он заплатил за проезд и пошел в магазин. Там долго не пришлось задерживаться, ему вернули долг, и Зураб отправился в магазин. Деньги спрятал в сейф, и только теперь почувствовал, что от сегодняшних переживаний он страшно устал. Не задерживаясь более, он на такси поехал домой.

Войдя во двор, он увидел возле крана совершенно мокрых детей. Они лакомились арбузом и обливались водой из-под крана.

- Что здесь происходит, дети? Ну и видик у вас! Немедленно прекратите! Дайте сюда арбузные корки, не мусорьте во дворе! Таplo, где ты, присмотри за ребятами... Таplo! Где мама? Я вас спрашиваю, дети, где мама?

- Мама там, в доме... - показала пальцем на дверь девочка.

- Пришел дядя Джибило. Это он нам принес арбуз, - добавил мальчик.

- А мамочке он принес большой-пребольшой букет, много, много красивых цветов, - расплылась в довольной улыбке девочка.

- Принес маме цветы?! Кто? Джибило?! - кровь бросилась Зурабу в голову, он как бешеный бросился к двери, выбил ее ногой и ворвался в полутемную комнату.

Увидев, что комната похожа на поле боя, он застыл на месте. Там все было перебито и разбросано. Он уставился на лежавшего в луже крови с проломленной головой Джибило, на перевернутый стул со сломанной ножкой, развороченную постель, разбросанные затоптанные цветы и, придя в себя, несколько раз позвал жену:

- Тапло... Тапло!..

Ему никто не ответил. Он внимательно оглядел комнату и неожиданно на выступе оконного карниза, близ двери, на невесть для чего вделанном крюке увидел висевшую Тапло. У Зураба потемнело в глазах, он схватился за голову и на подгибающихся ногах направился к ней.

- Тапло-оо... Моя Таплооо... - нечеловеческим голосом взревел Зураб и как обезумевший приник к еще теплым ногам жены.

Перевод Маки Имнадзе

Рассказ**ПРОИСШЕСТВИЕ**

Э то случилось в воскресенье, 21 марта 1982 года, в три часа дня. На перроне станции метро "Политехнический институт" находилось человек двадцать. (К сожалению, последующее расследование так и не смогло установить точное число находящихся на перроне, большинство очевидцев утверждало, что их было девятнадцать, но по сведениям некоторых, поначалу поезд ждали двадцать человек, а потом один бесследно исчез. Так или иначе, семнадцать пассажиров и два работника метрополитена дали именно такие показания).

В 3 часа 1 минуту поезд ушел по направлению к станции "Проспект Церетели".

В 3 часа 2 минуты из того же тоннеля, в котором скрылся поезд, появилась процессия, шедшая в противоположном направлении.

Это был караван верблюдов.

Впереди величественно и горделиво вышагивал красиво убранный белый одногорбый верблюд. Всадник, завернутый в белое покрывало, в высоко поднятой, как бы одеревенелой руке, держал блестящую искривленную полумесяцем саблю. Смуглое лицо прикрывала легкая прозрачная ткань. Вид у всадника был суровый и безмятежный. За ним следовали тяжело груженные обычные двугорбые верблюды, которыми, как видно, управляли простые бедуины. На их лицах застыли холодное достоинство и усталость.

Караван шел быстро и энергично.

Всего в нем было от десяти до тридцати верблюдов (и в этом вопросе показания весьма и весьма противоречивы).

Последний верблюд поначалу как будто был без всадника, а потом он вдруг появился (?!) - (опять же невыясненный момент).

Караван принес с собой глухой шум прибоя и острый кислый запах пота и зоопарка.

В 3 часа 4 минуты процессия скрылась в тоннеле.

В 3 часа 5 минут на станцию прибыл поезд, который, естественно, ни на кого не наезжал, машинист и пассажиры ничего не заметили.

Девятнадцать человек на перроне оставляли впечатление скульптурной группы, выполненной в мраморе.

Первым подал признаки жизни некто Гайоз Габронович Гигаури (34 года, безработный, неисправимый пьяница и дармоед, судимый за мелкое хулиганство). Как показала экспертиза, он пребывал в нетрезвом состоянии. В 3 часа 6 минут он начал дико хохотать. Очевидно, объясняя себе увиденное алкогольной галлюцинацией, Гигаури хохотал безостановочно 25 минут, после чего ему стало плохо с сердцем.

Этот дикий хохот вызвал у гражданки Джаниашвили Зинаиды Терентьевны (37 лет, лаборантка зооветеринарного института, незамужняя) истерические конвульсии и роды. (Надо отметить, что, по утверждению самой Джаниашвили, она не только не была беременна, но никогда не знала мужчины).

В это же время гражданка Гаглоева Роза Робертовна (51 год, домохозяйка) без чувств рухнула на пол и разбила себе голову. (Впоследствии Гаглоева предъявила иск управлению метрополитена, требуя денежной компенсации в размере 500 рублей, хотя кома была кратковременной).

Пассажиры, вышедшие из поезда, бросились к Джаниашвили и Гагловой, горя желанием оказать им пер-

вую помощь. Но тут их внимание привлек тот факт, что одновременно еще четырнадцать граждан упали в обморок (восемь женщин и четверо мужчин), а некто Петров Павел Митрофанович (67 лет, пенсионер) рухнул на колени и начал истово молиться, а потом вдруг разрыдался, бия себя кулаком в грудь.

У Джумбера Марленовича Кобелашвили (42 года, партийный, заведующий магазином N 20 Тбилкоопторговли) в течение одной минуты волосы поседели, выпали и снова выросли.

В столь тяжелый момент не растерялся гражданин Зурикашвили Мераб Зурабович (26 лет, комсомолец, студент ГПИ), поведение его действительно достойно всяческой похвалы. Появившись на перроне, он мгновенно оценил ситуацию и тут же вызвал милицию и карету скорой помощи. А затем оказал посильную помощь Джаниашвили.

В течение получаса все девятнадцать пострадавших и новорожденный (мальчик, 4 кг) были помещены в больницу.

Возбудили дело, началось следствие.

Оперативная группа во главе с капитаном Амираном Торошелидзе исследовала место происшествия и обнаружила первое и, как выяснилось в последующие дни, единственное материальное свидетельство, в определенном смысле подтверждающее показания девятнадцати граждан - черновато-коричневатое вещество плотной консистенции с неприятным запахом (500 г.).

Специальная комиссия, в которую вошли специалисты из разных компетентных ведомств, после тщательного анализа пришла к выводу, что это вид обычных экскрементов скота, или навоз (вполне допустимо, что верблюжий).

Детальный и перекрестный допрос помог восстановить, точнее реконструировать картину происшествия, его последовательность и продолжительность, но, к сожалению, это никак не прояснило необычный инцидент.

В ходе следствия всплыло немало интересных фактов, не имевших, впрочем, непосредственного отношения к случившемуся 21 марта. (Так, например, Дж. М. Кобелашвили повинился в неоднократных случаях хищения промтоваров, Г. Г. Гигаури признался в попытке вымогания денег, Х. Дж. Каралашвили - в систематическом взяточничестве, А. Т. Лабадзе - в многоженстве - у него было четыре жены в различных районах республики и т.д. Почти у всех нашелся повод для покаяния. Надо полагать, подобная беспрецедентная откровенность была вызвана нервным шоком).

Несмотря на все старания, никак не удалось выяснить, существовал ли двадцатый участник этого происшествия и, если существовал, то куда он делся. По утверждению гражданки Двалишвили Ирины Григорьевны (19 лет, комсомолка, студентка ТГУ), подробно описавшей его внешность (высокий, худой, с лохматыми черными волосами, небритый, одет в джинсы и кожаную куртку, 20-22 года), неизвестный последовал за караваном, но показания остальных свидетелей опровергают это.

После трехмесячной работы комиссия и специальная группа объяснила происшедшее массовым гипнозом, отметив, что не может назвать убедительной причины появления в тоннеле экскрементов.

Дело было закрыто и сдано в архив.

По городу долго еще ходили сплетни и пересуды. Иные считали, что виной всему - парад планет, иные же - инфразвуки, находились и такие, кто полагал, что тут не обошлось без Бермудского треугольника и летающих тарелок.

Постепенно все девятнадцать граждан вернулись к своей обычной жизни, время и специальное лечение сделали свое дело (провинности им простили, было учтено тяжелое душевное состояние пострадавших). Гигаури исправился, исправились и Кобелашвили, и Карала-

швили, и Лабадзе и другие. Лишь с Гагловой ничего не смогли поделаться, она по-прежнему требует денежной компенсации в размере 500 рублей. Ребенок Джаниашвили (которого почему-то называли Махмудом) прекрасно себя чувствует, хотя и растет без отца. Словом, у всех все в порядке, правда, они избегают спускаться в метро, предпочитая ему другой вид транспорта, что, конечно, неудивительно.

Есть, впрочем, исключение. Двалишвили Ирина Григорьевна каждый день приходит на перрон станции "Политехнический институт" и подолгу остается там без дела, как будто в ожидании кого-то. Кого она ждет? Или чего она ждет?

Перевод Лианы Татишвили

Ираклий Какабадзе

Рассказы

ПЯТАЯ АВЕНЮ

Мой рабочий день заканчивается в половине шестого. А там, прикинь, до дома еще полтора часа пути. При таком раскладе каждую секунду невольно бережешь. Ведь хочется же хоть немного и мозгами пошевелить. Итак - бегом до метро. А там - часпик. Там тьма народу разного набивается, крутится, топчется, кружится, с трудом растекаясь в разные стороны.

Хоть я и простой служащий, но не сочти, что в голове у меня только ветер гуляет. Нет. И я стараюсь как можно больше времени выкроить, чтобы кое-что в уме прикинуть. Сейчас, например, почитываю книгу Артура Шлезинджера о президенте Кеннеди. Поезда здесь движутся медленно. Чтобы убить время, стараюсь в дороге читать. Впрочем, все так делают. Выходит, всем время дорого. Со мной однако все получается как-то не так: от чтения в поезде башка почему-то раскалывается. Очевидно, недоумок я. Но моей вины в том нет. Все кругом хотят, чтобы я им был. Я же - робок, следовательно - подчиняюсь. Не всегда было так. Помню, в детстве, когда я слушал музыку, душа подсказывала мне: плохо быть недоумком, ибо такому вкус жизни неведом.

Три года тому назад вся наша семья перебралась в Америку: отец, мать, брат и я. Не думай, будто нам здесь легко. Буквально каждый цент бережем. Значит, всем вкалывать приходится. Мать с отцом устроились продавцами на Брайтон-Бич, брат - водитель в Нью-Джерси, а я - на Пятой Авеню в медицинском офисе документацию заполняю. За это мне причитается двести зелененьких в неделю. Пожалуй, хватает, чтобы прокормить самого себя. Вроде жаловаться не на что, но мне почему-то кажется, что нахожусь я не там, где следовало бы.

Честно скажу: сам не знаю, почему я уехал из Грузии. Миллионером там я, конечно, не был, но, понимаешь, имел несколько знакомых ребят, с которыми по вечерам музыку слушал. До политики мне никакого дела не было, зато искусством от души увлекался.

Затащили меня сюда как раз в то время, когда там началась та самая неразбериха. Всем этим я не интересовался, поэтому не думаю, чтобы кто-то там собирался меня убить. Мое же семейство только то и твердило: мол, останешься в Грузии, кто-нибудь тебя обязательно прикончит. Глупости все это! Хотя, в принципе, какой-

нибудь псих мог бы меня и кокнуть. Такое может случиться с каждым, независимо от местонахождения. Но ведь, с другой стороны, я рано или поздно все равно умру. Зато похоронили бы меня в моей же земле, и кости мои истлели там, где им положено. Здесь же, в Америке, панихида по мне скорее напомнит тризну по падали в выжженной солнцем пустыне. Вокруг соберутся окаменевшие лица, возможно, минут на пять заскочит и президент грузинского землячества, поскольку именно в этот день у него, как всегда, будет назначена очень важная встреча в три часа. Труп мой сожгут и поместят в урночку. А там, два черных лимузина пересекут улочки Манхеттена и через Куинсборо-бридж возьмут курс на Лонг-Айленд, где находится кладбище. Здесь, на безлюдном пустыре, священник-грек пробормочет несколько слов, и пепел, оставшийся от меня, вставят в мраморный шкафчик. Вот в какой обстановочке произойдет прощание души моей с горсточкой испепеленного тела.

Что же касается поминок, не знаю - смогут ли мои близкие пойти на такие расходы. Ведь и так они по уши в долгах. Однако возможно, они что-нибудь наскребут, скинутся, что ли, и снимут в похоронном бюро комнатку, где и выпьют за упокой моей души, думая при этом, что и завтра опять придется добывать доллары, торгуя или вкалывая по найму.

В метро ежедневно проезжаю остановок сорок. Такое вконец изматывает. И чтение не помогает. Порой мне даже кажется, что именно так пытаются грешников в аду. Но куда денешься? Терпи, брат, а то крышка.

Как-то, выходя из вагона, я встретил одного грузина.

- Ты из какой эпохи? - спросил этот чудик.

Буквально огорошил этим своим вопросом. Я ответил первое, что мне в голову пришло:

- В мое время все тбилисские девочки за Гио Мгеладзе гонялись...

Он, кажется, догадался, что я имею в виду середину восьмидесятых. Хотя меня и порывало добавить, что сам я лично был знаком с Гио Мгеладзе, я сдержался: подумает еще - хвастун и спекулирует этим. А то ведь, раз был лично знаком с самим Гио Мгеладзе, на кой черт сюда приехал.

Да, все это моя башка трудно переваривает. Мне бы хоть какую-то точку опоры найти, чтобы как-то в жизни своей разобраться. Представляешь, стоит мне только заговорить не о деньгах, как сразу у всех на лице ехидная гримаса появляется. Даже женщине в любви объясниться неудобно. Не поверит, подумает: жулик какой-то, хочет за мой счет карьеру сделать или денег сколотить. А я к такому не привык, поэтому и маюсь...

Между прочим, один тут грузин в последнее время на очень хороший бизнес вышел. Миллионером, кажется, он еще не стал, но, несомненно, на пути к этому. Кстати, здесь большие деньги сделать не просто, скорее всю душу из себя вымотаешь. Зато мелкий бизнес процветает вовсю. Но у меня и на мелочовку энергии не хватает.

Так вот, этот тип сообразил, что можно деньги делать на молодых грузинах. Нет, не думай, я не шучу, я на полном серьезе. Сюда он приехал вместе со своим двоюродным братом. Парень тот оказался очень застенчивым, поэтому два года без работы ходил. Как-то попали они в Вашингтон, где познакомились с женщиной весьма приятной наружности. Вскоре выяснилось, что она - исполнительный директор какой-то влиятельной консультативной фирмы. У бабенки этой оказались к тому же крепкие связи в Сенате и Верховном суде.

Не знаю, правда, что этот парень с ней в постели делал, но то, что свел ее с ума - так это уж точно. Через два месяца она вышла за него замуж, то бишь женила его на себе. Теперь этот двоюродный брат вовсю кайфует, палец о палец не ударяя. К тому же, вроде, как бы

и учится. Через два-три года положит себе в карман лицензию американского врача.

А пока дамочка эта сделала вывод: если все ваши мужчины обладают такой потенцией, то Грузию ждет экономический бум. Супруги поставили это дело на широкую ногу. Создали посредническую фирму, начали рекламировать грузинских мужчин по всей Америке и даже за ее пределами, предлагая свой товар самым богатым дамам - в Чикаго, Сан-Франциско, Майями и т.д. Вскоре "самыми сильными и экзотическими мужчинами на свете" заинтересовались и вдовствующие миллионерши. Фирма процветает, выручая за каждую сделку приличные комиссионные.

Свой филиал они создали в Грузии. Желающих оказалось довольно много. На месте они проходят подготовку: английский язык, основы поведения и гигиены. Говорят, успеваемость высокая, хотя по части орального секса возникли некоторые проблемы. Но чего не сделаешь зелененьких ради...

Вместе с тем, я заметил, что у парня этого какая-то заноза в душе. Выходит, занятие это особого удовольствия ему не доставляет. Но как быть, если продавать ему больше нечего?..

Не думай, будто я его осуждаю. Не мое дело судить о том, чем люди здесь занимаются. Бизнес есть бизнес. И мафия при этом свое берет. Черт их поймет, баб этих, откуда у них такая тяга к грузинам. Думаю, тепла и ласки им не хватает, потому-то и мечутся, пробуют, ищут. В итоге ни с чем остаются. Впрочем, дай Бог каждому тихую обитель.

А те про себя уже подсчитали: если ежегодно сбывать по сто грузинских мужчин, то выручка составит около десяти миллионов. Там, конечно, расходы разные, да и налоги, но все равно около трех миллионов чистой прибыли им останется. А это совсем не мало.

Сам не знаю, что я здесь потерял... Ощущение такое, будто блуждаешь по пустыне и нет ей конца и края.

А тут еще эти бесконечные упреки: что тебе надо, ты ведь работаешь на Пятой Авеню! Действительно, я там работаю, чуть ли не рядом с Всемирным торговым центром, да и до здания ООН рукой подать. Вначале, правда, такое импонировало. Теперь же к концу каждого рабочего дня я - вроде выжатой мочалки. Все соки из меня выжимает эта престижная Пятая Авеню.

До этой медицинской конторы я работал сейлсменом на Медисон Авеню. Там мне больше нравилось. В свое время и знаменитый Рос Перро начинал с этого. А кончил главой целой финансовой империи.

Это меня вдохновляло, и я вовсю старался сбыть как можно больше товаров своим хозяевам. Научился разные там улыбочки строить, энергичным весельчаком таким старался предстать перед клиентами.

- Добро пожаловать! Какого цвета аксессуар вы бы пожелали? Красный, черный?.. Итальянский, французский?..

И так до бесконечности. Так каждый Божий день. И лица, и темы, и улыбки. Те же приветствия, те же прощания... И все же: сейлсмен - это нечто, не то что медицинский клерк. Хоть на людей посмотришь, посуетишься. Не то что сиднем сидеть в четырех стенах да бумажки пописывать.

Там, на Медисон Авеню, со мной работал один пуэрториканский парень. Он считал, что при любой работе надо вкус жизни хоть немного да почувствовать. Когда в магазин входили посетители, он все время им что-то говорил, строил рожи, развлекался, одним словом.

Как-то подходит ко мне и заявляет:

- Хочешь, я докажу тебе, что все эти люди - абсолютные идиоты?

- Как? - опешил я.

- А вот так: постой рядом и послушай наши разговорчики.

Я рядом стал и жду.

В магазин вошла женщина лет шестидесяти. Держалась она прямо, будто спина у нее была из железа.

- Здесь мне оставить сумку? - вежливо спросила она. Мой пуэрториканец оскалил зубы.

- О, это верблюд, миссис, - ответил он.

- Прекрасно. Тогда оставлю, - сказала она, снимая со спины сумку.

Все это время мой весельчак лукаво поглядывал на нее и, принимая сумку, сказал:

- Ваша жизнь, миссис, и гроша ломаного не стоит, как, впрочем, и моя.

- Благодарю вас, - ответила она, добавляя: - А который час, не скажете?

- Время бесконечно и непрерываемо, - пропел он вместо ответа.

- Ага, значит, до половины восьмого успею. Всего вам доброго, - закончила беседу женщина и отправилась дальше.

Я еле сдерживался на протяжении этого разговора, а когда он окончился, истерически рассмеялся. Затем с удивлением посмотрел на пуэрториканца. Тот тоже смеялся.

- Знаешь, почему она не расслышала мои ответы? - спросил он.

-?

- Дело в том, что слышит она только то, что хочет услышать, заранее зная, каким должен быть ответ. Хоть ты ей в ухо ори всю правду-матку, она все равно ничего не услышит. Раз сюда пришла, то на уме у нее одни аксессуары, и все вращается только вокруг них. Забавно, не правда ли?

Этот парень часто устраивал нам такие спектакли. Вначале все сходило ему с рук. Но однажды вышла осечка. Кто-то на него пожаловался в менеджмент, и его тут же вытурили.

Пожалуй, и возвращение домой меня мало радует. Отец допоздна на работе, хозяин раньше десяти его не

отпускает. Мать, правда, уже в шесть дома, но, позовившись с готовкой ужина, тут же ложится спать.

Брат - статья особая. Войдя в комнату, он одновременно снимает обувь и включает телевизор. Затем заваливается на диван и пристально смотрит в ящик. Время от времени, очевидно для разрядки нервов, он выкрикивает нечто бессмысленное, вроде "уууу" или "аааа", а то и более членораздельно выговаривает название женского полового органа. Проорет так раз пять-шесть и полностью замолкает уже до самого отхода ко сну. По телевизору он смотрит обычно спортивные передачи или сексфильмы. Для этого у него выписаны специальные каналы на кабеле.

Кстати, брата здесь все любят. И его босс вполне им доволен. Брата считают очень добросовестным, так как он ни разу на работу не опоздал и выкладывается там сполна. Я завидую ему. Он-то хоть знает, чего в этой жизни добивается. В этом году он, например, собирает деньги на воскресное хождение в плавательный бассейн, в следующем - он вставит себе зубы по страховке, года через два - снимет квартиру на Манхеттэне, а итогом всех его стараний должен быть дом во Флориде. Имея такой план, он спокоен и, как мне кажется, вполне собой доволен.

Меня же ничего не успокаивает: ни мечты об апартаментах, ни выкрикивания разных там половых органов, ничего... Неужто я - ошибка природы?..

Знаешь, о чем я часто думаю? О пустыне. Все, что я вижу вокруг себя, это огромное множество снующих мимо людей. Все это кажется мне бутафорией в некой бездарной театральной постановке. В пустыне было бы лучше - думается мне. Туда бы уединиться, там жить, как этот наш Григол Хандзтэли. Уверен, ему, Григолу, было в пустыне не так одиноко, как мне здесь. Странная мечта, не правда ли, у человека двадцатого века... Желать стать монахом, не имея никакой морали. Я ведь

не моралист, к тому же многогрешен. Или просто несчастен, эдак не ко времени рожденный...

Когда я думаю о пустыне, то представляю себе прекрасные пейзажи: небесную лазурь наших грузинских долин, серебристый подол каньона Колорадо, вершины Эвереста, тихую идиллию островов Таити... В такие минуты я успокаиваюсь и мир кажется мне вполне нормальным.

Понять не могу, почему я так часто думаю об этом монахе Григоле Хандзтэли. Беседую с ним, мысленно вижу его лицо, и жизнь этого пустынного человека все больше и больше привлекает меня. Этим я, конечно, ни с кем не делюсь. Знаю, что мне ответят: мол, если бы твой монах жил в наше время, то и он погнался бы за долларом. Вот что мне ответят.

Мне самому моя жизнь странной кажется. Ее, наверное, осудил бы сам Иисус Христос. Возможно. Но хорошо: открою большую кампанию, стану миллиардером, как Рос Перро, будут у меня дома и во Флориде и в Калифорнии... Но что из этого? Ведь в итоге мой пепел вставят в мраморный шкафчик на безлюдном кладбище Лонг-Айленда.

Вот что самое страшное.

На моей могиле никто не напишет, что здесь покоится человек, который знал Гио Мгеладзе, который с тбилисскими ребятами слушал музыку и стихи Галактиона Табидзе читал, который там, тогда находил жизнь прекрасной...

А сейчас? Догадываюсь: ни Григола Хандзтэли, ни Франциска Ассизского из меня не получится. Просто может так случиться, что перееду в Сан-Франциско, где сделаю немного больше зелененьких. Ведь теперь я не что иное, как раб Доллара. Вот кто я теперь.

Пятую Авеню во всем мире знают. На ней расположены музей Гугенхейма, Мировой торговый центр, знаменитый "Плаза отель", ослепительные магазины Блю-

мингдейла и еще много чего... Все это я знаю, могу точно указать, где каждое из этих чудес находится. Но где она, душа моя - вот этого я не знаю. Возможно, что ее у меня не было и нет.

А вот моя остановка. Теперь уже до дома близко. На ужин ждет меня жареная картошка.

ТАЙМС СКВЕР

(Из рассуждений незнакомого эмигранта)

Не опоздать бы: уже кажется одиннадцать часов.

Иду в "Мариот Маркиз", одну из лучших гостиниц Нью-Йорка, в надежде найти работу. Если найду, то, наверное, на "кеш", т.е. на зарплату, не облагаемую налогом. На таких условиях можно рассчитывать на место официанта или басбоя.

Везение начинается с этого: есть работа, значит, везет, нет ее - считай себя неудачником.

На перекрестке Бродвея и Седьмой Авеню - несколько гостиниц. В одной из них, под названием "Холидей инн", как мне говорили, останавливался министр иностранных дел Грузии. Ну и что?..

Вот показался плакат с той голой красоткой, что рекламирует "Пепсико". Там, за углом должны находиться коричневые двери, за которыми сидит менеджер из отдела человеческих ресурсов. А ресурсов этих, будь здоров, у них навалом. Попадая в такое место, чувствуешь себя как в инкубаторе, где выводят хорошо одетых мужчин и красивых женщин.

Кроме шуток, когда ходишь по Манхеттэну, невольно становишься импрессионистом. Из всех сил надо стараться не сойти с ума, как этот Ван-Гог.

Сколько здесь машин, черт их побери! Так ведь тоже нельзя. Когда я жил в Грузии, то думал: в этой Америке

всего достаточно. Теперь мне кажется - все здесь лишнее.

Порой преследуют меня идиотские мысли. Наверное, мер, зачем мы все появились на белый свет? В принципе: какое мне до этого дело... Так нет же, вопрос этот покоя мне не дает, но я никак не сведу концы с концами... По-видимому, существует несколько вариантов ответа.

Первый вариант: мы родились на свет, чтобы купить дом во Флориде, как это делают нью-йоркские миллионеры. Дом этот должен стоять на берегу океана и стоить не менее трехсот тысяч. Живя в нем, вы должны иметь возможность ежедневно наблюдать из своих окон или с балконов восход и заход солнца. Но такое требует одновременно и времени и денег. Хороша цель, не правда ли?!

Вариант второй: мы пришли в этот мир с тем, чтобы положить себе в постель Жаклин Биссе и как можно дольше тянуть это удовольствие. Женщины могут положить рядом Алена Делона или Пола Ньюмена. Права у всех одинаковые. Что ж, и это неплохо...

Еще что? Надо иметь имя. Разумеется, хорошее, чтобы о вас говорили: они богатые, им хорошо всем на зависть! Завидовать - очень важно. Даже если ты нищ, то получаешь удовольствие от сознания, что вокруг все с ума сходят от зависти...

Возможны и дополнительные детали: автомобиль, бассейн, теннисные корты, большой голографический экран у себя дома, соответствующий обслуживающий персонал... все как на Парк Авеню, где живут миллионеры старого истеблишмента.

Может быть, я что-то и опустил, но главное, кажется мне, я выразил точно.

Когда думаешь так, то все просто. Такая простота, однако, меня не устраивает. В чем дело - не пойму. То ли Наполеон во мне сидит и жаждет, ради своих побед, горы убитых солдат? То ли Аристотель Онассис, кото-

рый ставил Жаклин Кеннеди на колени и, наверное, был убежден, что мог бы весь мир разместить на кончике своего члена?..

Вот какие отвратительные мыслишки!

Как-то одна режиссерша сказала мне: покой и богатство человек должен находить в своей душе. Тогда эта мысль показалась мне более чем странной. К чему искать богатство в своей душе, когда магазины Таймс Сквер полны богатством, осязаемым, вещественным.

А вот и она, шикарная гостиница "Мариот". Красота! Один эскалатор чего стоит! Если не ошибаюсь, здесь он раз в двадцать длиннее, чем тот, из московского Хаммеровского центра.

Интересно, а что стало с этим парнем из Гринвич-Вилледж? Жив ли вообще?

Приехал он четыре года тому назад с твердым намерением стать миллионером. Начал с официанта в хорошем ресторане, там, кажется, в итальянском квартале. А это где-то 250 долларов в неделю. Помню, тогда снимал он комнату в верхнем Манхеттэне. Будучи внешне довольно-таки симпатичным, парень полагал, что будет хватать звезды с неба. И чисто грузинского тщеславия было в нем хоть отбавляй. В свободное время он прогуливался по улицам с фотоаппаратом: позировал перед роскошными лимузинами, прося мимо проходящих красоток сниматься с ним. Потом он эти фотографии отсылал в Тбилиси. Надо полагать, там все это принимали за чистую монету, дескать, уже дело открыл в Рокфеллер-центре или в Трамп-таре.

Долгое время парень этот обслуживал свои столики. Вдруг, кажется, с ума сошел: швырнул торт в лицо какому-то клиенту, за что лишился работы и, говорят, какое-то время даже в тюрьме посидел. Теперь я его нигде не встречаю. Случайно узнаю, что живет он в метро, что бороду отпустил и трудно его узнать. Кто-то однажды видел его пьяным и грязным, но с аппаратом,

болтающимся за спиной.

А, вообще, бродить с фотоаппаратом совсем не плохо. Ходи себе и снимай сколько угодно, кто узнает в Тбилиси, что все это - показуха, что весь этот твой Рокфеллеровский центр - мыльный пузырь... О да, романтика! Если у тебя, разумеется, есть настоящая американская мечта...

Приблизительно десять лет назад одна грузинская чета сбежала с корабля. Прямо в порту один милосердный человек подобрал их, приютил у себя дома, кормил до тех пор, пока они, наконец, не нашли себе работу.

Первые годы были трудными. Потом эти муж с женой встали на ноги. Вот тогда-то у них отношения со спасителем очень испортились. Точно не знаю, с чего все пошло, но, кажется, этот благодетель кому-то в Грузии сказал, что эти несчастные муж с женой жили у него дома и за его счет.

Так возникла между ними вражда не на жизнь, а на смерть. Вначале в ход пошла площадная ругань. Вскоре, однако, чета так рассвирепела, что как-то ночью подожгла этому человеку дом. Вместе ли они это сделали или только муж такую решительность проявил - не знаю. Доподлинно известно лишь то, что судебный процесс по этому делу длился два года и кончился ничем, так как у мужа и жены оказалось алиби: дескать, в этот час оба были в гостях у выступавшего на суде свидетеля.

Дело вроде бы кончилось, но вражда еще более углубилась, а посвященные в этот вопрос люди судачат: мол, неблагодарные они, или, наоборот, он - бессовестный, так как делал добро, чтобы этим хвастаться. Короче говоря, люди везде едят друг друга. Кстати, эти самые супруги просили меня, чтобы я всем отъезжающим в Грузию рассказывал, как они здесь хорошо устроились. Я же, дурак, не сообразил взять с них за такую услугу деньги. Теперь-то я понимаю: все в этом мире

В "Мариоте" работы для меня не нашлось. Предложили заглянуть через два месяца. Нашли простака: я-то ведь знаю, что будет через два месяца. Каникулы будут у студентов, и все они, как голодное воронье, набросятся на рестораны больших городов. Вот так и приходится приспособливаться к крысиному существованию. Чудо - это просто надежда, блуждающая в тумане завтрашнего дня...

Сейчас я стою под "Эмпайр стэйт билдинг" и чувствую себя собакой. Но ведь собака знает, что ей в этой жизни нужно. А знаю ли я? Мне кажется, что современный человек это ощущение полностью теряет. Подобные мысли стараюсь отгонять. Не получается, однако. Стоит мне подумать о чем-нибудь конкретном, как сразу же философский червь точит меня, гнусаво говоря: "Что ты здесь делаешь, несчастный, что?.. Ведь живешь-то как пресмыкающееся, и от смерти никуда не убежишь, так что спеши, спеши..."

Отсюда выход на Третью Авеню, где станция метро. Раньше здесь жили мои старые друзья. Муж и жена. Парня этого я еще с детства помню, так как жили мы в одном квартале. В то время он вынашивал какие-то странные идеи, но, главное, был он удивительно верующим, что выделяло его из общей массы. Ходил он по улицам эдаким самоуверенным и решительным шагом. Нам было интересно: что же он такое там в книгах вычитал, что придает ему такую уверенность во всех жизненных вопросах... Еще любил он, засунув руку под юбку, щупать женские ляжки, причем делал он это очень изящно и с вежливостью безукоризненной. Это был тип идеального любовника. Но и ханжа в нем сидел изрядный: он всех убеждал, будто женщины его совершенно не интересуют.

Женился этот парень на красивой и набожной девушке и, разумеется, постоянно ей изменял. Она страшно огорчалась, страдала. Однажды, уже здесь, в Амери-

ке, я видел его в Централ Парке по пояс раздетого с какой-то дамочкой. От растерянности он стал меня уверять, будто ему стало плохо и вот, мол, эта дама его в сознание привела. Я за язык его не тянул, сам он эту чушь выдал. Впрочем, почему я все это припоминаю? Мне-то какое дело, кто кому под юбку лезет...

На Юнион Сквере в конце Шестнадцатой улицы есть хороший бар. Я и здесь пытался найти работу, но меня не приняли. Бар этот служит местом встречи разных модельеров. Туда заглядывают люди, один красивее другого. Между прочим, там я встретился с интересной личностью. С одной тбилисской женщиной, прибывшей сюда пятнадцать лет тому назад. Одета с особым шиком, служила она в банке на углу Пятой Авеню и Сорок четвертой улицы. Такие в год имеют примерно тысяч пятьдесят. И квартиру она снимала в верхней части Ист-Сайда. Прекрасная внешность, не замужем, бездетна, лет тридцати пяти. Так вот, я спросил ее, с какой целью она сюда приехала, и получил следующий ответ:

"Я росла в патриархальной семье. После восьми вечера отец не выпускал меня из дома. А стоило ему заметить меня с каким-нибудь парнем, как сразу же начинался ужасный скандал. Я чувствовала себя запертой в клетке. Так, во всяком случае, мне тогда казалось. И я решила бежать..."

Америка казалась мне страной восхитительного секса, местом неукротимого сексуального блаженства. И я мечтала приобщиться к этому. Но, увы, здесь процветает только бизнес, люди же кажутся бесполоыми. Для них секс - что-то вроде спортивного упражнения. А ведь я мечтала раствориться в этой сфере, как в мироздании. Сейчас я понимаю: настоящий секс был там, в Грузии, ибо запретный плод всегда сладок..."

Странно, не правда ли? Эта женщина рвалась в страну грез, а очутилась...

страну грез, а очутилась...

Очевидно, мир мечты, любви, секса каждый должен найти в самом себе. Окружающее не успокоит тебя, зато подкинет немало размышлений о превратностях жизни.

Все преобразилось в моей жизни. Знакомые и незнакомые смотрят мне в глаза в надежде украсть у меня какую-нибудь идею. Все время находишься под страхом: не сболтнуть бы лишнюю информацию. Выходит, вокруг одни враги и каждый думает о собственной шкуре. Вот так и становишься винтиком в отлично налаженной машине, которая не остановится никогда...

Нью-Йорк

Перевод Александра Буачидзе

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА
ГРУЗИИ Г-НА ДЖАМЛЕТА БАБИЛАШВИЛИ
НА ЗАСЕДАНИИ ПАРЛАМЕНТА
5/IV 1996 ГОДА**

Дружба известного в мире своей толерантностью грузинского народа и живущего рядом с ним на единой грузинской земле абхазского имеет свою многовековую историю.

Это общеизвестный факт, признанный и научно обоснованный.

Летопись сохранила для нас не один замечательный пример добрососедства, взаимопонимания, поддержки в горе и в радости, борьбы плечом к плечу этих народов с общим врагом.

Несмотря на отдельные рецидивы, любые попытки посеять вражду между грузинами и абхазами всегда заканчивались безуспешно. Абхазский народ исторически соединил свою судьбу с Грузией.

Именно нахождение Абхазии в составе Грузии позволило ее народу сохранить свою самобытность, создать собственную письменность, открыть абхазские школы, университет, иметь собственное абхазское телевидение.

В мире мало найдется примеров того, чтобы живущее в границах единого государства национальное меньшинство пользовалось бы столь широкими автономными правами, как абхазский народ.

К сожалению, вопреки воле большей части абхазского народа в Абхазии зародился и постепенно развился агрессивный сепаратизм, который в конечном итоге стал главной причиной трагедии самого абхазского народа, привел к этнической чистке и геноциду грузин, разрушению страны, огромным людским жертвам, превратился в преступление против человечности.

Начало титанической работе по выявлению величайших злодеяний против грузинского народа и грузинской государственности положило известное постановление Главы Грузинского государства о создании государственной комиссии для исследования фактов этнической чистки и геноцида грузинского населения в абхазском регионе и подготовка материалов для международного трибунала.

В состав комиссии вошли видные государственные и общественные деятели, ученые, известные грузинские и зарубежные эксперты, специалисты.

Там, где имеет место преступление, свое слово должно сказать и следствие. Эта тяжелая миссия была возложена на Прокуратуру Грузии.

28 сентября 1993 года Прокуратура Республики Грузия возбудила уголовное дело по факту этнической чистки и геноцида в отношении мирного грузинского населения на территории Абхазской автономной республики со стороны абхазских сепаратистов и их наемников.

В связи со сложностью и большим объемом дела приказом Генерального Прокурора от 29 октября 1993 года создана специальная оперативно-следственная группа, состоящая из высококвалифицированных и опытных работников Прокуратуры, органов Внутренних дел и Службы государственной безопасности.

К следствию активно подключились и работники прокуратуры Абхазской автономной республики во главе с прокурором автономной республики Анзором Лацузбайя. Руководство следственной группы было поручено заместителю Генерального Прокурора Анзору Балуашвили.

На сегодняшний день допрошены тысячи свидетелей и потерпевших, имеется большое количество документов, видео- и фотоматериалов, проведены разного рода экспертизы. Результат работы десятков следователей и оперативных работников - это сто объемистых томов. В итоге сложной и трудоемкой работы окончательно установлено: агрессивный сепаратизм насаждался и развивался в Абхазии в течение десятков лет. У истоков этого аморального, антинародного движения стояли руководящие партийные и советские работники Абхазской автономной республики, находящиеся в непосредственной связи с российскими империалистическими силами.

С 60-х годов из числа высших должностных и других лиц органов власти и управления Абхазии была сформирована и действовала организованная группа экстремистов, ставящая перед собой цель ограничения суверенных прав Грузинского государства и посягательства на ее территориальную целостность и насильственное отторжение Абхазии от Грузии.

С целью облегчения осуществления указанного преступного замысла и стремясь ввести в заблуждение международную общественность, экстремисты умышленно и методично искажали и фальсифицировали исторические факты, прибегали к политическим инсинуациям, тенденциозной интерпретации явлений, сочиняя легенды о якобы завоевании грузинами абхазской территории, угнетении абхазского этноса и стремлении к его физическому уничтожению.

Сепаратисты десятилетиями насаждали кононавистническую доктрину о невозможности совместного мирного сосуществования грузин и абхазов, и для достижения их полного отчуждения противопоставляли эти народы друг другу.

Вооруженная борьба за реализацию "права на самоопределение" с применением фашистских методов насильственного нарушения территориальной целостности страны, изменения демографической ситуации путем уничтожения и изгнания этнических групп превратилась в государственную политику. Для изменения исторической ориентации нашим соседям и дружественным народам представляли Грузию как образ "врага", утверждая, что Абхазия - это Россия, что именно России принадлежало все ее богатство, в первую очередь инфраструктура бывших всесоюзных курортов, заповедники, объекты стратегического назначения и т.д.

Мусульманам Северного Кавказа и зарубежных стран внушалась мысль, что Кавказ един и неделим для них, что якобы грузины физически уничтожали абхазов и поэтому те просили у них помощи. Действующих в Абхазии бандитских формирований

экс-президента абхазские сепаратисты подстрекали к совершению террористических актов и диверсий с целью свержения власти в Грузии, что привело бы страну к хаосу и произволу.

Пропагандистская машина экстремистов заработала на полную мощность, с завидным темпом началось движение за спасение "угнетенных" абхазов, сбор материальных средств и оружия, создания за рубежом отрядов наемных убийц и забрасывание их в Грузию.

Идеи сепаратизма с энтузиазмом подхватили информационные средства некоторых государств и развернули явно проабхазскую пропаганду с целью защиты "гонимых и несчастных" абхазов, а также работу по организации карательного похода против грузин-"людоедов".

Сепаратистское руководство автономной республики перекрыло все информационные каналы республики, чем лишило возможности население Абхазии разобраться в реальном положении дела.

Сепаратисты особенно активизировали борьбу против грузинской государственности в начале 1990 года.

Выступая 23 августа 1990 года на сессии Верховного Совета автономной республики Председатель Президиума В. Кобахиа, депутат Д.Аджинджал и другие, искажали исторические факты, утверждая, будто бы Абхазия никогда не была связана с Грузией. Тем самым они дали толчок новой волне ненависти, нанесшей огромный удар по традиционно близким взаимоотношениям грузин и абхазов.

Сепаратисты в своей деятельности методично и планомерно использовали национал-политическую

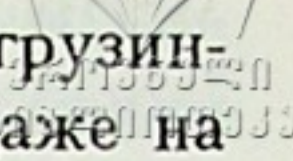
организацию "Айдгилара", программной целью которой была фальсификация исторических абхазо-грузинских взаимоотношений.

Материалы следствия представляют весь спектр антигосударственных действий лидеров "Айдгилара" и других подобных организаций. Они систематически распространяли заявления, призывы, так называемые "научные исследования", способствовавшие нарушению государственной целостности Грузии. Издание подобных "трудов" с завидным усердием осуществляется и ныне. Например, "Абхазия: хроника необъявленной войны", "Белая книга Абхазии", "Абхазская трагедия" и др.

Абхазские сепаратисты утверждают, якобы грузины стремятся ассимилировать абхазов, будто Абхазия никогда не была частью Грузии, что она на протяжении многих веков являлась независимым и суверенным государством.

Как утверждает один из идеологов абхазских сепаратистов Алексей Гогуга, грузины притеснением и уничтожением абхазской интеллигенции, закрытием абхазских школ, переселением на лучшие абхазские земли из разных районов Грузии более 200 тыс. грузин, вызвавшим ассимиляцию части коренного населения, поставили один из древнейших народов Кавказа и его культуру в шоковое положение, а его автономия превратилась в фикцию (см. "Дружба народов", 1989 г.). То же самое утверждают Б.Тарба, Б.Сагария и другие.

В процессе следствия выявилось, что выдаче абхазскими этнократами своих групповых эгоистических интересов за общенациональные и подготовке благодатной почвы для сепаратизма в определенной

мере способствовало поведение некоторых грузинских максималистов, которые в то время даже на политическом и государственном уровне не чурались некорректных высказываний в адрес негрузинского населения республики и неверное толкование идеи национального движения, чем порой ставили под сомнение права абхазов в Грузии и их государственную автономию. Подобные рецидивы безответственности благодаря усилиям абхазских сепаратистов еще более усугубили недоверие и антагонизм между грузинами и абхазами.

Территориальная целостность и суверенитет любого государства, в том числе и Грузии, гарантированы в границах, признанных ООН. По алмаатинскому соглашению от 21 декабря 1991 года суверенитет Грузии, как и других союзных республик, был подтвержден на всей принадлежащей ей территории, включая Абхазскую автономную республику. Это прекрасно знают и абхазские этнократы. Именно поэтому в основу правовой аргументации в пользу преступного выделения Абхазии из состава Грузии сепаратисты положили фальшивый юридический механизм, чем еще раз подтвердили, что сепаратизм в Абхазии превратился в государственную политику.

25 августа 1990 года Верховный Совет автономной республики принял декларацию "О государственном суверенитете Абхазской Советской социалистической республики", которая односторонне, в нарушение Конституции Грузинской Республики и Абхазской автономной Республики, фактически объявила о выходе Абхазии из состава Грузии. По данной декларации в "Верховном Совете Абхазской

АССР обеспечено институционное представительство той нации, которая дала название республике.

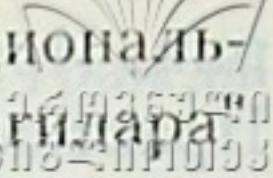
Сепаратистские цели заговорщиков явно были подчеркнуты в постановлении от 26 августа 1990 года "О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии".

Экстремисты заранее подготовили концептуальные основы политики апартеида, внося путем шантажа и насилия 27 августа 1991 года изменения в закон "О выборах депутатов Верховного Совета". Практически апартеид в Абхазии был утвержден де-юре.

По данному "Закону" при проведении выборов в "28 избирательных округах в качестве кандидатов в депутаты могли участвовать только абхазы, в 26 округах - только грузины, в остальных - представители других национальностей".

Этим открыто апартеидным законом абхазы искусственно получили большинство в Верховном Совете и посягнули на права большинства населения автономной республики - грузин.

Кроме того, в 1991-1992 годах, с активным участием В.Ардзинба, в нарушение требований Конституции Абхазской республики, были приняты законы и постановления, практически ограничившие юрисдикцию Грузии и посягнувшие на ее территориальную целостность. В частности: "О денежно-кредитном регулировании в Республике Грузия", "О Национальном банке Республики Грузия", "О банках и банковской деятельности", "О законах Республики Грузия" и другие, а также постановления о создании внешнеэкономического комитета и комитета взаимоотношений между республиками, таможен-

ной службы, моноэтнической Абхазской национальной гвардии, абхазского батальона "Айдгидара" конфедерации горских народов Кавказа, о переподчинении прокуратуры, войсковых и милицеских частей Министерства внутренних дел, органов безопасности, комитетов управления государственного имущества и приватизации и т.д. К сожалению, эта правовая диверсия не получила в свое время должную оценку с нашей стороны.

Более того, в июле 1992 года, игнорируя элементарные конституционные нормы, невзирая на волю грузинских депутатов, сепаратисты простым большинством голосов отменили конституцию Абхазии 1978 года и "восстановили" конституцию Абхазской Советской социалистической республики 1925 года, которая, по мнению специалистов, никогда не действовала.

Для достижения якобы "мирным путем" изменения демографического положения и механического увеличения численности абхазов сепаратисты приняли дискриминационные постановления "Об ограничении прописки граждан в Абхазской АССР", а затем "Об изменении фамилии и национальной принадлежности", чем практически запретили проживание в регионе лицам неабхазской национальности. Эти постановления не распространялись на граждан стран дальнего зарубежья, которые без предъявления соответствующих документов объявляли себя абхазами. Постоянную прописку эти лица получали тайно и в упрощенном порядке.

Только в марте 1992 года в Сухуми, Очамчире и других районах разрешение на постоянное проживание получили 100 человек, прибывших из Си-

рии, Иордании и других стран дальнего зарубежья. Практика незаконной прописки интенсивно продолжалась и впоследствии, а с началом конфликта приобрела более широкие масштабы. Сепаратисты в качестве награды иноземным боевикам предоставляли им право на проживание и разбой в Абхазии.

Сегодня уже все знают, что чеченские события берут свое начало в Абхазии, именно там следует искать истоки трагедий, происшедших в Кизляре, Буденновске, в Первомайском и других районах.

В Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском и Ставропольском краях, на Дальнем Востоке, в некоторых регионах Северного Кавказа, в особенности в Чечне, где определенная часть руководства республики главным направлением своей деятельности сделала агрессивный сепаратизм, были организованы сборные пункты так называемых добровольцев, откуда непрерывным потоком в Абхазию шли бандиты и убийцы, среди них немало участников войны в Афганистане.

В сборе и финансировании наемных убийц особую роль сыграл лидер конфедерации горских народов Муса Шанибов. Тот самый, который объявил Грузию и ее столицу зоной бедствия, полигоном террористических и диверсионных актов. По нашей просьбе Генеральная Прокуратура Российской Федерации возбудила против него уголовное дело, но затем прекратила - якобы, не сумев установить его виновность. Садистскими убийствами и пытками мирного населения - беззащитных женщин, стариков и детей на всей территории Абхазии отличились Шамиль Басаев и его свора. Однако Басаев избежал в свое время наказания, что, увы, слишком до-

рого обошлось впоследствии и России и ее гражданам.

С сожалением приходится констатировать, что правоохранительные органы России, несмотря на наши неоднократные просьбы, не уделили должного внимания тяжким преступлениям, совершенным в Грузии Ш.Басаевым.

Установлено, что в составе вооруженных банд сепаратистов количество так называемых добровольцев достигало почти 60 процентов.

Именно опираясь на них, сепаратистам удалось изгнать грузин из Абхазии.

Сепаратисты активно готовились к войне. Приобретали оружие и военную технику. В этом им особую помощь оказало коррумпированное руководство дислоцированных в Абхазии армейских формирований России. Оно фактически даром уступало им целые склады с оружием и боеприпасами.

В такой тяжелой обстановке сторонники экс-президента развернули антигосударственную деятельность в Западной Грузии и в том числе в Абхазии. Они совместно с абхазскими сепаратистами старались придать более широкие масштабы дестабилизации, что было на руку обеим сторонам и способствовало осуществлению их намерений, а также совместно проводили диверсионные и террористические акты, взрывали железнодорожное полотно, мосты, другие транспортные коммуникации, грабили поезда и пассажиров, похищали людей, громили мирное население.

В первой половине 1992 года почти на всей территории Абхазии практически прекратилась работа железнодорожного, автомобильного и воздушного

транспорта. Грузия и Армения оказались на грани экономической катастрофы.

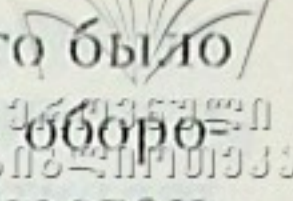
Диверсионные акты на железнодорожных перегонах Келасури-Дранда, Тамыш-Очамчире, Дранда-Адзюбжа, Цацхви-Ингири, Ингири-Зугдиди стали чуть ли не ежедневным, заурядным явлением.

В Самегрело и Абхазии на железнодорожных станциях Гагра, Бзыби, Гантиади, Гудаута, Дранда, Гали, Ачигвара, Салхино, Сухуми, Эшера, Очамчире, Ингири, Зугдиди и других в результате вооруженных нападений было разграблено 1923 вагона, стоимость груза которых по тогдашнему курсу составляла 11 млрд. рублей. Только в первой половине 1992 года зафиксировано 1142 нападения и взрыва.

Банды террористов и диверсантов, стремясь развалить работу государственных структур, вызвать анархию и хаос, покушались на жизнь и здоровье мирного населения и должностных лиц, на законные права человека.

В 1992 году участились случаи похищения представителей государственной власти. Вспомним похищение и пересылку в Абхазию председателя Комитета по правам человека Александра Кавсадзе, зам. министра МВД Грузии Романа Гвенцадзе, умышленное убийство руководителя Хобского района Кандида Гогуа и многое другое. Эти действия имели чрезвычайно тяжкие последствия.

Необходимо было пресечь разгул бандформирований, обеспечить безопасность движения железнодорожного транспорта и восстановить законность и правопорядок в стране. С этой целью власти Грузии постановлением от 10 августа 1992 года ввели чрез-

вычайное положение, осуществление которого было поручено вооруженным силам Министерства обороны и внутренних дел, а также частям военизированной охраны Управления железных дорог республики. Вместе с тем Государственный Совет категорически потребовал от руководителей силовых ведомств, чтобы они не допустили дислокацию вооруженных сил и техники в городах и населенных пунктах.

Совершенно однозначно, что грузинские власти не планировали военных действий против Абхазской автономной республики. Утверждения лидеров сепаратистов и их единомышленников об "агрессии и оккупации" безответственны и фальсифицируют факты.

Надо сказать, что тогдашнему министру обороны Грузии Тенгизу Китовани было поручено согласовать план перемещения и действия вооруженных сил в Абхазии с руководством автономной республики. Как выяснилось, Китовани не выполнил этого поручения, чем дал сепаратистам возможность для провокации.

14 августа 1992 года сепаратисты открыли огонь по перемещенным на территорию Абхазии вооруженным силам Грузии, убили и ранили несколько работников полиции. В подтверждение этого следствие наряду с другими располагает и видео-материалами, которые исследованы и прилагаются к делу.

Лживыми высказываниями, оскорбляющими и унижающими честь Грузинского государства, законодательными махинациями, попытками изменить демографическую ситуацию, провоцированием ло-

кальных конфликтов и другими незаконными действиями сепаратисты поначалу не смогли нарушить территориальную целостность республики.

При активной помощи подстрекателей и соучастников, тайно и с полной отдачей сил они подготовились и развернули боевые действия, а затем заранее запланированный геноцид мирного грузинского населения, выразившийся в массовом уничтожении людей, пытках, сжигании, повешении, изнасилованиях, систематических бомбежках жилых районов, разрушениях лечебных учреждений, городов и сел. Вот те акции, которые широко применяли сепаратисты против грузинского населения Абхазии.

Фашистский лозунг и целенаправленная политика - "Абхазия без грузин" - превратился в реальность. Нормы современного международного права считают эти действия тягчайшим преступлением и квалифицируют их как геноцид.

Международная конвенция 1948 года исчерпывающе определяет юридическую природу указанного преступления. На основе конвенции разработана и принята ст. 651 Уголовного кодекса Грузии, согласно которой геноцид есть действие, направленное на уничтожение членов какой-либо национальной, этнической, расовой, религиозной группы, что выражается в убийстве членов таких групп, их тяжелом изувечении или же создании таких условий жизни, которые рассчитаны на их полное или частичное истребление. Действия абхазских сепаратистов представляют классический пример этого преступления.

Для того, чтобы облегчить осуществление геноцида сепаратисты эвакуировали абхазское население

ние из районов боевых действий, используя паузы, вызванные прекращением огня и распределением гуманитарной помощи. Гудаутский район был объявлен местом сосредоточения всех абхазов. Это дало агрессорам возможность в течение войны применять против оставшегося мирного грузинского населения и воинов жесточайшие меры.

Выселение грузин происходило целенаправленно. Кто избежал смерти, того заставляли писать заявление о "добровольном" отказе от жилья и всего имущества. Это доказывают, кроме собранных нами материалов, документы, составленные международными комиссиями.

Геноцид в Абхазии осуществлялся поэтапно - с 14 августа по 2 октября 1992 года в Гудаутской зоне, со 2 октября того же года по 15 сентября 1993 года в Гагрской зоне, а с 16 сентября 1993 года в Сухумском, Очамчирском, Гальском районах и Ткварчели.

Планомерный геноцид разных социальных слоев грузинского населения, в особенности интеллигенции - медиков, педагогов, журналистов, писателей, работников искусства - заключался в основном в их массовом физическом уничтожении.

В Сухуми после прекращения боев 27 сентября 1993 года были подвергнуты пыткам и расстреляны Председатель Совета Министров Абхазской автономной республики Жиули Шартава и другие представители правительства, рядовые сотрудники аппарата СМ, начальник полиции Рапава, несколько ранее в Гагра - депутат Верховного Совета Абхазии, заместитель начальника гагрской администра-

ции Михаил Джинчарадзе и десятки других должностных лиц и рядовых работников.

Сепаратисты лишили жизни более ста работников искусств, в том числе женщин, садистски убили художественного руководителя Гумистинского Дома культуры 37-летней Нато Милорава, актеров драматического театра Василия Чхеидзе, Теймураза Жвания, Гурама Геловани, директора Сухумского парка культуры и отдыха Юрия Давитая и многих других.

Были убиты более 80 работников медицины, большинство из которых были женщины: Вера Колбая, Тина Цоцария, Нино Шония, Ариадна Шелия, Ольга Ткебучава, Майя Беселия и другие. Во время исполнения врачебных обязанностей были лишены жизни Зелимхан Данелия, Гия Сичинава, Размик Испекчян, Георгий Баркалая, Шалва Гвазава и другие. В Гульрипшском районе во дворе туббольницы на глазах у родных расстреляли главного врача Шота Джгамадзе. Таким же образом расправились с врачом республиканской больницы Петре Сичинава.

Сепаратисты и их наемники убили более 200 педагогов, в их числе более 60 женщин: Венера Сигуа, Юлия Гогохия-Читанава, Цаца Дзандзава, Эка Пилпани, Лия Акубардия, Дзабули Пачулия, Гульнара Чаладзе, Циала Куправа, Нази Саджая, Мина Арабидзе, Жужуна Маглаперидзе, Люба Чемия, Этери Бакурадзе, Нато Шенгелия, Люба Гвинджилия, Лили Чкадуа, Эльвира Квитатиани, Циури Шария, Нино Векуа, Натэла Тодуа, Марго Гагуа, Луара Гергая, Кето Кварацхелия, Тина Карчава и другие.

Из-за принадлежности к грузинской национальности были убиты сотрудник Министерства финансов Тристан Габелия, начальник строительного управления Леонтий Джалагония, старший помощник прокурора Абхазии Владимир Каличава, следователь Эмзар Лашихия, заведующий кафедрой субтропического института Юрий Норакидзе, доцент того же института Карло Чхенкели, главный архитектор Сухуми Тамаз Тавадзе и другие.

Сепаратисты не остановились на этом, так как их планы предусматривали более масштабное уничтожение грузинского этноса и его изгнание из Абхазии.

Массовое истребление и изгнание грузин начались в Сухумском и Гудаутском районах, где расположились основные силы банд сепаратистов. На первом этапе начавшегося конфликта из Эшера, Лыхны, Араду, Ахалсопели были изгнаны 5000 грузин, с остальными безжалостно расправились. В Ахалсопели расстреляли 17 грузин, у 70-летнего Индико Грдзелидзе вырезали сердце, Элгуджу Майсурадзе при народе зарубили топором, 65-летнего Николая Квабзианидзе привязали к трактору и, мучая, убили.

После падения Гагра банды сепаратистов приступили к погромам мирного населения: людей убивали, пытали, грабили и уничтожали их дома. По свидетельству очевидцев 5 октября банды в поселке Леселидзе пытали и повесили на электростолбах 50 грузин.

С особой жестокостью расправились с населением Гагра, Салхино, Гантиади, Пицунды, Лидзавы, Алахадзи, Бзыби. Они убивали стариков, женщин,

беспомощных детей. Публично расстреляли мирных жителей - Кометиани, Д. Кучухидзе, Н. Чарквиани, С. Бобохидзе, Г. Гвазава и других.

На глазах у жены и детей убили И. Бжалава, на глазах жены - Б. Куция, на глазах отца - Г. Глonti. 65-летнего педагога Василия Самхарадзе задержали на улице и прилюдно отрубили ему голову. Родственникам не дали права на похороны и брошенное на улице тело растерзали изголодавшиеся беспризорные собаки. Георгию Пипия отрезали сперва уши, затем нос и лишили жизни.

По показаниям очевидца Хараишвили, во время проведения пыток, расхищения и уничтожения имущества грузин в г. Гагра сепаратисты прилюдно кричали, что в зоне Гагра-Леселидзе должны быть уничтожены все грузины. А грузинские книги, памятники культуры и дома должны быть сожжены. Заявили, что будут расстреливать каждого, кто поможет грузину.

По показаниям Т. Баркалая абхазы у него на глазах убили двоюродного брата, проживавшего в Лидзаве Цезаря Квелидзе, у которого сначала отрезали нос, затем ухо и одну ногу ниже колена, а потом расстреляли. Таким же истязаниям подвергли, а затем расстреляли и 70-летнего Андро Симоншвили.

Всю ночь по колено в воде держали голого Шота Мгеладзе. Затем один из чеченских боевиков ножом разрезал ему левую руку, наполнил кровью стакан и предложил Мгеладзе выпить. Когда тот отказался, он цинично извинился, сказав: "Что делать, браток, не обижайся, но я пью не твою, а кровь всех грузин", и выпил стакан. А также при-

грозил, что если грузины не покинут территорию Абхазии, каждого из них ждет смерть.

На семью начальника курортного управления г. Гагра Алекси Барамия напали абхазские и чеченские боевики. Кроме хозяина в этот момент дома находились его жена Натэла, дочь Цисия и четыре гостя. На их глазах бандиты вывели в ванную Цисию Барамия и сначала изнасиловали ее, а затем обезглавили. Пытали жену Алекси Барамия, которую также обезглавили. Последними расстреляли самого Алекси Барамия и его гостей.

Свидетельница Нази Багишвили (Очамчирский район): сепаратисты захватили их село, большую часть мирного населения - женщин и детей - угнали в плен. Абхазские и чеченские боевики на глазах у населения села и их близких публично изнасиловали 25 девочек в возрасте 12-16 лет. Групповое насилие над беззащитными и беспомощными детьми продолжалось в течение недели. Известны факты, когда после изнасилования у малолетних девочек отрезали соски.

Аналогичные факты следствием, к сожалению, установлены в большом количестве.

После соглашения от 27 июля 1993 года еще более усилили физическое и психическое воздействие на грузинское население. В Бзыби у жителей были отобраны паспорта и самовольно поставлены штампы о выписке. С угрозой расстрела вынудили людей подписать бумаги о том, что они якобы по собственному желанию покидают поселок.

9 августа 1993 года сепаратисты под угрозой физического уничтожения переправили жителей Бзыби в Адлерский аэропорт, где им были выданы до-

кументы о выписке из мест постоянного проживания. Таким образом только из Бзыби было депортировано 250 семей - около 3000 лиц. Жителя поселка К. Киквиладзе и его 12-летнюю дочь расстреляли за то, что они отказались покинуть родные места. По этой причине были расстреляны и другие.

Следствие располагает материалами о групповом расстреле грузин в октябре 1992 года, после оккупации г.Гагра, на городском стадионе и других местах массовых скоплений людей.

Зафиксированы сотни фактов убийств с особой жестокостью мирного населения, реальность которых подтверждена и в специальном докладе Чрезвычайной комиссии Генерального Секретаря ООН.

Тягчайшие факты массового расстрела мирного населения установлены в г.Гагра, Очамчире, Гульриши, Сухуми и других районах. Согласно показаниям Константина Сичинава, после взятия г.Гагра на улицы выводилось грузинское население и в массовом порядке расстреливалось. Вместе с Нугзаром Гулордава и другими грузинами К.Сичинава отвезли в Гудаута, где он был допрошен Александром Анквабом, потом его вернули в Гагра, заставили собрать с улиц и бросить в большую яму тела 48 убитых грузин. Всеми этими действиями руководил начальник бзыбской милиции Станислав Агрба.

Тамаз Джапаридзе показал, что вместе с другими его заставили собрать на улицах Гагра 7 октября 1992 года около 250 трупов грузин, которые погрузили в четыре "Камаза" и захоронили в одной большой яме.

Нана Чаладзе показала: официальными властями по абхазскому телевидению было передано сообщение, что в случае взятия города Гагра и уничтожения грузин абхазы, чеченцы и казаки получают денежное вознаграждение и дома убитых.

В Гагра было расстреляно до 30 работников милиции. Мирное население согнали на стадион и там расстреляли. У села Дзвели Киндхи казаки расстреляли 72 мирных жителей. В селе Ганахлаба Гульрипшского района абхазские боевики расстреляли 48 человек. В городе Сухуми, в парке культуры и отдыха им. Курченко расстреляли свыше 400 грузин.

Как правило, массовые расстрелы мирного грузинского населения сопровождались пытками беспомощных стариков, женщин и детей, садизмом, особым цинизмом и неслыханным человеконенавистничеством.

Светлана Дгебуадзе: "В Киндхи и Тамыше абхазские сепаратисты сперва подвергли мирное грузинское население массовому уничтожению, затем расчленили тела убитых, развесили по столбам и повесили надпись - "продается мясо грузин"..."

Отар Гобеджишвили: "На второй день взятия Гагра началось массовое уничтожение населения. Не пощадили даже беременных женщин, им вспарывали животы, а извлеченный оттуда плод растаптывали ногами".

Лали Масхарашвили, фельдшерица Гагрской больницы: "Абхазы прислали в больницу распиленный пополам труп грузинской девочки с надписью на русском языке: "Как не соедините в целое тело этой девочки, так не соедините Грузию и Абхазию".

Галина Арзуманян показала следствию, что особенно остро ей запомнилось следующее: когда абхазы вошли в село Ахалдаба, они беспощадно расстреливали всех детей и молодых людей, тех, кто уцелел, согнали на стадион и по очереди расстреливали. Женщин и почти всех детей старше шести лет изнасиловали.

Многим отрубили головы, на некоторых же надели автомобильные покрышки и сожгли заживо. Так лишили жизни около 60 женщин. Истребили в деревне около четырехсот человек.

Лили Зоидзе из Сухуми рассказала, что в соседнюю семью Пхакадзе ворвалась группа абхазцев, чеченцев, армян и казаков, которые убили всех членов семьи, затем расчленили трупы, головы всенародно насадили на кол и сожгли.

К сожалению, следствие располагает многочисленными аналогичными жуткими фактами, о которых и далее пойдет речь в различных контекстах.

Следствием установлено, что в результате садистских деяний сепаратистов 17 тысяч оставшихся в живых гагрских грузин бросили родной кров и стали изгнанниками.

На протяжении месяцев сепаратисты бомбили Сухуми и Очамчире, только в Сухуми были сброшены десятки тысяч бомб, жертвами которых стали более 400 мирных жителей. Как правило, бомбардировки осуществлялись по ночам, когда город спал. Специально бомбили жилые кварталы.

Сепаратисты воспользовались тем, что, согласно достигнутому соглашению от 27 июля 1993 года, грузинское правительство вывело из Сухуми и Очамчире тяжелую технику и артиллерию, и 16

сентября начали массированный штурм этих городов.

Беспрерывно бомбили сухумский аэропорт, в котором скопились тысячи грузин, русских и граждан других национальностей в ожидании самолета. Прямым попаданием сбили несколько пассажирских самолетов, повлекших за собой огромные человеческие жертвы, среди погибших было более 50 женщин и малолетних детей.

Из 119.180 жителей Сухуми 49.460 были грузины. На сегодняшний день их абсолютное большинство под страхом смерти изгнано из города. По имеющимся в деле данным, после захвата Сухуми сепаратисты садистски убили более 1000 грузин - стариков, инвалидов, женщин и детей. Приведем всего несколько фактов из показаний многочисленных пострадавших и очевидцев.

Из показаний Этери Борулава: "Автандилу Давитая, проживавшему по улице Комсомольской 22, сначала сожгли дом, затем убили его с мучениями. С особой жестокостью расправились с Отаром Берия и 5 членами его семьи. Замучив, убили Мишу Гахарию, Амирана Кварацхелию, Володю Каландию с женой, Жору и Бочию Каландию и многих других".

Роза Габедава сказала, что 27 сентября 1993 года после захвата Сухуми к ним ворвались бандиты абхазской и других национальностей. Ее муж Мурман Тодуа и сын Зураб вместе с соседями и работниками милиции скрывались в жилом здании. Бандиты отыскали их и садистски расстреляли, всего 7 человек. С помощью соседей Габедава выкопала могилу и похоронила мужа с сыном вместе с остальными убитыми.

Садистски истязали и расстреляли супругов Ва- жу и Ламару Рухая, инвалида по рождению Мишу Кванталиани, на глазах у собственных детей убиты сестры Натэла и Нелли Колбая, 80-летний Д.Беру- лава и его приемный сын русский Ю.Тюрин. По- следний за то, что пытался защитить беспомощного старика.

Около двенадцатой средней школы, перед пив- ной абхазские и казачьи боевики ногами катали от- рубленные головы грузин и хохотали.

Сухумцев Роина Шубладзе и Гурама Квашила- ва в собственных квартирах изрешетили из автома- тов, затем отрезали с рук и ног мясо и там же бро- сили на пол. На вопрос ошеломленной супруги Рои- на Шубладе - зачем они совершили столь чудовищ- ное преступление, ответили: если не покинут Абха- зию, то со всеми грузинами расправимся таким же образом.

Сепаратисты разрушили сотни жилых домов, принадлежавших грузинам, чтобы лишить их воз- можности и желания возвратиться. Политика гено- цида в особенно широких масштабах осуществля- лась в Гальском районе, населенном в основном грузинами. 97 процентов из 96 тысяч жителей со- ставляли грузины. 29 сентября 1993 года оккупан- ты захватили Гали, после чего приступили к массо- вым репрессиям против населения.

Начиная с февраля 1994 года абхазские сепара- тисты неоднократно совершали нападения на села, громили, уничтожали, терроризировали население, сровняли с землей десятки деревень. Испепелили и разрушили 5727 домов, 40 средних школ, 95 объек- тов бытового и хозяйственного назначения, угнали

25 тысяч голов крупного рогатого скота. Из консервной и птицеводческой фабрик, предприятий приборо- и машиностроительного заводов полностью растащили дорогостоящее зарубежное оборудование, чем нанесли непоправимый ущерб экономике района.

В с. Окуми из 710 жилых домов сожгли и разрушили 610, лишили жизни 65 человек, из них 20 женщин, 90-летнюю Венеру Антия, 55-летнюю Нелли Гергая, 81-летнюю Веру Гуния, 67-летнюю Аллу Лацузбая, 56-летнюю Натэлу Мелия, 23-24-летних сестер Нино и Нато Политаевых сперва прилюдно изнасиловали, затем расстреляли.

В городе Гали разрушили 1040 домов. Подвергли истязаниям и убили 128 человек, в том числе 20 женщин.

В Ачигвара сожгли и разрушили 411 домов, расстреляли 70 человек, из них 17 женщин. В Гудава сожгли 429 домов; 55 человек, в том числе 14 женщин, замучили пытками и убили.

Такие же ужасы обрушились на Мзиури, Квемо и Земо Баргеби, Репи-Шешелети, Отобая, Набакеви и другие поселения.

Живыми сожгли пожилых беззащитных женщин - Ж.Цурцумия, В.Чаргазия, Ч.Чаава, Ш. Джологуа, Г.Гангия, Л.Квачахия, Р.Зантария, Б.Малишава, В.Тарбая и других.

Это варварство продолжается и по сей день. При помощи террора, запугивания пытаются сепаратисты не допустить возвращения беженцев. Несмотря на то, что по этому вопросу подписано немало соглашений и различных документов, за совершение стольких злодеяний пока никто не наказан даже по-

сле ввода в зону конфликта российских миротворческих сил. Следствие располагает множеством фактов, подтверждающих это положение. Например: гражданка Манана Лемоджава (село Репи) показала, что после ввода миротворческих сил в Гальский район ее отец Терентий и брат Эмзар вернулись в деревню и жили в уцелевшей кухне. 26 октября 1994 года сепаратисты совершили нападение на деревню и без всякого повода расстреляли обоих на глазах у жены и матери, а трупы сожгли.

10 марта 1995 года в Думуриши, Земо и Квемо Баргеби, Отобая и другие села ворвались боевики - абхазы и армяне, которыми руководил так называемый министр внутренних дел Абхазии Гиви Агрба. Они разгромили и ограбили грузинские семьи, на месте расстреляли всех, кто выразил недовольство действиями насильников.

Гурам Бадзагуа (Набакеви): 12 марта 1995 года в село ворвались вооруженные группы абхазов и армян, которые задержали его самого, его брата - Джумбера, их односельчан - Мамуку Кварацхелиа, Дато Нармания, Гурама Харчилава, Реваза Черкезия и отвели их на чайные плантации, где расстреляли Гурама Харчилава и Реваза Черкезия. Остальных забрали в Квемо Баргеби. Там убили Дато Нармания и Мамуку Кварацхелиа.

2 мая 1995 года банда сепаратистов напала в Пирвели Гали на семью ветерана второй мировой войны Владимира Малазона и ограбила ее, соседа же его Вано Инджиа расстреляли только за то, что он отказался нести награбленные вещи. 6 мая боевики вновь совершили налет на дом Малазона, на этот раз с целью изъять оставшиеся в небольшом

количестве съестные припасы. Во время налета убили Малазона. 12 мая в селе Локухони абхазские милиционеры безо всякой причины расстреляли пришедших на похороны Тристана и Гено Гваджава, Годердзи Папава и Мурмана Циколиа.

28 июля в Пирвели Гали абхазские милиционеры беспощадно избили Нугзара Асландиа, а затем ранили его в ноги, так как при обыске дома обнаружили лишнее количество гоми.

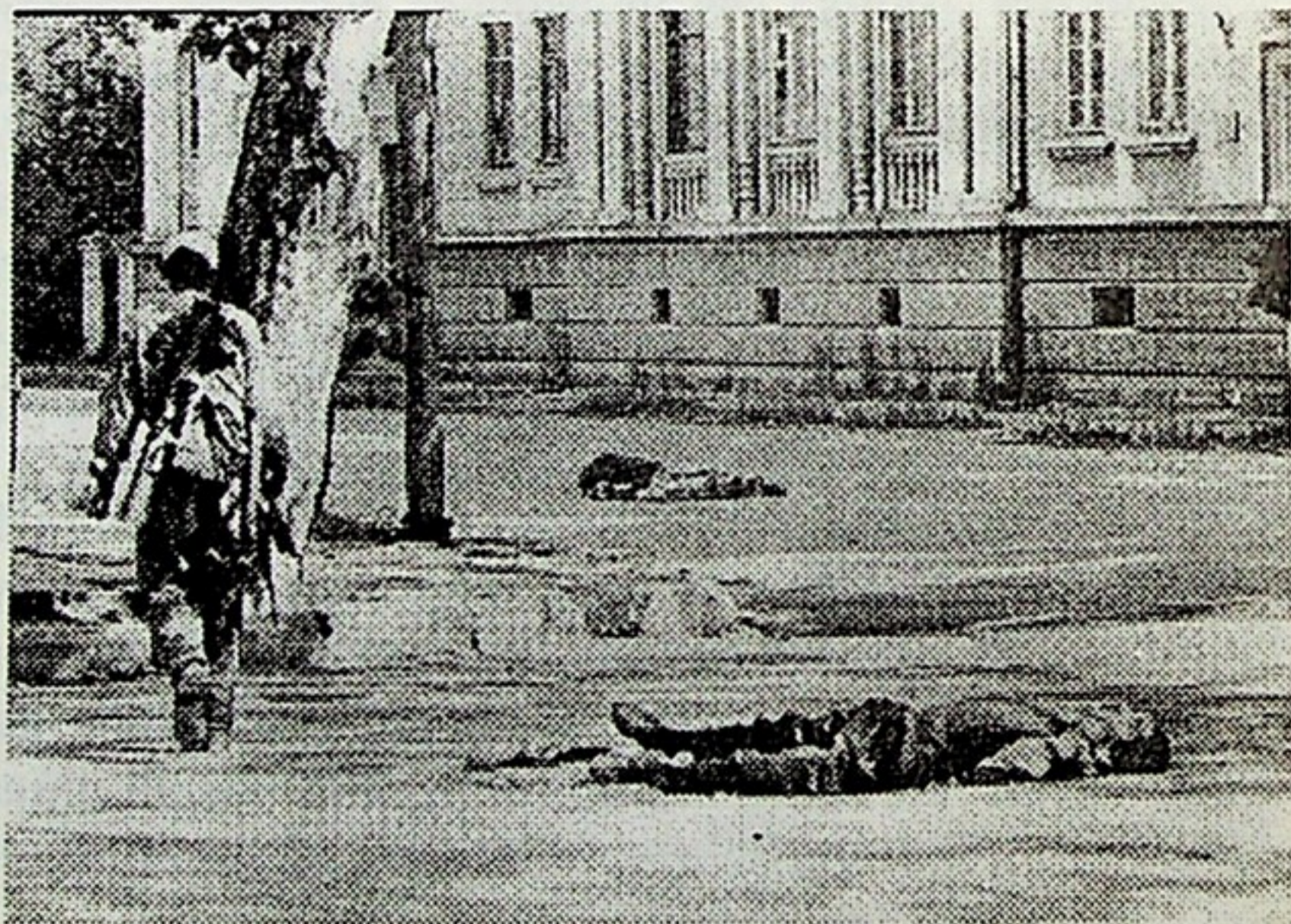
30 июля в Гумуриши на Мурмана Цулая напали одетые в милицейскую форму абхазы. Потребовали у него ружье. Не найдя ружья, арестовали М.Цулая, в изоляторе беспощадно избили, с живого сняли скальп. И лишь после вмешательства представителей ООН и миротворческих сил М.Цулая был освобожден и помещен в зугдидскую больницу.

Нам известны еще сотни ужасающих фактов, которыми я не стану перегружать ваше внимание, тем более, что в зале немало женщин.

Масштабы кровавой статистики геноцида, совершенного абхазскими сепаратистами, поражают. Система зверского террора задушила грузинское население и не дала ему возможности оказать сопротивление.

Здесь я часто и в разных контекстах употребляю термин "абхазы", что, разумеется, болезненно действует на наших абхазских друзей. Наверное, не требует лишнего разъяснения то, что мы упоминаем и имеем в виду лишь совершивших уголовные преступления убийц и насильников, организаторов и исполнителей геноцида, ничего общего не имеющих с замечательными традициями и представителями абхазского народа. Это те люди, которые в ущерб собственному народу развязали бесперспективную войну против грузинского народа. В деле множество примеров человеческого сочувствия и помощи, оказанных абхазами грузинам во время разыгравшейся по вине сепаратистов трагедии. Рискуя жиз-

нью, они спасли многих грузин и представителей других национальностей.

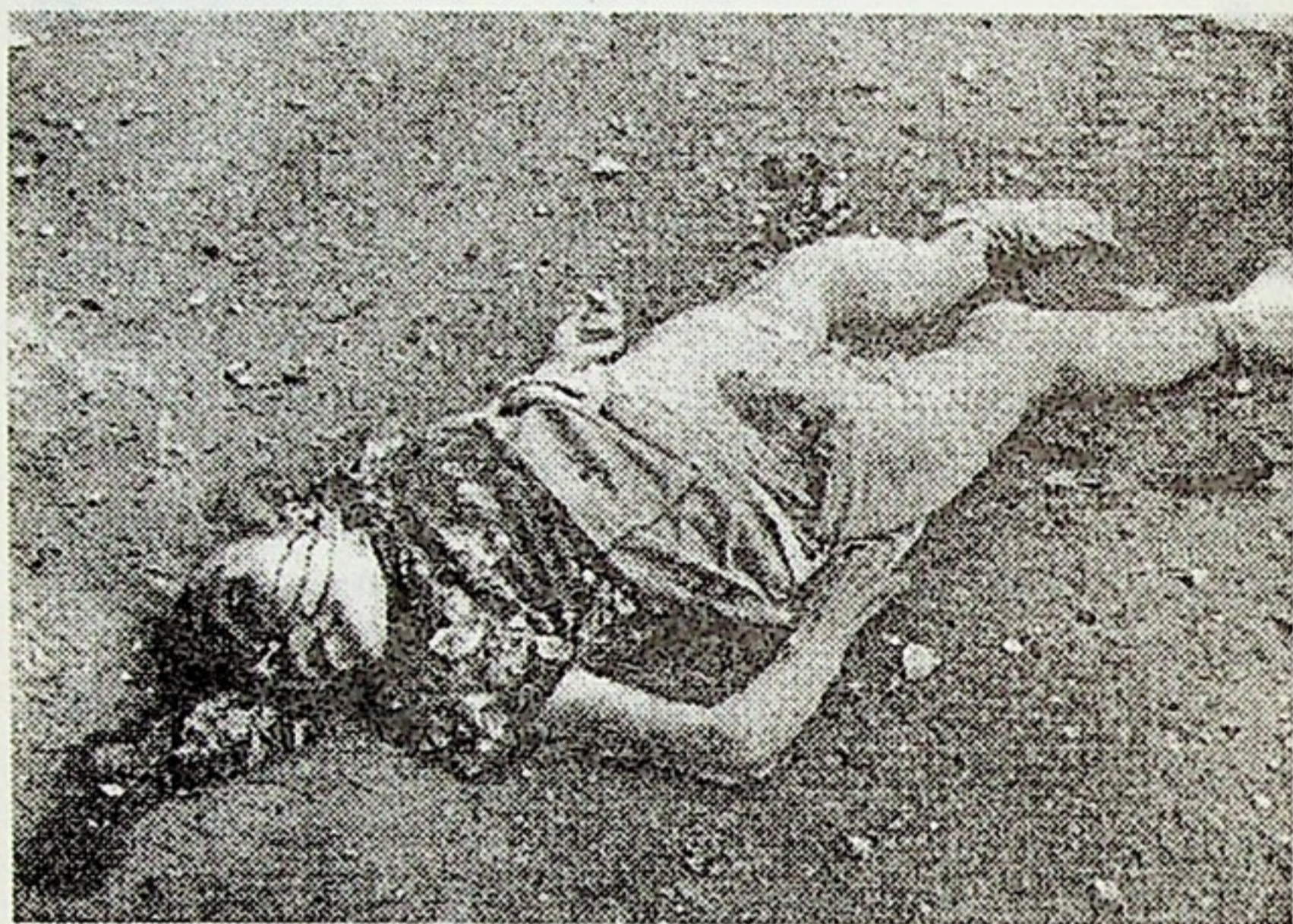
Организованный сепаратистами геноцид вынудил более половины абхазского населения оставить родину, и на сегодняшний день они не в меньшей степени испытывают лишения, чем грузинские беженцы.

Кроме того, в результате систематических бомбардировок абхазскими сепаратистами и их сообщниками городов и населенных пунктов, разрушения жилых домов, разбоя и грабежа тысячи русских, армян, греков и людей различных национальностей были вынуждены покинуть родной кров и стать беженцами. В подтверждение этому следствие располагает соответствующими многочисленными документами.

Как выяснилось, во время военного конфликта в Абхазии обе стороны грубо нарушали нормы международного гуманитарного права, ущемляли права и честь как участников боевых действий, так и мирного населения. Сепаратисты мастерски используют такие случаи и, оправдывая организованные ими преступления, утверждают, что, мол, обе стороны нарушали нормы международного права. Тщетно пытаются они затушевать главное - то, что после установления полного контроля над оккупированной территорией путем террора и массового уничтожения они не только продолжили геноцид грузинского населения, но и усилили его. Систематически истребляли и истязали мирных жителей грузинской национальности. Совершали нападения на районы, села, дома жителей, грабили и уничтожали их имущество. Умышленно и активно препятствовали воз-

вращению изгнанных, что неоднократно зафиксировано как в материалах следствия, так и в документах международных чрезвычайных комиссий.

В основе правовой оценки преступлений сепаратистов лежат эти данные и выводы.

То, что совершили и продолжают совершать сепаратисты в Абхазии, является не только этническим конфликтом, вызванным национализмом, оскорблениями и чувством мести. Собранные материалы явствуют, что для создания на Кавказе фундаменталистского государства сепаратисты при помощи и участии северокавказских конфедератов и других зарубежных соумышленников запланировали организованный заговор. Для выполнения агрессивного замысла, учитывая геополитическое положение региона, было необходимо физически уничтожить и изгнать из Абхазии наиболее мно-

гочисленную часть населения - грузин, завоевать причерноморский участок и всю территорию автономной республики. Именно поэтому в Грузию были брошены отравленные ядом сепаратизма, национализма и экстремизма тысячи убийц.

Достоверные материалы, собранные следствием, легли в основу заявлений комиссии, изучающей факты геноцида и этнической чистки грузинского населения в Абхазии, созданной по распоряжению Главы Государства.

Материалы следствия легли в основу заявлений комиссии, которые распространились на английском, французском, испанском, русском и арабском языках, как и документы комиссии ООН по правам человека и Совета Безопасности (1 марта 1994 года и 24 марта 1995 года, 26 февраля 1994 года, 14 марта 1995 года).

Последнее заявление с предисловием господина Эдуарда Шеварднадзе было распространено на копенгагенской встрече на высшем уровне стран-членов Совета Безопасности (март 1995 г.), на будапештском совещании на высшем уровне стран-участниц Организации безопасности и сотрудничества в Европе (декабрь 1994 года), на алмаатинской и минской встречах глав государств и правительств стран СНГ (февраль и май 1995 г.).

На основе приведенных в заявлении фактов и их международного правового анализа, а также в результате активных дипломатических усилий Президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, осуществленная абхазскими сепаратистами бесчеловечная политика этнической чистки осуждена в окончательных документах будапештской встречи, на ко-

торой страны-участницы выразили свою озабоченность по поводу односторонних решений, принятых абхазскими властями. Они выразили сочувствие по поводу этнической чистки населения, в основном грузинского, изгнания с родных мест и истребления тысяч невинных мирных граждан.

Этот документ поддержали Совет Безопасности ООН и руководители стран СНГ (26 мая 1995 г. и 19 января 1996 г.).

Ранее же правительство Российской Федерации за политику "этнической чистки" возложило всю вину на абхазских сепаратистов (13 октября 1993 года), а в документе ООН от 6 июля 1994 года был подчеркнут тот факт, что опасность, которая угрожает территориальной целостности Грузии в Абхазии, характеризуется также "этнической чисткой".

Совсем недавно, в докладе миссии ОБСЕ в Грузии о положении защиты прав человека в Гальском

районе отмечалось, что "абхазские власти продолжают политику принудительной этнической чистки, дабы не допустить репатриации грузин в Гальский

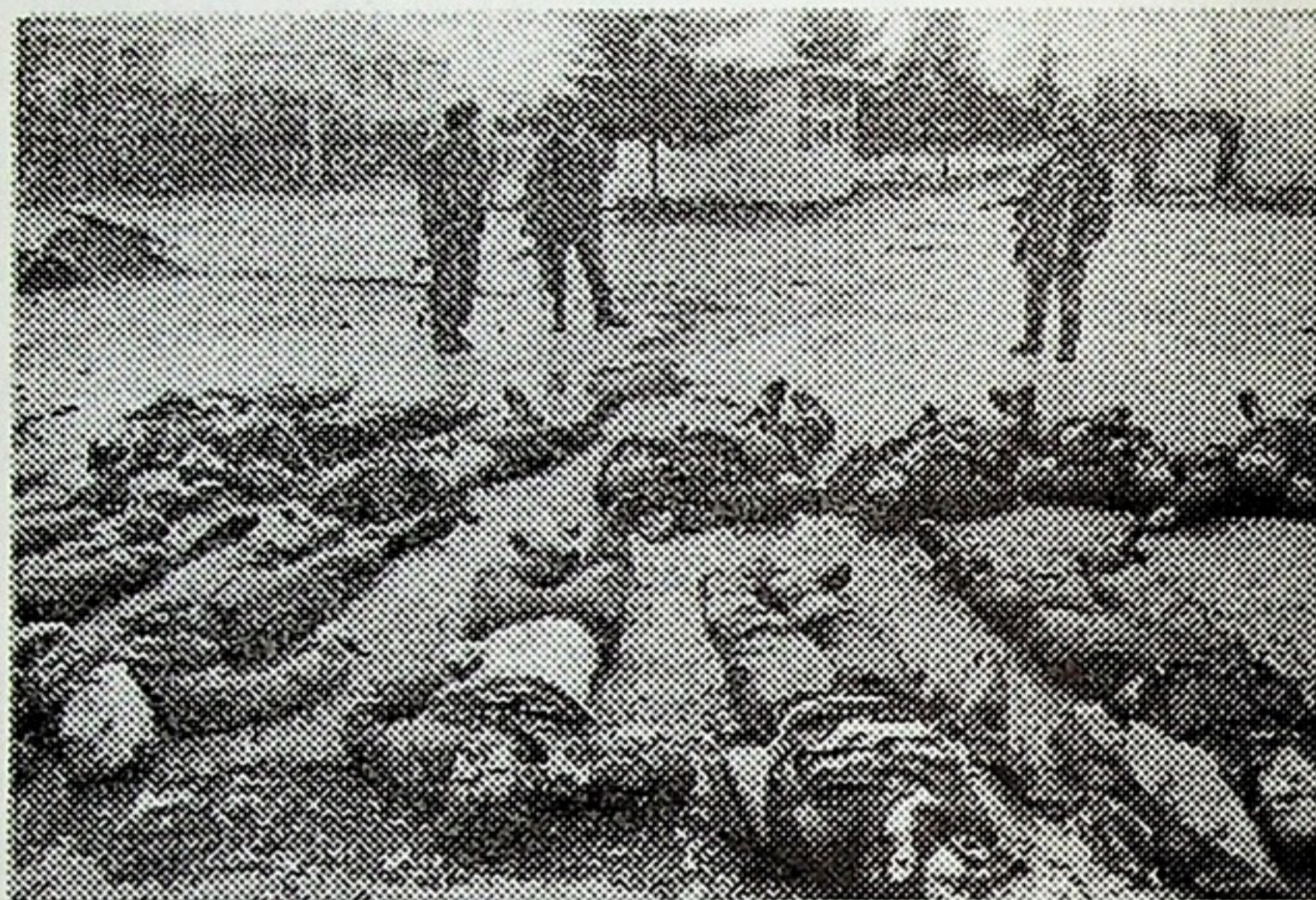

район и другие районы Абхазии".

Генеральная Ассамблея ООН 17 декабря 1992 года в резолюции за N 47121 признала этническую чистку одной из форм геноцида, вследствие чего этот термин прочно укоренился в международном праве и не вызывает никаких возражений со стороны юристов.

Таким образом, ООН и региональные международные организации признают, что абхазские сепаратисты проводили и проводят этническую чистку грузинского населения в Абхазии. Как видим, резолюции Совета Безопасности однозначно защищают суверенитет и территориальную целостность Грузии, осуждают действия сепаратистов в отношении беженцев. Эти документы создают устойчивую меж-

дународную правовую и нравственно-политическую базу для предания суду абхазских сепаратистов.

Доказательствами, которыми располагает следствие, установлены намерения вдохновителей агрессивного сепаратизма и их приспешников о геноциде грузинского населения в Абхазии. По неполным данным, абхазские сепаратисты и завербованные ими убийцы только лишь по национальному признаку расстреляли, повесили и сожгли до 7000 грузин, изувечили сотни людей, сожгли десятки тысяч грузинских домов, сотни тысяч мирных граждан по признаку этнической принадлежности под страхом смерти согнали с родных мест.

В десятках томов уголовного дела зафиксированы несомненные доказательства конкретных преступлений организаторов геноцида и их исполнителей, что позволяет нам правильно оценить человеконенавистническую, фашистскую доктрину агрессив-

ного сепаратизма, посягание на суверенитет и территориальную целостность Грузии, псевдоправовые механизмы, концептуальные основы политики апартеида.

Следствием уже установлены до 20 организаторов и более 700 непосредственных исполнителей тягчайшего преступления перед человечеством. Их руки обагрены грузинской кровью.

По совершенным ими преступлениям следствие продолжается.

На этом этапе идет окончательное уточнение фактуры обвинений, анализируются собранные доказательства, оформляются различные процессуальные документы, для чего, разумеется, понадобится определенное время.

По окончании этой процедуры, будут приняты активные оперативные меры по задержанию преступников, реальным гарантом чего являются договоры о правовых взаимоотношениях, заключенные с иностранными государствами и, в первую очередь, с Россией.

Прокуратура Грузии достойно выполнит до конца возложенную на нее обязанность, для того, чтобы ни один преступник, уличенный в геноциде грузинского народа, не смог уйти от законного возмездия. Все они понесут заслуженную кару, поскольку этого требуют элементарная справедливость, светлая память невинно убиенных и непоколебимая воля народов мирового содружества.

ФУТБОЛ 1992 ГОДА

Один из романов Кендзабуро Оэ называется "Футбол 1860 года". В основе моей новеллы лежат подлинные события, она не имеет ничего общего с романом японского писателя. Заимствовано название.

Море пылало огнем. На Гагру внезапно обрушился гром. По улице не бежал-мчался 13-летний абхазский мальчик. Город бомбили со всех сторон. Каждый взрыв заставлял мальчика содрогаться от страха, но он не останавливался.

- Измена, братья! Измена! - спрыгивая с горящего танка, завопил воин-грузин, и в тот же миг его сразила пуля.

Абхазцы стремительным натиском прорвали оборону и с победными криками ворвались в город. Растерявшиеся грузины бросали оружие и бежали в лес, но все дороги оказались перекрыты. Город был окружен, население - обречено.

Поражала пестрота отрядов противника. Здесь были абхазцы, русские, чеченцы, адыгейцы. Разграбили, разорили и предали огню дома грузин, мужчин расстреливали прямо во дворах, женщин и детей угоняли в плен. Трофеи доставались тому, кто успевал первым схватить их. Тащили все: мебель, посуду, утюги, живность, не пренебрегали ни яйцами, ни даже аджикой.

Весь город был охвачен огнем.

Страх все более завладевал мальчиком, он ускорил бег. Вдруг со стороны моря он услышал душераздирающие крики, рев и трескотню автоматов.

Военные катера грузин горели, не успев выйти в открытое море. Бойцы прыгали в воду, но там их поджидала смерть - абхазцы с берега строчили из автоматов. Несчастные тщетно взывали о помощи - провидение оставалось равнодушным к мольбам, помощь не приходила ниоткуда.

Жизнь на катерах быстро иссякала. Вода и огонь сжигали людей. Обреченные на смерть предпочитали стать добычей моря, чем испепелиться в огне.

Город умер. Гагра пала так быстро, что грузины не успели опомниться. Улицы заполнились трупами. То, что происходило, нельзя было назвать войной. Абхазцы упивались разгулом смерти и состязались меж собой в дьявольском искусстве мучения и истязания несчастных пленных. Утонченное наслаждение доставляло победителям надругательство над трупами. Отрезали носы, уши, языки, потрошили животы. На живых надевали автомобильные покрышки, обливали покрышки бензином и поджигали. Пылание этих жутких факелов приводило в восторг.

Мальчик задыхался от смрадного дыма, он собрал последние силы и совершенно обезумевший от происходящего втащил свое тело во двор горевшего дома.

- Что с тобой?! Кто ты? - по-абхазски окликнул его солдат с автоматом наизготовку. На нем были черные очки, он жевал резинку. - Как тебя звать?

- Талибей! Всех вы убили? - по-абхазски же ответил мальчик. Он прижимал руку к сердцу и еле дышал.

- Кого "всех"? - задумался солдат. - Кого ты ищешь? - жилы на шее у него напряглись, подбородок странно натянулся, - видимо у него была сделана операция гортани. - Какое тебе до них дело? - он вскинул на плечо автомат и кивнул головой в сторону дома.

Там, у ступеньки широкой каменной лестницы, в луже крови плавал отец Ано. Обезображенное огнем лицо было обращено к небу. Талибею бросились в глаза вывернутые карманы брюк. Рот убитого остался разинутым в предсмертном крике - вопле.

Талибей осмотрелся - больше во дворе не видно было никого.

Дом горел. Огонь разъяренным зверем пожирал его. Лизал стены, вырывался из окон второго этажа, но, покорный воле морского ветра, возвращался обратно. Внезапно вся фасадная стена с грохотом обрушилась, погребая под собой труп владельца дома.

Талибей зажмурил глаза и сжал зубы. Оба - и он, и солдат, - поспешно отскочили назад и выбежали на улицу. Мальчик хотел поскорее убежать отсюда, солдат же не собирался уходить, по-видимому, он кого-то ждал.

- Мы должны изничтожить всех грузин. Извести их. Они друг друга жрут, а уж с нами что сделают, - проговорил он, поднял очки на лоб, поскреб выпиравший кадык и продолжил, распаясь все больше. - Они нашу землю захватить хотят, свиньи! Мы должны уступить им это море, этот воздух, весь этот рай?! Мы им глотки забьем этой самой землей!

Видимо, кто-то хорошо задурил мозги солдату в черных очках. Какая слепота! Семьдесят лет империя начищает сапоги для завладения этой землей, а уж в покорении разных народов ей нет равных. Тот, кто облечен наивысшей властью, любит поразвлечься. А войну человек выдумал для развлечения, ведь нужно было изобрести какое-то дело!

- Тебя как зовут? - спросил Талибей.

- Двадцать лет уж меня Фазилом кличут. А кого все-таки ты ищешь? - Он, словно пресмыкающееся, влезал в душу и иронически ухмылялся.

Талибей понял, что солдат издевается над ним. Сердце его наполнилось горечью и ядом. Задыхаясь от

гнева, он глядел на солдата и молчал, будто окаменев.

- Гагра наша! Завтра возьмем Сухум! - солдат снова поправил очки. И вдруг выпустил изо рта круглый белый шар, шар раздулся и лопнул с негромким противным треском. - Мужчин мы всех перебили! Женщин погнали на стадион. Пойди, погляди на потеху! - он извлек из кармана маленький пакетик с надписью на каком-то иностранном языке и протянул парнишке. - Бери, пригодится!

Талибей кинул взгляд на пакетик.

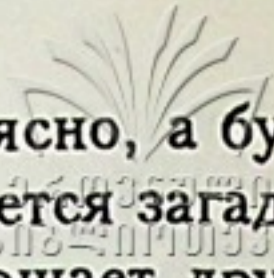
- Ну, бери! - солдат словно клевал его сердце. Одной рукой он протягивал ему презерватив, другой почесывал кадык.

Словно именно в эти минуты парень овладел искусством обуздания гнева. От горечи и боли ему хотелось грызть собственные запястья. Молча, с отвращением взглянул он на солдата, потом резко повернулся и пошел прочь.

- Эй ты, сопляк! А девчонка-то хоть хороша?

Талибей пересек улицу и направился к набережной. Вслед ему несся хриплый хохот. Точно камнями по голове били его эти отвратительные звуки. Он вышел к морю, остановился, глубоко вздохнул, посмотрел на раскинувшуюся гладь и страстно пожелал очутиться на необитаемом острове.

Все три катера были уже затоплены. Хищные чайки с резкими криками носились возле пристани. Вспененные валы торопливо накатывали на берег и, разбиваясь, отступали назад, чтобы снова ринуться и снова разбиться. Сколько раз волны перекатывались над его головой, разве кто сочтет - он любил играть с морем. Отсутствие настоящего опыта делало его бесстрашным, ему казалось, он всегда сумеет выплыть. Талибей все еще находился у порога детства и не знал, что бескрайние просторы таят неведомые тайны. Каждая тайна моря погребена на дне вместе с утоленной яростью стихии. Про-

шное покрыто туманом, и настоящее тоже неясно, а будущее и вовсе недоступно глазу. И так и остается загадкой - почему один народ порабощает и поглощает другой? Почему основанием счастья так часто оказывается чье-то несчастье?

“Ой, мама! Это еще что такое?” - от страха он начал дрожать. В полосе прибоя колыхались три изувеченных обнаженных женских трупа. Страх сменился ужасом, и у Талибея потемнело в глазах.

Все те, кто не успел и не смог покинуть город, кто уцелел от пули, женщины и мужчины, дети и старики, больные и калеки - всех согнали сюда.

Талибей внимательно разглядывал пленных. Долго искал он Ано. Ни с кем не заговаривал и вообще держался так, словно тоже пришел сюда поразвлечься невиданным зрелищем.

Непокорным и упрямым грузинам перерезали горло, вытягивали язык и свешивали его вдоль раны. Этот садизм назывался “ковбойским галстуком”.

Тридцать пленниц, в основном молодых красивых женщин и совсем юных девушек согнали в центр футбольного поля. Их поставили шеренгой, а напротив них выстроились осатаневшие от водки и наркотиков мужчины. Перед каждой жертвой стоял палач. С циничным похотливым хохотом и мерзкими шутками они менялись местами, выбирая лучших женщин, подзадоривали друг друга. Зрелые мужчины нацеливались на двенадцати-тринадцатилетних подростков. Безумие носилось в воздухе.

Талибей несколько раз взглядом прочесал шеренгу несчастных жертв. Нет, Ано не было среди них, и он с облегчением вздохнул. “Успели ли они убежать?.. Вероятно, уехали в Сухуми... Завтра же поеду туда...” Опекать любимое существо - наивысшее блаженство. Спасти, уберечь от плена, мучений, смерти - это ведь благо Господне. Но к кому взывать Талибею! Его стра-

стное стремление - спасти, оградить - может быть растоптано омерзительными башмаками, и Ано может быть загублена, как и другие. Вон, по этому проклятому полю прошел верзила. Огромный, крепкий, ширококостный, он шел неторопливо и, как это свойственно людям его типа, с фарисейской вежливостью улыбался пленным. Слабые и беспомощные всегда чувствуют, что за такой улыбкой, вернее, гримасой, скрывается коварство. У верзилы был один изъян - он был одноглазый. Пустую глазницу перетягивала черная лента. Лента наискось перерезала лоб и была завязана узлом на затылке. Истинный вампир, он славился садизмом и безмозглостью среди абхазских вояк. Обычно он отрезал пленным правую руку, иногда удовлетворялся лишь тем, что отворял вены. Это когда бывал в благодушном настроении. Бритвой перерезал вену и пил грузинскую кровь.

Верзила оглядел женщин.

- Трупы ваших никчемных мужей клюют вороны. Если хотите сохранить жизнь, раздевайтесь! Плоть за плоть! Сегодня вас охладят горные орлы, настоящие джигиты! - верзила произнес эту речь по-русски, без акцента, как свойственно абхазцам, и ухмыльнулся. Он то и дело одаривал пленных своей ухмылкой и мнимо-добродушным взглядом, являя собой отвратительное зрелище. Тем, кому предназначалась его улыбка, она прожигала мозг каленым железом.

- А ну, кому жить охота! - великодушие Тибериуса, перешагнув столетия, продолжало жить по сей день. Ведь Тибериус даровал жизнь лишь тем женщинам, которых обещивали насильники.

Над стадионом нависла зловещая тишина. Женщины какое-то время стояли неподвижно. Вдруг с одного края шеренги раздался пронзительный крик. Насильники, распаленные разнузданной похотью, уже не сдерживались. Малолетние девочки, истошно визжа от ужаса,

заметались, бросаясь друг к другу. Их голоса тотчас были заглушены пальбой в воздух и угрозами.

- Молчать, суки, молчать! - взревел совершенно озверевший циклоп. Все замолкли.

Пленник имеет одно лишь право - молча, в душе оплакать свою кровь, свою утраченную родину, как хладное тело умершей матери. Это право никто не властен отнять.

Женщины явно не собирались раздеваться. Перед лицом несчастных пленниц власть и сила верзилы вдруг обратились в ничто, и он стал наливаясь гневом. Вызвал одну из молодых женщин.

- Пока я сосчитаю до трех, раздевайся! - его маленькие глубокосидящие глазки пронизывали глаза обреченной женщины.

- Раз! - гаркнул он тотчас же, торопясь уничтожить свою жертву в назидание другим.

Женщина зажмурилась и как бы ушла в себя.

- Два!

Побелевшая женщина обеими руками сжала изодранный ворот платья. Открыла глаза, обернулась, глянула на своего ребенка. По щеке выжатой из камня капель медленно покатила слезинка.

- Три!

Верзила в упор выстрелил и убил ее наповал.

- Уберите! - приказал он.

Верзила любил стрелять мужчинам в лоб, а женщинам в живот.

Он застрелил еще двоих. Одна из них успела плюнуть ему в глаз.

Вывели новых жертв и поставили в ряд. Верзила, кривясь от бешенства, оглянулся на своих. Поднял кверху руку и махнул - резко, с силой. Насильники бросились на женщин. Тем, кто пытался сопротивляться, едва не размозжили головы, стуча ими по земле, прикладами колотили по бедрам и насиловали, не разбирая взрослых и подростков.

“Что это делается! - с ужасом и омерзением едва не закричал Талибей. - Тьфу, проклятые!” Сколько же могло выдержать сердце этого мальчика! На этом зеленом поле творилось нечто чудовищное и позорное. Творился страшный, отвратительный грех. Оргия опьяненных кровью и похотью разнузданных бандитов. Гомерический хохот наблюдателей, стучаясь о стены стадиона, устремлялся в голубой купол неба.

Талибея потянуло на рвоту. Ноги и все тело его были как ватные. Ветер, долетавший с моря, казалось, полон смрада.

Он повернулся было бежать отсюда, как вдруг из толпы пленниц с пронзительным криком вырвалась русоволосая молодая женщина.

- Эй вы, подонки! Изверги! Кровопийцы! Что вы творите!

С искаженным лицом, с растрепанными волосами, она бежала стремительно, а за ней, не поспевая, неуклюже бухали большими, видать, не по размеру, сапожищами два автоматчика.

- Выродки! Женщин, что ли, не видали! Нелюди! Уроды! Додумались, изверги!.. - Внезапно она остановилась, содрала с себя трусы, повалилась навзничь на землю и заболтала ногами. Произошло что-то невероятное - стадион взорвался хохотом. -

- Зачем насилуете, гады?! А ну, идите кому охота! Ну-ка, кто из вас мужчина?! Давай, подходи, Тося ждет! Сволочи, рвань холощенная! Проклятые Богом и людьми!.. А ну, подходите, поганки!..

Два автоматчика, которые бежали за Тосей, сейчас уже без автоматов стояли над ней и хохотали, уперев руки в бока.

Тося посылала проклятья, ругалась, рыдала... Она была такая же пленница, как и остальные, ее обвинили в том, что она заодно с грузинами, и ее ждала та же участь, что и других.

- Уберите отсюда эту бешеную суку! - Циклоп, отхотавшись, застегивал ширинку. Он потер рукой лицо, постепенно собирая свое неуклюжее, несуразное тело.

Автоматчики подхватили Тосю под руки и поволокли туда, откуда она выбежала.

Поле поспешно очистили, двадцать семь женщин погнали на расстрел, троим, согласно условию, дарована была жизнь.

По приказу верзилы на поле вывели юношу-грузина лет двадцати и завязали ему глаза темным лоскутом. Сзади приблизился к нему палач и одним ударом кинжала отсек голову. Отер кровь с кинжала своим рукавом. По сторонам группами стояли боевики - абхазцы, русские, чеченцы, адыгейцы. С хохотом и визгливыми криками бросились они к упавшей голове, и начался жуткий футбол! Весь стадион со всеми его трибунами, все четыре полюса земли, все человечество было оплевано и попрано на этом зеленом футбольном поле.

Талибей успел закрыть глаза руками. Внезапно он ощутил сильный удар в голову. Боль пронзила мозг, ослепила его. Он пошатнулся, ошеломленный. В его сердце будто взорвался весь мир. Все исчезло, пропало...

13-летний Талибей один стоял в самом центре зеленого поля. Голова его разом поседела на глазах тех, кто еще мог видеть и осознавать. А он смотрел на отсеченную голову, и лицо его покрывалось морщинами. Холодный пот прошиб его. Он и сам не мог понять, как очутился посреди поля, что привело его сюда. Какая мысль владела им? Может, он хотел утащить эту отсеченную, оскверненную грязными сапогами голову и похоронить ее в земле? Кто знает...

- Пас, давай пас, седая башка! - закричали с разных сторон.

Челюсть у Талибея отвалилась. Ему показалось, рот наполнился теплой кровью.

"Давай, не бойся, ну!" - казалось, зашептал ему кто-то в ухо. - "Чего ж ты ждешь?" Он стоял на волосяном

мостике над пропастью. Вдруг его забила мелкая дрожь, и он завопил не своим голосом:

- Мама, помоги мне! Мама! - И он побежал, не разбирая дороги, не ведая сам, куда. - Mamочka, помоги, мама-а!

Он несся, задрал голову к небу, раскинув руки, и ему казалось, что толпа бежит за ним, преследует его с криками, руганью и проклятиями.

Вслед ему кто-то выстрелил в воздух.

Стадион со всеми его ужасами и мерзостью остался позади. Силы покидали Талибея. Тяжелыми неверными шагами бежал Талибей, он все больше отдалялся от страшного места, но рев толпы был отчетливо слышен. "Ардзинба! Ардзинба!" - ревел стадион. Гагрский хребет эхом отзывался на этот рев и, удесяттерив его, возвращал обратно толпе, которая с чудовищной жадностью бросалась на любое развлечение, будь то кровавый карнавал или жуткая оргия. - "Ардзинба! Ардзинба! Ардзинба!" - гремел единым гласом осатанелый стадион. Казалось, ураган юродствовал над ним. Забив непокорных до смерти, двенадцать тысяч пленников заставили кричать вместе со всеми: "Ардзинба! Ардзинба! Ардзинба!.."

Талибей искал чистое безоблачное небо, но на заре жизни заглянул в преисподнюю. Он шел сгорбившись, как сломленный жизнью старик, с белоснежной головой и изборожденным горестными морщинами лицом. Он шел и старался изо всех сил восстановить в памяти лицо Ано, но в ушах его все звучали те ужасные вопли, крики, хохот, и у него перехватывало дыхание, он задыхался. Несколько раз он останавливался и отдыхал. Плеснул в лицо водой. Грохот танков и бэтээров оглушал мертвый город. Безлюдные улицы были усеяны трупами. Внезапно он услышал протяжный автомобильный сигнал. Он поднялся на тротуар. Шла колонна грузовых автомобилей. Один... второй... третий... Талибей

считал проезжавшие грузовики. Вот и шестой прошел...

Ано и ее мать! Там, на грузовике! У Талибея сердце выскочило из груди. Ему мерещится или это вправду Ано?! Да нет, это она! На грузовиках увозят пленных...

- Ано!.. Ано!.. Остановите машину! - Талибей с воплями бросился следом. - Ано! Ано! Подожди!.. - кричал он то по-абхазски, то по-русски и бежал, размахивая руками. Но никто ничего не слышал. - Ано, не бойся, Ано! Я завтра... нет, сегодня... Ано, Ано!..

Машина удалялась все более.

Вдруг в кузове среди пленниц выросла фигура солдата.

Он был в черных очках, жевал резинку и одной рукой почесывал кадык. Приподняв над очками брови, усмехнулся одними губами.

- Фазиль!.. Фазиль, останови машину, остановите!.. Фазиль, твою мать!.. - В ярости он поднял руку и погрозил кулаком. Он вдруг ощутил в себе необыкновенную силу, казалось, он голыми руками разорвет чугунную цепь.

Раздалась автоматная очередь.

Море после бешеного шторма безмятежно дремало.

* * *

2 октября 1992 года, в день того жуткого футбола, когда в Гагра солнце опускалось в море и Талибей, не помня себя, бежал за грузовиком, грузинское телевидение приглашало туристов за 550 долларов посетить Дубаи. А в тбилисских ресторанах не было ни одного свободного места.

1994 г.

Перевод Камиллы Коринтэли

Миниатюры

ДИОСКУРИЯ

Уже много столетий здесь ничего не менялось. Так же сквозь бирюзу морской волны ко дну пробиваются серебристые лучи солнца. Течение колышет пушистые стебельки водорослей, среди которых снуют, переливаясь всеми цветами радуги, стайки мелких рыбешек. Время от времени над этими суетливыми обитателями морского дна величественно проплывают дельфины, важно загребая плавниками и огромными хвостами.

Внизу, среди морского мха и водорослей, еле видны бесформенные глыбы, глиняные обломки огромных кувшинов, вымощенные камнем ровные дорожки, размытые фундаменты маленьких домов.

Это Диоскурия - когда-то кипевший жизнью маленький приморский городок, навсегда поглощенный безжалостной пучиной. Все замерло тут. По маленьким улочкам уже не пробегают босоногие, кудрявые детишки, черноокие гречанки в своих белых одеждах и кожаных сандалиях, с высокими кувшинами на плечах не спускаются к ледяному роднику за водой, brave моряки на своих деревянных судах не выходят в море за добычей. Тихо и спокойно тут, даже тогда, когда наверху свирепеет шторм и ветер ревет, подобно зверю.

Вот так на протяжении многих веков. И только сейчас какая-то неведомая, могучая сила откуда-то сверху со свистом, камнем прорвалась на дно морское. Добравшись до самого низа, врывается, выбрасывая к поверхности огромные камни, фонтаны песка, водорослей, миллионы пузырьков воздуха.

А когда, наконец, все стихает, на том месте, где еще недавно протекала размеренная жизнь морских обитателей, зияет огромная мертвая дыра, пустая и страшная.

БЕЖЕНЕЦ

Зима никак не хочет уступать место весне. Холодно, сыро, моросит назойливый дождь. Люди торопливо ходят по широкой улице большого города. Холодные лужи обдают ноги прохожих ледяными брызгами мартовского дождя. Все спешат укрыться от этой повсеместной пронизывающей до костей сырости.

Только один старик бредет среди многоногой толпы. Потертая кепка на седой голове совсем намокла, по белой бороде стекают капли дождя, падая на крохотные портреты молодых парней, приколотых к черному, промокшему насквозь пиджаку.

Старик медленно плетется, согнувшись. Руки его замерзли, ноги промокли, одышка раздирает грудь, слабость подкашивает ноги. Резкая боль пронеслась по животу. Он скорчился и присел тут же на гранитные ступени многоэтажного, величественного здания. Ноги прохожих мелькают перед глазами, шлепая по лужам.

Боль прошла, но слабость не дает возможности подняться на ноги.

Уже несколько дней голодный старик слоняется по необъятному городу. Карманы его пусты, как и выплывшие над сыновьями глаза. Даже не верится, что эти дрожащие руки еще совсем недавно трудились в собственном саду, собирали урожай, ухаживали за скотиной, строили дом, поддерживали семью. А теперь старик один, без крова, без семьи, без денег. Пусто и горько...

То ли слезинка, то ли капелька дождя протекла по седой бороде старика. Он опустил глаза, несколько секунд поколебался и нерешительно протянул морщини-

стую, изъеденную мозолями и землей руку, но лишь капельки мартовского дождя окропили старческую ладонь...

ГЛАЗА

Казалось, весь мир превратился в пепелище. Выжженные земля, деревья, превращенные в прах дома, обугленные стены, оскверненные могилы. И это не страничка из книжки, а реальная жизнь, события, происходящие на наших глазах. Даже не верится.

Трое солдат вошли в только что освобожденное село. Ни души, ни одного целого дома, обломанные ветки хрустели под ногами.

Вдруг, в этой одурманивающей тишине, послышался шорох. Солдаты насторожились. На пепелище разбитого дома, среди почерневших балок, сидела маленькая девочка лет пяти и что-то мурлыкала себе под нос. Волосы ее были сбиты в клочья, лицо вымазано в саже, платье ободрано, ноги босые. Девочка ничуть не испугалась солдат. Видимо, цвет хаки был для нее довольно привычен.

Трое подошли к ребенку. Один присел на корточки перед девочкой и заглянул ей в глаза.

Странно, но это не были глаза пятилетнего ребенка. Взгляд строгий, пронизывающий, проникающий насквозь. А в зрачках, как в зеркале, отражалось пережитое. Именно на этих глазах маленькой девочки рушили, ломали, пытали, насиловали, взрывали, поджигали, убивали, надругивались, обращали в пепел.

Теперь в них нет ни страха, ни волнения, ни трепета, ни детского озорства. Оттуда веет холодом и безразличием.

Солдат не выдержал и отвел взгляд, а девочка с удивлением посмотрела на него. В ее повзрослевших глазах отразились жалость и насмешка...

Посвящается Валерию Аркания

Враг проскочил в город. Люди бежали, оставляя нажитое, спасая свою жизнь и жизнь своих детей. Целые кварталы поглощал необъятный пожар. Грохот, взрывы, рев самолетов.

В маленькой комнате одной из квартир многоэтажного дома перед мольбертом сидит человек. Он пристально смотрит на неоконченный пейзаж: берег моря, набережная с ажурными фонарями, полукруглое здание гостиницы "Абхазия", утопающее в пальмовых ветвях.

С улицы доносятся грохот, визг, крики, скрежет колес бронетранспортеров, топание ног.

Художник молча обвел комнату взглядом. На стенах висят картины, в углу стопкой сложены холсты. Это - плод его многолетнего труда и таланта, то, над чем он работал всю свою жизнь, во что вложил все свое умение, мысли, мастерство.

Шум за окном усилился. От взрывов дрожат стекла, дрожит весь дом.

Художник с тревогой смотрит в окно, затем переводит взгляд на дверь. "Нужно бежать, но куда?.."

... Дверь с грохотом отворилась и, в полную дыма комнату, вошли двое солдат с зелеными повязками на лбу.

Посередине комнаты тлела огромная куча холстов, а над необычным костром равномерно покачивалось тело творца...

ВРАГ

Дверь с грохотом отворилась. На пороге стоит мужчина в военной форме. Лицо и борода - в саже. В руках автомат. На лбу выцветшая, грязная повязка зеленого цвета.

Мужчина пристальным взглядом обводит комнату. Все перевернуто, вещи валяются на полу. В углу комнаты что-то шевелится. Это - молодая женщина. На красивом, юном, почти детском лице застыл страх. Побелевшие губы дрожат, голубые глаза повлажнели, на лбу выступила испарина.

- Посмотри, как повержен твой враг, - внутренний голос звучит твердо, решительно, - как он тебя боится, как дрожит!

- Но это же женщина?! - нерешительно отозвалось из глубины души.

- Она дочь твоего врага, сестра твоего врага, будущая мать твоего врага... Посмотри, как безобразно торчит ее живот, там сын твоего врага. Убей их!

- Она же еще совсем ребенок. Твоя дочь ничуть не старше. Не надо ее трогать. Оставь... Сжался...

- Врагу пощады нет...

Неведомая сила словно бы подталкивает руки. Мужчина наводит автомат на дрожащее существо, но панический возглас останавливает его:

- Остановись! Чем она может тебе навредить? Она испугана, беззащитна, одинока... А если бы это была твоя дочь? Неужели в тебе не осталось ни капли жалости?...

- Жалость?! Я не должен испытывать жалость.

- Но она же безоружна. Убивать на поле боя совсем другое дело, но это... Она же не может тебе ничем навредить!..

- Она? Нет... Но ее выродок, которого она носит под своим сердцем, вырастет и отомстит тебе, отомстит всей твоей семье, и тогда она не будет тебя жалеть, она будет смеяться, подстрекать, танцевать на твоей могиле и могилах твоих детей и внуков. Убей... Убей!..

Автоматная очередь заглушила голос.

- Не-е-е-т! - в глубине завопило и заклокотало, но мужчина уже ничего не слышал. Злость переполняла

его, руки вцепились в дрожащий автомат. Его глаза выражают победу, но, вместе с тем, в зрачках блестит огонек страха, страха загнанного в тупик зверя, скалившего перед своим концом острые клыки...

"...БУДУ УБИВАТЬ!.."

Было ужасно сыро. И это особенно чувствовалось здесь, в окопе. Туман навис над лесом. С влажных листьев падали капельки росы, и их хлюпанье с грохотом разносилось по горам.

В окопе сидели двое. Один был совсем еще мальчиком, другой - постарше. Размытая земля обжигала своей мокротой. Пальцы оледенели, ноги затекли, но не было ни возможности да и желания расправить их.

Юноша закурил, долго чиркая размокшей спичкой.

- Хочешь? - предложил он второму.

- Травка?

Юноша отрицательно покачал головой.

- Тогда не хочу... - Говоривший откинул голову, - мне бы несколько "кубиков", и забыть все. Как мне надоели вся эта кровь, смерть, бомбежка...

- Кто же тебя заставляет? - проговорил юноша, но его старший товарищ так взглянул на него, что он сразу пожалел о сказанном.

- Эй, малыш, ты в который раз на позициях? Впервые? А я гагринский... Моих стариков спалили вместе с домом, мою жену расстреляли в роддоме вместе с моим новорожденным сыном, мою сестру изнасиловали и посадили на кол, а я ничем не мог им помочь. Я сам валялся на берегу моря с разбитой головой. Они думали, что я мертв, и оставили меня на съедение воронам. Я чудом спасся.

Я видел огромные существа, плавающие по покрасневшим волнам. Знаешь, что это было - опухшие чело-

веческие тела, а Черное море покраснело не от лучей заходящего солнца. Оно было красным от крови. Ты даже не представляешь, как страшно было на все это смотреть.

А ты говоришь, что меня никто не заставляет?

Меня заставляет зов убитых, изувеченных, замученных, не похороненных. Я по ночам не могу спокойно спать, мне слышны вопли, крики, рыдания.

Он говорил четко, отчеканивая каждое слово, каждую букву. Глаза его блестели. Он словно бы захлебывался от негодования и ярости.

- Убивал ли я? Да, я убивал и мне не было страшно при этом, я не испытывал угрызения совести, потому что я убивал не людей, а извергов. Существо, которое ради забавы срубает голову младенцу, которое отрезает у убитого же им нос и уши, которое вскрывает у беременной женщины живот, не может называться человеком, это - невиданный зверь, а я охотник за этим зверем. Я убивал их и буду убивать, несмотря ни на что...

Говоривший замолк и посмотрел на юношу, который молча закуривал сигарету.

Вдруг послышался оглушительный свист и возле окопа взорвалась граната, осыпавшая собеседников фонтаном земли.

Когда пыль улеглась, юноша поднял голову, окликнул своего товарища. Тот молча смотрел на него. Алая струйка стекала с полуоткрытых губ.

Юноша вскрикнул, выскочил из окопа и лег на сырую землю. Рвота подступала к горлу, сердце оглушительно стучало в ушах, руки и ноги дрожали. Это была первая смерть, увиденная им воочию.

Через минуту, немного успокоившись, юноша вернулся в окоп, подсел к своему товарищу, обнял за плечи, прижал его пробитую голову к своей щеке.

"Я убивал и буду убивать..." - проносились в голове слова убитого.

Он еще раз заглянул в потухшие зрачки своего товарища, твердой рукой закрыл его глаза и решительно, сквозь сомкнутые зубы, проговорил:

"... и буду убивать..."

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Схватки начались ночью. Боль подкрадывалась постепенно, от пальцев ног проходила по всему телу, усиливаясь и пронизывая до самой макушки, затем стихала, давая возможность передохнуть.

Врачи засуетились возле роженицы. Зажгли керосиновые лампы, на окнах спустили темные шторы.

Вдруг где-то вдалеке послышался приглушенный гул самолета. Все многозначительно переглянулись. На лице роженицы появился страх, но подступившая боль заставила ее скорчиться.

Гул постепенно нарастал. Где-то завывала сирена. Все напряженно молчали.

Самолет с грохотом пронесся над городом. Через несколько секунд разразились взрывы бомб. Земля тряслась, окна дрожали. В коридоре слышались голоса и торопливое топание ног.

Роженица корчилась от боли, ее искусанные губы пересохли, глаза повлажнели.

А между тем, самолет пошел на второй круг. Грохот был еще сильнее. Казалось: огромная машина вот-вот влетит в комнату, уничтожая все вокруг. Оглушительный визг заглушил отчаянный крик роженицы. Грохот был душераздирающим. Уши заложило. Здание дрогнуло. Со звоном посыпались с окон стекла, штукатурка местами осыпалась на пол.

Но никто вроде и не заметил ничего. Действия врача были четкими, распоряжения краткими. Наконец в руках у доктора появилось маленькое окровавленное существо. Оно было таким хрупким, жалким...

- Ну же, ну... давай... - в волнении прошептала врач, похлопывая ребенка по спине...

Самолет еще раз пронесся над городом, описал крутой вираж и в тот момент, когда он направился в ту сторону, откуда прилетел, в операционной полуразрушенного госпиталя отчаянно закричал новорожденный, который словно бы хотел оповестить всех о своем появлении на свет, назло всем бедам, назло всем ужасам, назло самой смерти...

АЭРОПОРТ

Вдалеке виднелся пожар. Уже несколько дней огонь жадно пожирал город. Черные клубы дыма поднимались высоко в небо, отражаясь в спокойном осеннем море. Время от времени слышен был грохот одинокой гаубицы.

На взлетной полосе аэропорта, среди воронок, стоял единственно целый пассажирский самолет, вокруг которого в панике толпилась многочисленная толпа людей. Трап самолета трещал от перегрузки. Люди, отчаянно работая локтями, сталкивая друг друга с лестницы, тщетно пытались подняться в переполненный самолет.

Женщина изо всех сил цеплялась за перила трапа. На руках она держала голубоглазого малыша лет четырех, который, раскрыв во всю ширину свои глазенки, с удивлением и тревогой озирался вокруг себя. Его мать колыхалась в толпе, словно стебелек водоросли в потоке реки. Каждая ступенька трапа стоила ей непомерных усилий.

Кто-то предложил ей помощь, и она, недолго думая, передала ребенка, смекнув, что одной ей будет намного легче подняться.

Вдруг раздался душераздирающий свист. Толпа вздрогнула, и все, ломая на ходу руки и ноги, спустились с трапа и легли на горячий бетон взлетной полосы.

От взрыва содрогнулась земля, и там, где еще недавно было здание ангара, образовалось огромное облако пыли.

- Танки!

Послышался отчаянный крик. Толпа, давя друг друга, с воплями разбежалась в разные стороны. Взревел двигатель самолета. Женщина, передавшая в его салон голубоглазого малыша, пыталась что-то крикнуть, показывая на самолет, но течение толпы вынесло ее с летного поля.

Самолет, объезжая воронки, направился к взлетной полосе. Женщина, спрятавшись за обгоревшую машину, со слезами на глазах, с тревогой смотрела на самолет.

Вдруг на взлетную полосу выехал танк, который на ходу начал медленно наводить пушку на самолет. Прогремел выстрел, танк дрогнул и снаряд со свистом полетел по направлению к самолету. Вспышка озарила все вокруг, и самолет разлетелся на части.

- Не-е-е-т! - В отчаянии закричала женщина.

Кто-то попытался ее схватить, удержать, но она вырвалась и побежала к самолету. Пылающие обломки падали на взлетную полосу, черный дым душил, раздирал глотку...

Огромный диск солнца величественно садился в безмятежное Черное море...

На фоне заката по взлетной полосе, между исковерканными, тлеющими обломками самолета, бегала женщина с растрепанными волосами и смеялась во все горло страшным, душераздирающим смехом.

В ГОРАХ

Посвящается всем погибшим в горах Сванетии осенью 1993 года.

Снег не переставая валил с самого утра. Мок-
Срые хлопья оседали на ресницы, волосы, плечи, облепляли лицо, руки, все тело. Холодная грязь

назойливо прилипала к ногам, отчего с каждым шагом становилось труднее передвигаться. Холодно... Скользко...

По узкой, крутой тропинке, ведущей на вершину холма, молча плетутся люди. Изредка слышатся вздохи, стоны, детский плач, ругань мужчин, глухое рыдание женщин...

- Мама... Мне холодно...

Сверток на груди женщины слегка пошевелился. Распущенные мокрые, побелевшие от снега волосы упали на ее лицо. На плечи накинут дырявый плед. Летние туфли с обломанными каблуками, обутые на босые ноги, облеплены пудовыми гирями из грязи. Молодая женщина оцепеневшими от холода пальцами начала укутывать маленькое существо. Черные, как уголь, глаза в растерянности заблуждали вокруг.

- Мама... Мне холодно...

Женщина глубоко вздохнула и из последних сил продолжила путь. В горле пересохло. Время от времени она открывала рот, высовывала язык и пыталась на лету поймать падающие снежинки, - холодные капельки обжигали глотку. По телу пробежал легкий озноб, от которого все слабее и слабее становились руки, тяжелее ноги...

- Мама... Мне холодно...

Перед глазами женщины проплывают картины вчерашнего дня. Взрывы, фонтаны земли, свист снарядов, рокот пулеметов. Изувеченные до невероятности человеческие тела, руки, ноги, головы, куски мяса. Дома объаты огнем. Визг детей, крик женщин, запах пота, гари, горелого мяса...

- Мама... Мне холодно...

Маленькое сердечко отчаянно билось возле женской груди. Она сильнее прижала к себе сверток. Ее окоченевшие пальцы с трудом уловили слабое дыхание...

- Мне холодно...

Ветерок теплого воздуха обдал лицо женщины, наклонившейся к своей ноше. Ее пальцы уже не чувствовали биения сердечка. Сверток стал неподвижен и до невыносимости тяжел.

Женщина остановилась. Молоты били по ее волосам. Горячий пот обжег все тело. Пальцы чувствовали, как что-то ускользает от них, теплое постепенно становится ледяным, мягкое - каменным.

Ужас отразился в широко раскрытых глазах женщины. Она хотела крикнуть изо всех сил, чтобы выпустить из сердца глухую боль, но голос словно бы застрял в оледеневшем горле, а открытый рот залепил мокрый снег.

Туман опустился с вершины холмов на лесную тропу, заключив в свои объятия многочисленную толпу людей, карабкающуюся вверх по склону...

ОПЕРАТОР

Посвящается Кукури Аданая

Стоял теплый весенний день. Солнце красовалось на чистом небе. Щебетание птиц заглушал рокот горной реки. Гумиста, перебирая огромными камнями, стремительно неслась вниз, к далекому спокойному Черному морю. Слабый ветерок теребил листья деревьев на склонах холмов.

- Я останусь... Понимаю...

- Долго не задерживайся... Опасно...

Старались говорить тихо, жестами.

Оператор, в знак согласия, кивнул головой, вскинул на плечо камеру и повернулся спиной к своим спутникам в военной форме, которые, бесшумно пройдя по берегу реки, скрылись за огромной глыбой.

Наступила тишина, только неугомонная река грохотала, и этот шум, поднимаясь по могучим склонам скал,

исчезал в необъятном небе. Из-за гор появилась пушистая вата облаков. Стая мелких птиц с шумом пронеслась над головой. Деревья оживленно шептались между собой. Взгляд камеры плавно переместился на противоположный берег реки.

Вдруг среди зелени что-то блеснуло. "Что это могло быть?.."

Оператор взглядом углубился в это место, но было довольно далеко, чтобы хоть что-то разглядеть в кустах.

Сердце оператора забилося в висках. Легкая дрожь пронеслась по рукам. Камера дрогнула.

"Нервы..."

Оператор выключил камеру и, повернувшись, собрался было уходить, но чей-то пристальный взгляд не давал ему сдвинуться с места. Он опять начал всматриваться в необъятную зелень противоположного берега. Он чувствовал, что кто-то смотрит на него, но кто?.. Листья деревьев тревожно задрожали. Опять что-то блеснуло на солнце.

Оператор включил камеру и вновь начал снимать, стараясь приблизить объектив ближе к таинственному месту.

В этот момент снова блеснуло, но уже красным огоньком, и раскат грома пронесся по холмам.

"Боже..." Оператор вскинул голову. Грудь обожгло что-то горячее, ноги подкосились, и он рухнул на холодные камни, словно срубленное дерево, устремив свой неподвижный взгляд в необъятную голубизну весеннего неба.

Вновь воцарилась тишина, только под ухом бездыханного тела настойчиво жужжала включенная камера, которая без устали снимала прозрачные брызги горной реки...

ЦЕНА ЖИЗНИ

Бываю́т в жизни моменты, которые своей трагичностью и беспомощностью впи́ваются в память и даже время не в состоянии вытеснить их отту-

да. Память снова и снова прокручивает их, и **вновь и вновь** убеждаешься, насколько ранима **человеческая** жизнь и что ничего не стоит уничтожить ее.

Когда тысячи изгнанных из своих домов людей погна́ли через горы, среди босых и голодных беженцев находилась одна женщина с двумя детьми. Старшей девочке было лет десять, младшему - четыре. Полураздетые, они продвигались вперед навстречу неизвестности, оставляя за спиной привычную жизнь, теплый очаг, родных, друзей.

Все, как могли, помогали им, кто последним куском хлеба, кто крепкой рукой.

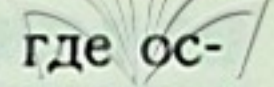
Через неделю трудного перехода девочка не выдержала. Встав на колени на холодные камни, она уже не могла передвигаться. Руки ее оледенели, скулы свело, и она упала лицом в грязь, скрючившись от боли и холода. Велико было горе матери, она рыдала без слез и без голоса. Все в ней словно бы умерло. Голыми руками окружающие расчистили место под высокой сосной, уложили умершую девочку на оледеневшую землю, накрыли ее грязной плащ-палаткой, поставили табличку с именем, и, с трудом отодрав от тела горем убитую мать, побрели дальше...

На другое утро женский крик пронесся по холмам. Женщина с полными ужаса глазами смотрела на корчившегося мальчика. Все молчали. Никто не мог ему ничем помочь. Мальчик закатывал глаза, бился, дрожал. Мать, прижав посильнее к себе свое дитя, попятилась к склону скалы. Она дрожащими губами прикоснулась к постепенно холодевшему лбу сына и, оттолкнувшись, бросилась в пропасть.

ЗАПОЗДАЛАЯ ДОГАДКА

— **Я** все понял...

Все оглянулись на человека, который, неожиданно нарушив тишину, произнес эти слова. Он задумчиво

смотрел на противоположный берег реки. Туда, где остались не похороненные родители, родной дом, привычная повседневность, бытовые заботы, прошлое, настоящее, вся жизнь.

- Да, только сейчас до меня дошло, - повторил человек и, не обращая внимания на вопросительные взгляды своих собеседников, продолжил:

- Года четыре тому назад я встретил своего давнишнего друга, сокурсника Заканбея Джинджолия. Мы дружили с первого курса университета. Потом наши дороги разошлись, и через много лет мы случайно встретились. С ним был его сын, подросток. Конечно же, мы очень обрадовались встрече и решили отпраздновать ее. Зашли в ресторан на причале и заказали шампанское.

Говорили о жизни, о семье, о работе. Я был искренне рад встрече. Настойчиво приглашал к себе домой и в каждом тосте желал блага его семье.

К концу нашего застолья Заканбей обнял за плечи своего сына, пальцем указал на меня и многозначительно сказал: "Посмотри, сынок, на этого человека, запомни его и когда встретишь на своем пути, очень прошу тебя, не убивай его и отпусти с миром".

Тогда я только посмеялся над этими словами, а теперь понял, что стояло за этой фразой...

Говоривший замолк.

Энгури величественно несла свои мутные воды, проплывая под длинным каменным мостом, возле которого стояла группа людей, пристально смотревших на противоположный берег, до слез родной, покинутый и, в то же время, такой чужой...

СВЕЧА

В темноте жизненных невзгод одиноко горит свеча человеческой жизни. Ее ствол, подобно телу младенца, ровный и гладкий. Огонек прожитых

дней постепенно плавит нежный воск, который слезинками стекает по свече и застывает у основания безобразными морщинами. Дыхание судьбы колышет огонек свечи. Иногда оно словно бы задувает свечу, но оправившись, огонек вновь появляется, освещая тьму вокруг себя.

Так медленно и монотонно тает свеча нашей жизни. В бездонной тьме горят сотни, миллионы одинаковых и так непохожих друг на друга свечей. Некоторые потухают сразу, так и не успев согреть холод тьмы своим теплом, некоторые гаснут на полпути, застывая неоконченной статуей, а некоторые тают, морщатся, истлевают и исчезают, испепеляя тоненький фитиль в своей сердцевине.

Как беспомощен огонек свечи! Его язычок словно бы танцует над свечой, то замирая, то панически трепеща, то застывая, то разгораясь, потрескивая слабым хрустом, бросая во тьму брызги искр.

А где-то в тени, в темноте стоит Нечто и дышит на свечи, и ждет, какая из них потухнет, исчезнет, ждет терпеливо, долго и, увы, эти ожидания в большинстве случаев сбываются...

1994

Произведение, которое мы предлагаем ниже, - образец документальной прозы, в которой сохранены даже имена и фамилии героев. Автор этой небольшой повести, писатель, журналист, с начала же конфликта находился на позициях. Командир разведовательно-диверсионного батальона, он сражался в Гагра, Сухуми и Очамчире, был дважды ранен, контужен, за проявленные мужество и самоотверженность награжден орденом Вахтанга Горгасала.

Война, икона и

Перед уходом Шорена оставила мне связку свечей с наставлениями: ставь каждый день по свече и молись. Поста не нарушай.

- А если забуду, то можно будет на следующий зажечь сразу две?

- Как же можно такое забыть! - вспыхнула Шорена, затем пристально взглянула на меня и как-то покорно ответила: - Можно.

Когда я зажигаю свечу, то со мной начинает происходить нечто странное: я совершенно забываю настоящее, вспоминаю прошлое и думаю о будущем...

До войны мне вспоминались горы, море, мои амурные приключения и потасовки. А потом началась война... Теперь я вспоминаю только войну. И тогда, когда мне этого хочется, и тогда, когда вовсе этого не хочется...

Война как лакмусовая бумажка. Она внезапно проявляет духовные и физические возможности человека. На войне быстрее распознаешь окружающих, нежели за долгие годы знакомства. Такие лица встретишь разве что в горах, при восхождении трудными, непроходимыми тропами к вершине. Или во время великих потрясений, когда и окружающее и действия воспринимаются только в двух цветах-черном и белом. Только тогда, когда все утрачивает свою ценность, кроме жизни, в такие минуты поражаешься не только чужому поведению, но и в себе такое обнаружишь...

Большинство людей вспоминают Бога лишь при крайней нужде. Тогда возносятся молитвы о прощении и помощи. Конечно же, есть и верующие, но временщики во все времена превосходили их числом и с таким же энтузиазмом посещали раньше партсобрания, как сегодня молебны.

К счастью или к несчастью, я не принадлежу ни к тем, ни к другим. Молился я всего несколько раз, но всем сердцем, искренне. Первый раз в горах Тянь-Шаня, где я без веревок и "когтей" поднялся на вертикально отвесную вершину. Тогда я попросил: "Господи, прости все мои грехи и помоги благополучно пройти этот путь". Друзья тогда сделали несколько снимков, запечатлевших меня взбирающимся по ледяной стене. "Если бы ты разбился, то хотя бы фотографии остались". Уцелел...

Нечто еще более странное случилось со мной в Абхазии, на войне, где я два раза очутился в одной и той же ситуации... Первый раз это произошло у села Аква-скваса, а второй раз уже на окраине Очамчире, где я устроил смотр дивизии и принял ее. На фронте же, как и везде на этой войне, царил великий хаос. Были и самоотверженность горячих сердец, и недальновидность большинства командиров, и предательство, и самопожертвование. Были и наркотики, и пьянство, и бессмыс-

ленная стрельба, и разбой. Словом, все так, как умеем мы, грузины. Как и почему - я не собираюсь сейчас этого разбирать, это очень горькие, болезненные воспоминания. Особенно для нас, тех, кто проиграл эту войну...

В Очамчире моросил нудный дождь. И вообще, с утра был очень тяжелый день. Правда, на войне не бывает выходных, и все же... Вечером я попросил у своего начальника штаба Амираана Кешелава список бойцов, представленных к наградам, и как велика была моя радость, когда я вычитал знакомое имя: Зураб Абрамишвили...

Зура приехал вместе с нами из Тбилиси в день падения Гагры. Вы, наверное, помните то мучительно болезненное утро 1 октября, когда абхазцы взяли Гагру. Тогда море народа пришло к зданию Парламента, к Министерству обороны, к военным комиссариатам с требованием забрать их на фронт, отвоевать Гагру. И везде отказ, где вежливый, а где и грубый. Только "Мхедриони" пошел нам навстречу, и с Дворца шахмат повезли нас сначала в Сагурамо, а затем в аэропорт, где нам раздали оружие и посадили в самолет, направляющийся в Сухуми.

Возможно, и правы те, кто сегодня поносит "Мхедриони", но нужно быть справедливым, что в ту ночь, когда в Гагре реками лилась грузинская кровь, из всех силовых структур единственный "Мхедриони" раздел с нами нашу боль и в полном составе перебросился в Сухуми. По первоначальному плану мы должны были сесть в Сухумском аэропорту, а затем на вертолетах переправиться в Гантиади и Леселидзе, чтобы отбить Гагру. Но когда мы сделали посадку в Сухуми, нам объявили, что Псоу уже занята абхазцами. К несчастью, наш самолет слишком запоздал... Так мы очутились в Очамчире...

Единственное, чем отличался Зура от всех бойцов батальона, это благоговейной любовью к Библии. Всю-

ду, в столовой и на передовой, в окопе и на боевой машине он не расставался со своей маленькой книгой. Словом, в одной руке он держал священную книгу, а в другой - каким бы святотатством это не звучало - автомат Калашникова.

Вокруг сновало много различного народа, различного характера и возраста. Зура был тихим, спокойным парнем. И любое задание он выполнял так же тихо и спокойно, если не сказать, слишком пунктуально. Часты были подшучивания между бойцами, но я не помню, чтобы кто-нибудь посмел подшутить над Зурой. И как мне стало больно, когда после одного боя Зура пришел ко мне и попросил отпустить его домой. Я спросил его о причине. "Я боюсь", - опустил он голову. Испугался?.. С войны многие возвращались домой, придумывая различные причины, но страх... Человек, сознавший в этом, не мог быть трусом. Я поблагодарил его за чистосердечность и проводил на вертолет. "Я вернусь", - пообещал он, и я почему-то поверил. И вот сегодня он награждается за мужество. И попасть в список только семи награжденных по всей дивизии можно было действительно за героизм.

Так же как обрадовало меня появление Зуры, так и повергла в отчаяние принесенная им весть. В ту пору, пока я залечивал свои раны и учился заново ходить, мой батальон "Михо" распался и моих бойцов рассовали по различным частям. Один из моих командиров разведвзвода "Альпинист" Малхаз Вачеишвили, или Ваче, пал смертью храбрых у села Кетэвана. Сражавшийся бок о бок с ним Сулхан Кереселидзе чудом остался жив...

После награждения я покинул здание и направился к "малому" штабу, где шла оперативная работа. При моем появлении караул отдал мне честь, я ответил и спросил об обстановке. "Ночью из центрального штаба затребовали информацию", - услышал я ответ. В комнате никого не было. Я вспомнил Джубу и только направил-

ся к топчану, чтобы немного соснуть, как меня вдруг что-то парализовало. На сейфе я увидел икону св. Георгия, прислоненную к стене, и какая-то сила толкала меня именно в ту сторону. Я приблизился к иконе и заметил, что там же лежала одна-единственная свеча и спичечный коробок, в котором оказалась одна-единственная спичка. Возможно, это была случайность. Но ведь все опять повторилось... Удивительно странное повторение... И тогда я воспринял все это как должное, ниспосланное мне провидением.

Я зажег свечу и вспомнил протодьякона Левана, с которым я познакомился в Гагре.

- Если сердце не захочет, не молись. Не упоминай Господа всуе, - посоветовал он.

Затем я вспомнил, что его ранило. Что я раньше записал в дневник повидать его в Тбилиси, как-то помочь. Вспомнил и то, что я обо всем этом забыл... После контузии я почти месяц провел в Тбилиси, но об отце Леване я так и не вспомнил.

Затем опять вспомнились мои погибшие бойцы: опять Ваче и Гуджа Ломинадзе, Нукри Майсурадзе и Ираклий Амирэджиби...

Ираклия мать и брат не отпускали на войну, он еще не оправился от болезни. Прятался он от родни у меня. Моя мама расцеловала нас обоих на прощанье. Ираклий повис на моих спортивных кольцах, кувыркнулся и крикнул маме: "Не бойтесь, русские еще не отлили пулю для нас..."

... За несколько часов до того, как меня контузило, из штаба поступило сообщение: абхазы ворвались в город со стороны полузатопленного корабля.

Из штаба нас вышло двое: я и начальник штабной разведки Дато Мамулашвили. В самый последний момент на подножку нашего "КамАЗа" вспрыгнул Ираклий. Не доезжая до затопленного корабля, мы спешили и вышли втроем на дорогу. Я поставил Ираклия со

стороны моря, чтобы он обозревал берег. В середине шел Дато, а с правого края, со стороны домов, я "Рассыпаемся, рассыпаемся!" - крикнул я. Каждую секунду можно было ожидать выстрелов со стороны домов и дворов. И поэтому мы шли в пятнадцати шагах друг от друга и старались не идти по одной линии, и если кого-нибудь из нас сразила бы пуля, то двое остальных уцелели бы и смогли бы открыть ответный огонь.

Вдруг Ираклий сорвался с места и огромными скачками понесся ко мне, стукнул меня по плечу и выпалил: "Дядя Михо, не дури молодых, здесь мое место, а твое с той стороны!" Легонько подтолкнул меня в сторону берега и занял самую опасную позицию.

... Ровно через неделю после того, как меня поместили в больницу, Ираклий погиб около Тамыша... Гуджа Ломинадзе потерял крест, который носил на нитке. Сколько раз я предлагал ему заменить нитку тесемкой, уперся и все тут: "Чему быть, того не миновать". Потерял крест и в тот же день погиб. А сколько раз он говорил: "Пока крест со мной, меня смерть не заберет..."

В то утро Нукри Майсурадзе привез брата и друга, вечером и брата, и друга ранило, а Нукри погиб. "Ниндзу" - Нугзар Джикия и "Санго" - Серго Шахтншвили ранило. "Будулай" подорвался и увлек за собой двух прекрасных ребят. Врача Темура Карухнишвили и Хвичу Гамбашидзе тяжело контузило. Кавтисхевских Шалву и Амираана ранило. Элдар Кистаури и Малхаз Дзукашвили лежат в госпитале. Серго Грдзелишвили оторвало ногу. Уцелел!.. Переправили... И еще новость, уже приятная - Мишико, наш "Рембо" женился!.. И отпросился на десять дней в отпуск.

Вот, о чем я вспомнил при виде той иконы и свечи. Повторилось!..

И еще то, что первый раз на этой войне, после первой моей молитвы, свершилось чудо!..

Стояла середина октября. Ночами уже было холодно. Батальонная разведка установила местонахождение абхазского штаба, и на рассвете мы вчетвером отправились на его ликвидацию к деревне Акваскваса. Я, "Ниндза", Нукри и Гуджа. Днем наш врач Темур Карухнишвили попросил меня не ходить без него: "Возьмите меня вместо Васо". Васо Ломсадзе, командир батальонной разведки, в тот же вечер, за несколько часов до нашего отправления, с боем пересек линию фронта, и я оставил его исполнять мои обязанности, поскольку мой заместитель Роин Джавахишвили лежал простуженным с высокой температурой. А от Темура мы все же улизнули. Правда, наш "Безухов" за день до того уже успел отличиться при захвате двух русских офицеров, но намеченное нами предприятие было слишком рискованно и требовало особой выдержки и подготовки.

На рассвете я приказал бойцам стрелять трассирующими пулями в сторону ферм. В течение получаса шел ожесточенный бой.

Тем временем мы вчетвером отползли от наших окопов, пересекли нейтральную поляну и укрылись в сожженном доме. Мы уже были в стане врага. Через кукурузное поле мы вышли на небольшой аэродром, куда вражеские вертолеты доставляли боеприпасы и "боевиков". Здесь, несомненно, была охрана. Мы залегли, а Гуджа пополз по утренней росе к бетонной постройке, расположенной на противоположном краю аэродрома. Я приказал Гудже обогнуть строение на расстоянии 70-80 шагов и оттуда открыть огонь трассирками в нашу сторону. По вражескому ответному огню мы бы приблизительно установили количество противника и его расположение. Во время перестрелки с Гуджей мы бы незаметно подкрались к противнику с тыла и уничтожили бы его. Такой метод ведения боя мы первый раз применили в Беслахуба, при атаке на Ткварчели и, несмотря на нашу малочисленность, победили. Тогда я оставил в тылу

врага Нугзара Джикия и Нукри Майсурадзе. Разумеется, необходимы были четкие действия, в противном случае мы бы перестреляли друг друга. Особенно сложным было исполнение "приманки". Не прятаться нужно было от врага, а напротив, как можно больше "показаться" и принять огонь на себя.

Гуджи не было уже довольно долго, но со стрельбой он что-то запаздывал. В это время послышался лай, и дверь строения приоткрылась, хотя оттуда никто не появлялся. Зато с чердака строения и со стороны Гуджи раздалась одновременная стрельба. Я нацелился в дверь строения и дал знак бойцам. Оба короткими перебежками достигли постройки. Нукри бросил в открытую дверь гранату. Строение на мгновение осветилось изнутри, и раздался грохот. В ту же минуту бойцы ворвались вовнутрь. Стрельба длилась какую-то долю секунды. Когда я подбежал к строению, оттуда вышел Нукри с небольшой сумкой, в которой лежало четыре гранаты "Ф-1" и шесть автоматных магазинов, а также он передал мне документы двух вражеских боевиков. Затем появился "Ниндза" с двумя короткими "АКС" через плечо, а свой "АКМ" он держал в руке. Я раздал бойцам по гранате, а также вражеские автоматы и по три магазина. Остальные две гранаты, отсыревшие от утренней росы, я передал Гудже и обследовал постройку. Внизу, на перекладине была подвешена черная от копоти кастрюля. К чердаку была приставлена лестница. На чердаке было навалено много сена, там же валялись две пустые бутылки из-под водки, несколько консервных банок и три совершенно истрепанных одеяла. Видно, охрана аэродрома ночью пиновала и поэтому под утро так крепко заснула. И поэтому только на собачий лай открыла беспорядочную стрельбу. Там же валялось три трупа, двух молодых и одного пожилого бойца, и одноствольное охотничье ружье. Я подумал было его разбить, но Гуджа вызвался тащить его на себе. Когда мы вышли отту-

да, навстречу нам, виляя хвостом, бросилась собака - сеттер, оповестившая противника о нашем присутствии. Мы ей дали поест, она увязалась за нами, и мы ее прогнали. Издалека еще виднелся черный дым горевшего строения. Солнце уже взошло. Село Беслахуба мы обогнули справа по кукурузному полю. Тут жили в основном грузины. Конечно же, многие бы обрадовались нашему появлению, но мы могли бы напороться и на врага. Нужно было быть настороже. В деревне наверняка слышали бы стрельбу, и не исключено, что нас уже ждала засада. Хотя не думаю, что кто-нибудь бы предположил, что после учиненного нами пожара мы бы рискнули пойти в глубь вражеской территории.

Ветерок доносил до нас со стороны наших позиций звуки автоматной и пулеметной стрельбы. Для нас и это было опасно. Особенно пулемет, который стоял на крыше батальонного здания и в котором мы с Темуром занимали одну комнату. Там же в двух больших комнатах жили мои "альпинисты" и четверо кавтисхевских ребят.

С этой крыши очень хорошо были видны Очамчире, автомобильная и железнодорожная магистрали на Ткварчели, горящее строение, фермы, окраина села Беслахуба. Страшно было то, что они могли увидеть и нас, а на таком расстоянии могли бы не разобраться и открыть огонь и в нас. Ведь оттуда мы виднелись как на ладони. Вообще-то, когда мы с парнями уходили в разведку, я обычно предупреждал Бутхузи Тохадзе, командира местного батальона, но на этот раз я не смог предупредить Тохадзе, да притом не хотел, чтобы просочилась какая-нибудь информация об этой операции. Так что, сейчас мы должны были быть вдвойне осторожны как с нашими, так и с ненашими.

По нашим сведениям в этих местах бродили всего лишь немногочисленные абхазские отряды. Сначала этот край не был защищен и заминирован. Бесспорно было то, что здесь работали военные советники. Все

операции были хорошо продуманы и рассчитаны. В отличие от нас, они не ленились и не хвастались по поводу и без. К сожалению, многое напоминало мне арабо-израильскую войну, когда израильские войска умом, сноровкой и военной дисциплиной наносили поражение численно намного превосходящим арабским войскам. И в этой войне часто происходило так. Только в роли арабов оказывались мы. Этим мы как бы платили кровавую дань за укоренившийся у нас в последнее время беспредел, за неправильное воспитание молодежи, когда "уважающие" себя родители всеми правдами и неправдами пытались спасти свое чадо от обязательной воинской повинности. Наверное, уже давно стоял на повестке дня вопрос о тяжком преступлении перед своей нацией. В Грузии звонили колокола, тревожный звон которых, увы, тревожил не каждого...

В шагах ста пятидесяти-двухстах проходила железнодорожная линия. В стоящих вдоль нее нескольких домах, по-видимому, давно не жили. Нигде не видно было ни собаки, ни курицы, ни каких-либо следов домашней скотины. Выбитые стекла, развороченные заборы. Один дом стоял наполовину сожженный, по-видимому, дождь успел вовремя потушить пожар...

Для привала я выбрал крайний дом. В случае опасности оттуда до леса было рукой подать и вокруг дома был такой высокий густой кукурузник, что при желании в нем мог бы укрыться целый полк. И все же я отправил Нугзара на разведку. Через некоторое время он появился перед домом, встал во весь рост и замахал нам руками. Когда мы пришли, Нугзар уже хлопотал около камина. Я сделал ему внушение и приказал немедленно потушить огонь, чтобы не привлечь чьего-либо внимания. Но Нугзар взмолился позволить ему это в последний раз. Я сдался. Там же он нашел большую чугунную сковороду, ополоснул водой и поставил на огонь. Когда сковорода накалилась, Нугзар заглянул в стоящий на

полке глиняный горшочек, вынул оттуда оставшейся в горшочке деревянной ложкой огромный кусок топленого масла и бросил на сковороду. У меня были мясные консервы, и я протянул ему. Нукри принес со двора пучки уцелевшей киндзы, петрушки и один большой, начинавший уже краснеть, перец. Но наше удивление вызвали яйца, которые он обнаружил в курятнике.

Это мне очень не понравилось, и я вышел к Гудже, оставшемуся на страже. Нашел я его с трудом. Он взобрался на дерево, растущее рядом с домом, и почти не был виден в его густой листве. Увидев меня, он проворно сполз вниз.

- Все в порядке, командир, - вполголоса доложил он и собрался опять занять свое место.

- Пойди подкрепись, - подтолкнул я его к дому, и чтобы не выслушивать его возражений, торопливо занял "наблюдательный пункт".

Буквально через минуту все высыпали во двор. Нукри держал на двух досках шипящую яичницей и тушеной сковороду. Они такими глазами смотрели на меня, что я не заставил себя долго ждать.

Выпили из моей фляги по глотку спирта за победу.

- Вон, в том доме есть икона и свеча, - указал Нугзар на средний дом.

- Привести все в порядок! - приказал я Нугзару и Нукри. - Замести все следы нашего пребывания!

До штаба абхазцев оставалось еще пять километров, и этот путь надо было постараться пройти незамеченными. Парни засуетились, а я, прихватив с собой Гуджу, направился к дому с иконой. Войдя в дом, я приказал Гудже возвратиться к парням и дожидаться меня в курузнике.

... Икона лежала на столе, покрытом синей выцветшей скатертью. Там же свеча и коробок со спичками.

Я зажег свечу, размягчил ей кончик и прилепил к краю граненого стакана... Мне очень захотелось помо-

литься, но я никак не мог вспомнить слов ни одной молитвы. Некоторое время я простоял, тщетно пытаюсь вспомнить молитву, затем упал на колени перед иконой и вдруг почувствовал, как налились свинцом веки и защипало в глазах.

- Господи, верни нам, грузинам, разум...
- Господи, пробуди грузинский дух...
- Господи, дай мне сил служить моей стране...
- Господи, дай мне увидеть поражение врага, а потом можешь убить...

Когда я поднялся, то почувствовал какое-то неизъяснимое блаженство и покой. Я уже собрался было выходить из дому, как из соседней комнаты донесся чей-то разговор. Сначала я страшно удивился, каким образом проникли сюда мои парни, затем пришел в ярость, что вместо того, чтобы выполнять мой приказ и дожидаться меня в кукурузнике, они позволили себе его нарушить. Я распахнул дверь в комнату и застыл. Передо мной сидели двое русских. Я плотью почувствовал - враги! Такое, наверное, случалось со многими: сделаешь шаг, знаешь, что опасно, но по инерции идешь. Ведь способность восприятия и анализа часто опережают физические действия. Единственное, что я сообразил, это не сменить гневного выражения на лице.

- Ребята, дайте покурить! - бросил я и прислонился к дверному косяку.

Оба вскочили. Стоящий справа от меня оказался попроворнее и протянул мне "Мальборо". Форма на них была как у меня, разве что поновее, еще не стиранная. У нагрудного кармана и на брюках еще виднелись блестящие следы от утюга. По всей видимости, это были молодые офицеры. Сигарету я взял левой рукой, правая, как всегда, была занята автоматом, и палец я держал на курке.

- Начальству надо прикуривать!.. - назидательно сказал я и помял в пальцах сигарету.

Теперь отличился второй и поднес к моему лицу зажигалку.

Я затаился и похлопал его по плечу.

- Молодцы, молодцы...

Оба стояли передо мной так, что чувствовалась военная выправка.

И хотя в этой ситуации уничтожить их не составило бы большого труда, стоило только отпустить курок, мне прежде всего нужно было выяснить общую обстановку. Я твердыми шагами уверенного в себе человека вышел из дома. На крыльце я снял кепку и распрямил плечи. Не видно было ни моих парней, ни каких-либо следов. Около развороченного забора стоял пятитонный грузовик. Как же я не расслышал, что он подъехал! Вот это было удивительно... Трое военных сгружали какие-то, видно, тяжелые ящики. Раздался тревожный зов кукушки, и у меня заныла спина, это наверняка вызывал Гуджа.

Я развернулся, натянул на голову мою "генеральскую" кепку и уверенно направился в кукурузник... Через некоторое время мы расположились в небольшой редкой рощице, шагах в трехстах от тех домов, и принялись по очереди наблюдать в бинокль.

Почти до обеда мы не покидали этого места. Подъехало еще два грузовика. Один был набит боевиками, другой - ящиками. На автомобильной дороге поставили караул, начали рыть окопы.

С военной точки зрения место было выбрано великолепно. Небольшой пригорок, на котором стоял полусожженный дом, делал это место незамеченным и недостижимым для "бутхузовского" пулемета и наших наблюдателей.

Нам нужно было дождаться, чтобы враг здесь основательно устроился, и только потом уже задействовать артиллерию. Я попытался максимально точно отметить это место на моей карте, занялся своим "Зенитом" с разных углов...

В бинокль было отлично видно, что новые хозяева не теряли попусту времени. Из домов они тащили разную дребедень и сваливали в одну большую кучу, то ли для того, чтобы сжечь, то ли чтобы вывезти.

Затем они начали устанавливать радиоантенну. Разумеется, это гнездо нужно было уничтожить и как можно скорее. Хорошо, что у меня хватило выдержки не открывать стрельбы в том доме. Одного-двух мы бы наверняка уложили, но испортили бы дело, испугнули бы противника. Теперь же противник обоснуется здесь капитально, вот тогда и нужно будет ударить. Я поделился своими соображениями с парнями. "Ниндза" воспротивился, мол, нечего ждать других, мы сами прекрасно справимся с какими-то двадцатью бойцами, тем более, что на днях нас собирались перебрасывать в другое место, и когда бы нам еще раз предоставилась бы такая возможность. Находящегося в рюкзаке "Ниндзы" арсенала с избытком хватило бы на все эти три дома.

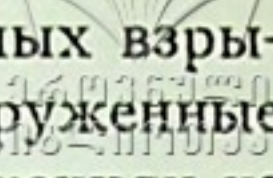
Конечно же, он был прав. Мой замысел только теоретически был лучше. Признаться, от уничтожения этих домов меня удерживало нечто другое. Возможно, та икона и моя коленопреклоненная мольба перед ней, но тогда я не хотел в этом признаться даже самому себе. Я сказал вслух, что наша основная задача, ради которой мы и оказались здесь, - уничтожение вражеского штаба. Сказанное мной было слабой попыткой защиты моего ошибочного замысла. Более того, причуда, равносильная преступлению, непростительна бойцу в окружении врага, тем паче командиру. Вполне возможно, что мы бы и не добрались до вражеского штаба. А здесь теряли шанс уничтожения новой вражеской базы, кроме того, мы должны были поторопиться и опередить врага. Рано или поздно враг бы осознал свою оплошность, и тогда... Попробуй мы даже незаметно скрыться, им бы не составило большого труда обнаружить нашу четверку и истребить.

Несколько минут я оглядывал в бинокль местность. Подъехал еще один грузовик. В дом стали вносить зеленые продолговатые ящики, следом внесли обернутые целлофаном коробки и несколько десятков тяжелых зеленых тарелок. Ясно, привезли оружие, боеприпасы, противотанковые гранаты и так называемую "лягушку" - противопехотную прыгающую мину. Я отдал приказ к боевой готовности и позвал "Ниндзу". Указал, какими путями приблизиться к домам, обстреливая при этом сначала средний дом, а затем - крайние. Мы же брали на себя уничтожение вражеских бойцов. Нужно было подойти как можно ближе и, главное, без шума снять двух часовых, один из которых держал "АКМ", другой "АКС" - десантный автомат со складным прикладом.

В бинокль прекрасно были видны не только их оружие и обмундирование, но и выражение их лиц. Один из часовых сидел на заборе и усердно чистил свой автомат. Часовых поставили больше для формы, а то наше нынешнее появление не приснилось бы врагу и в самом кошмарном сне. "Тем лучше!" - сказал я парням и отправил Гуджу снять часовых. В бинокль я разглядывал мальчишеские лица часовых, едва опущенные бородкой и усиками, и пытался понять, какая же сила вынудила их стать нашими врагами. Ни один из них не походил на местного, нельзя было их назвать кадровыми военными. Так кто же это были, чего им было надо?!

Неужели любовь к деньгам и оружию перевесила любовь к жизни?!

Как только Гуджа снял часовых, "Ниндза" метнул гранату в средний дом. Снаряд разнес дверь и оглушительно рассыпался внутри огненным дождем. "Ниндза" с олимпийским спокойствием укрепил снаряд в пусковое устройство, и теперь уже там поднялся столб огня, откуда раздавались выстрелы. В третий дом "Ниндза" стрелял с 35-40 шагов. Снаряд разнес обе стены и разорвался в пристройке за домом. Пламя охватило всю ме-

стность, за этим последовало несколько сильных взрывов, очевидно, разрывались только что разгруженные боеприпасы. Боевиков, которые в панике выскочили из домов, мы расстреляли как учебные мишени. Ответная стрельба прекратилась, и я приказал уходить. Выбрал я опять дальний путь, мы свернули к Меркуле и затем по берегу реки стали спускаться к Очамчире... У школы мы устроили привал, и Гуджа показал мне обгоревшую икону Святого Георгия, ту икону, перед которой я так самозабвенно молился. Гуджа выхватил ее из огня, видимо, ее подожгли вместе со скарбом, вынесенным из дома...

Тогда я впервые молился в этой войне. Там, на подступах к Акваскваса. В тот день мы одержали победу. Мы вышли из боя целыми!.. Затем еще!.. И еще!.. Но с конца октября настали черные дни. В один из тех дней мы потеряли сразу троих ребят. Затем меня дважды контузило, и я оказался в госпитале... Затем распался оставшийся без меня батальон... Опять погибли мои бойцы... Затем опять вроде что-то наладилось. Я окреп, выписался из госпиталя, снова встал в строй. И снова эта икона, свеча, спички. Снова повторилось. Какое новое испытание готовила мне Судьба? Я приблизился к иконе, сомнений быть не могло, на высоком зеленом сейфе была прислонена та самая икона св. Георгия с обгоревшими краями. Я опять упал на колени и стал молиться за нашу победу...

Прошло время, не могу сказать, что эти два случая обратили меня в ортодоксального верующего... Не смог я держать пост, не смог стать и милосердным, особенно по отношению к тем, кто устроил нам, грузинам, геноцид. Единственное, я всегда терпимо относился к пленным и несколько раз даже освобождал их... По сей день мне не дает покоя нехристианское чувство мести, всякий раз, когда я вспоминаю Абхазию... И в церковь я захоживаю изредка...

Недавно скончался мой дядя, видный ученый Гайоз Имедашвили, мой самый большой учитель в грузинской духовности. Я первый раз в жизни присутствовал на всех ритуалах погребения. Больше часа длилось чтение псалмов, пение инокинь. Как-то поневоле я увлекся, прислушался к псалмам и почувствовал какое-то чудесное отрешение и душевное спокойствие. За несколько часов панихиды мне вспомнились все мои грехи. Вспомнилось, скольких я незаслуженно обидел, в скольких убил надежду. Вспомнились и мои промахи, и то, где я не смог себя обуздать, где - напротив... Вспомнил и тех, кто желал мне только добра. Вспомнил и эти две горячие молитвы у иконы св. Георгия.

Вообще-то эта комната открывалась с парадного во время больших семейных торжеств, и в таких случаях, как и сейчас, из комнаты выносились вся мебель, кроме забитых книжных полок вдоль стен... В остальное же время в эту комнату можно было попасть только из рабочего кабинета моего дяди, да и то в том случае, если очень любил книги. Словом, нужно было быть в чем-то незаурядным, чтобы получить доступ в эту комнату. Здесь же разбирались "великие" политические дела. Стоящий все время в оппозиции дом находился под неусыпным наблюдением царской жандармерии, а затем большевистских гэбэшников. И поэтому здесь всегда знали цену слову, произнесенному или написанному.

За несколько часов до своей кончины дядя позвал меня в ту комнату. Он услышал по радио Ардзинба, призывающего конфедератов на подмогу.

- Вернемся?! - несколько раз испытующе обратился он ко мне. А потом снова и снова говорил о сегодняшней боли Грузии. Та наша беседа переросла в спор. К счастью, пришли гости. Был день его рождения... Потом меня опять позвали в ту комнату. Я одел дядю в последний путь. И все равно... Я невольно продолжил с ним спор. Эта комната, этот дом, этот человек, покоящийся

сейчас посреди комнаты, сделали меня бойцом. Я не мог прервать спор, поскольку у меня не осталось, не было права. Права на ошибку...

Вокруг были наши родственники, друзья. Сколько раз обижали мы друг друга, сколько раз не слышали друг друга.

"Смертью смерть поправ"... Словно во тьме тонкий луч свечи прочертил дверной проем. Я стал еще большим поклонником спокойствия и простоты. Возможно, это возраст. В этом году мне уже 50. Возможно, это еще один шаг к истине...

Во всяком случае, это то, что я увидел, прочувствовал и передал. Только то, и больше ничего...

Перевод Ирины Зурабашвили

Ирина Зурабашвили

Иногда кажется, что в повседневной суете мы все как-то свыклись с фразой, что такого-то числа ему бы исполнилось столько-то лет... Но это только кажется, потому что нет-нет, да застынет кровь в жилах от этой фразы, мучительно сожмется сердце от горя и безысходности...

"В небе я мечтаю о земле..."

Кавалеру ордена Вахтанга Горгасали I степени, полковнику Изани Михайловичу Церцвадзе 7 августа исполнилось бы 43 года...

Изани Михайлович Церцвадзе родился в Тбилиси в 1952 году. Окончив тбилисскую 2-ю среднюю школу, продолжил учебу в Черниговском высшем военно-воздушном училище, по окончании которого в 1973-1982 годах служил в истребительном авиаполку.

В 1985 году И. Церцвадзе окончил Военно-воздушную академию имени Гагарина. С 1985 года прошел путь от командира полка до начальника центра авиационного обеспечения. Являлся летчиком первого класса. Ему было присвоено звание военного летчика -испытателя.

С 18 июня 1992 года до дня гибели возглавлял военно-воздушные силы Грузии. Под его непосредственным руководством создавались военно-воздушные силы Республики Грузия. Он руководил боевыми действиями авиации в Абхазии и лично выполнял боевые вылеты.

В те трагические для Грузии дни абхазские сепаратисты с использованием боевых ракет новейшего типа сбили в Сухуми три пассажирских самолета грузинской гражданской авиации, вывозивших из осажденного города раненых, стариков, женщин и детей.

Весть о сбитых гражданских пассажирских самолетах молниеносно облетела всю Грузию, вызвав справедливый гнев и возмущение варварскими действиями абхазских сепаратистов.

И вот, 23 сентября 1993 года с аэродрома Копитнари, уже в который раз за то утро, в небо поднялись в паре "СУ-25" для обнаружения и подавления огневых точек противника, обстреливающих пассажирские самолеты.

Один из этой пары не вернулся... Отважный летчик, влюбленный в свою профессию и Родину, улетел от нас навеки...

Летчики не умирают, они улетают в небо.

В одном из своих интервью на вопрос журналиста о мечте Изани Церцвадзе ответил: "Создание грузинских

военно-воздушных сил". "Это на земле, а в небе?" "В небе я мечтаю о земле..."

А на земле он оставил бескрайнюю любовь и свет, жену Людмилу и детей Михаила и Гулико.

На земле 7 августа ему исполнилось бы 43 года...

Три цветка "для кукол"...

Бойцу I-го армейского корпуса десантно-штурмового батальона Левану Цанкашвили 16 июля исполнился бы 31 год...

Леван с первых же дней конфликта находился в Абхазии. Военную службу он прошел в танковых войсках и был первоклассным водителем. О том, какие чудеса мужества творили наши ребята на полях сражений, напишется еще немало. Почти всю войну сражался Леван на трофейном танке, захваченном у сепаратистов. Воспользовавшись замешательством противника, он вывел танк из шквала огня, заставив пережить своих однополчан тяжелые минуты, - бойцы не чаяли увидеть Левана живым. А Леван всегда рисковал и оставался цел. Он был как будто заговоренным и смерть обходила его стороной. Для того, чтобы выполнить срочное боевое задание, нужно было миновать заминированное поле, время не ждало. И тогда Леван, не долго думая, завел свой танк и один поехал по минному полю, прокладывая путь ошеломленным друзьям. Смерть и на сей раз обошла Левана. Однажды их отряд попал в окружение, казалось, живыми бы они оттуда не выбрались. Леван приказал бойцам отходить, прикрывая отход своим танком, и опять никто не думал, что он уцелеет, и опять смилостивилась судьба.

Леван очень любил свободу и родину. Наверное поэтому он так редко появлялся дома с неизменными тре-

мя цветками "для кукол" - для жены Хатуны и маленьких дочурок Софики и Саломэ.

Леван очень любил жизнь, которую оборвала вероломная рука своего же ослепленного соотечественника.

16 июля Левану Цанкашвили исполнился бы 31 год...

Тамаз Натрошвили

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ ГОРЫ ПОЭТУ

Анну Каландадзе обычно называют поэтом, родившимся под счастливой звездой, отмечают ее неординарный дебют.

Гурам Асатиани прекрасно передает ту атмосферу всеобщего восторга, с которым грузинская читающая аудитория встретила первое появление молодой поэтессы. "Война только недавно закончилась, - пишет он, - когда в небольшом зале Союза писателей, на улице Мачабели, никому не известная девушка прочитала свои первые стихи. В тот день в том зале сидели усталые, скромно одетые бледные, исхудалые от голода люди с посуровевшими за четыре года лицами. И вот в тишине зала зазвучал слабый голосок, который нес этим людям самое важное, самое необходимое, по чему они так истосковались и разуверились было в его существовании".

Юная поэтесса никого не собиралась удивлять и удивила всех, не помышляла о собственной оригинальности и оказалась в высшей степени оригинальной. Главным для нее были, говоря словами Тамаза Чиладзе, "поэзия жизненной простоты" и "величие обычных человеческих страстей".

В стихах Анны Каландадзе читатель прочитал свои собственные мысли и настроения, угаданные как бы с помощью волшебной силы и перенесенные на язык по-

эзии, обнаружил некую таинственность в однообразии своей повседневной жизни, как будто каждое мгновение было важно и требовало осмысления, приобретало налет неповторимости и непрерывности, стремясь к желанной остановке.

В грузинской поэзии появились новые персонажи. Иные из них до сих пор совершенно неизвестны, иные же как бы возвратились из долгого отпуска.

Избитые слова теряли статус всеобщей принадлежности, стремясь превратиться в частную собственность Анны Каландадзе: в нашем сознании независимо от нее уже не существует шелковицы и божьей коровки, цыганки и пляшущей змеи.

Неплохо, разумеется, когда творческий путь поэта (да и не только поэта) усыпан розами и напоминает гладко асфальтированную магистраль без опасных поворотов и постовых на перекрестках. Но такое вряд ли выпадает кому-либо, никто из творческих людей не застрахован от когтей кризиса, долговременного или кратковременного.

Предчувствие как будто не отпускало поэта. "Почему поник мой цветок? - вопрошала она. - Истомили меня несправедливо идущие по дороге? Нет! Грохочи, грохочи, небо, плени меня, отдай потоку!"¹

Но, оказывается, ожидался совсем иного рода поток. Сперва наступило молчание, а потом хлынул целый ряд официальных стихов, который не выдержала даже плотина искренней поэзии Анны Каландадзе. В произведениях, датированных началом пятидесятых годов, отдается откровенная дань времени. Прабда, удельный вес их в высоком поэтическом пространстве Анны весьма невелик, но дань есть дань, и она толкает к стандартизации. В мир вдохновенной простоты и непосредственности, в молитвенный шепот, согретый светом истинной

1. Здесь и далее переводы стихов подстрочные.

поэзии, неожиданно ворвались стереотипы, как сорняк в колышущиеся колосья. Оказывается, судьба суровачи к своим избранникам, ни одному творцу не удается избежать ее превратностей.

Безусловно, это не была амортизация души и сердца, самая страшная из всех амортизаций. Возможно и кризисом это не назовешь, но от правды никуда не уйти - налицо было торможение, спотыкание.

Когда отгремели пушки и читатель почувствовал острую необходимость в человеческой мысли и печали, отвоевавшей музе была дарована передышка, дабы она могла вздохнуть свободно. Но очень скоро бравая и громкозвучная песнь вновь была призвана в строй.

Тем не менее сказывалась инерция преодоления подъема в один прыжок. В 1953 году суровую зиму как будто озарило яркое солнце - было создано прекрасное стихотворение "Моя магнолия!", напоминающее непрограммное музыкальное произведение, способное вызвать к жизни любые ассоциации. Каждый читатель, вероятно, по-своему воспринимает его содержание. Кто, очарованный его мелодичностью, вспоминает о своей безответной любви, кто о неосуществленных желаниях, а может быть и о минуте счастья. А возможно кто-то слышит отчаянную тоску больного ностальгией человека:

*О, такой минуты, невозвратной, разве ты не знала?
Возвратится она, возвратится вновь, разве ты не
думаешь?*

*С нами опять любовь к прекрасным морям, прекрас-
ным горам,*

*О, как я стремлюсь к тебе, как стремлюсь к тебе,
моя магнолия!*

Но одно стихотворение, хотя бы и шедевр, погоды в творческой лаборатории поэта не делает. К счастью, угадывались добрые знаки преобразования жизни всей страны, когда и сорванному листу и бессердечному вет-

ру возвращалось право на существование, и вдохновляющим поэта явлением считались не только озаренные солнцем и цветущие окрестности.

Если проследить за хронологией стихов Анны, можно предположить, что в возрождении ее поэзии, наряду с другими факторами, благоприятную роль сыграл цикл пшав-хевсурских стихотворений, который удесятирил поэтическую энергию поэта и стал трамплином для выхода на новые творческие рубежи...

В критические моменты нашей истории, когда в долины приходила беда, горы немедленно протягивали руку помощи. "Мы же ваши братья по крови, плоти и вере, враг притесняет нас, помогите, стойкие вы сердцем" (Важа Пшавела) - так обратилась к горцам в середине XVII века замученная кызылбашами Кахети, и те не замедлили откликнуться на ее мольбу. Они спускались с гор, подобно бурливой Арагви, вливались в главную артерию страны, весьма нередко решая судьбу сражения.

Нередко горы поддерживали человека и духовно. "Жизнь загажена, и не одной гадостью, и тебя она коснется своими лапами, и чтоб не погрязнуть в затхлости ее, кликни нас как целителей, и мы исцелим тебя мгновенно" (Важа Пшавела).

Одно дело прочесть произведения Важа Пшавела, другое - своими глазами увидеть рай, где рождались и умирали его герои. Слушая рассказы горцев об их жизни, наблюдая за их жестами и мимикой, можно увидеть как бы воочию Алуду Кетелаури и Звиадаури.

Неизбежной была встреча поэта с горами. Она должна была подняться туда, где качнулась колыбель грузинской народной поэзии; где мать юноши, растерзанного тигром, хочет разделить горе с матерью тигра, убитого этим юношей; где слезы матери непрерывным дождем льются на ее дитя, ушедшее в мир иной; где в уста смерти вкладывают такой печальный монолог: "Знаю, я никому не нужна - кто приветит меня в пути?"

Только приду я в деревню, уже раздаётся плач, и я еду и заплачу, как сестра плачет над братом." Поэт должен был подняться туда, где, как говорил замечательный писатель Гурам Рчеулишвили, "поэзия безраздельно властвует над прозой".

В цикле пшавских стихов Анны Каландадзе проявилась лишь плоть наших гор: пейзажи, увиденные современным поэтом; Арагви, приревновавшая пшавскую женщину к роднику и молящая сесть на берегу и успокоить ее; стремление маленькой речушки к цветку. Но нигде нет перепева описанных Важа Пшавела картин природы. Пейзажи перебиваются лирическими отступлениями: "Последуй я сокровенному желанию, не прибегла бы к помощи разума, с тобою провела бы я свои дни, в твоём сердце возрадовалась бы... взвалила бы на спину мешок зерна, прошла бы дорогу до мельницы... и если бы хоть чем-то обидела тебя, как фазан, испустила бы дух".

Любовь к горам постепенно завладевает сердцем поэта. Она настолько покорена природой, что утверждает: "Я все же верю, души придут попить воды в Шуапхо", хотя в раю, как испокон веку известно, полным-полно источников и колышется множество тучных лугов, да и снежные горы имеются (одним словом, точная копия нашего мира), и все же она верит, что шуапхойцы, ушедшие в мир иной, будут тосковать именно по вкусу воды родной деревни.

Целый ряд стихов данного цикла носит документальный характер, как если бы мы читали стихотворный дневник путешествия. Знакомые для побывавших в Пшав-Хевсурети тропинки... знакомые топонимы... знакомые люди. "По Целтгза осторожно ступает лошадь". Целтгза - самый опасный участок Архотского перевала, кажущийся приезжим истинно чертовой дорогой. Узнаем мы и беспечно идущего из Архоти в Барисахо Кордзо и единственного учителя села Чимга - Хирчла.

В качестве эпиграфа к одному из стихотворений Ан-на Каландадзе предпослала хевсурское предание, со-гласно которому некто Габури, проживавший в Чимга, во время жатвы поймал черта и приручил его, но спустя какое-то время черт все-таки сбежал. А что происходит в Чимга сегодня? Куда подевались ее жители? "В чимгской скале живет черт, плачет он, ищет Габури". Сегодня же - на месте села Чимга - руины и один-единственный его житель - Хирчла.

Замысел стихотворения показать опустение и разорение хевсурских сел, которое обеспокоило самого черта - воплощен весьма эффективно: "В скалах Чимги зимует он, плачет, кидается камнями, ушел, снялся с места народ - никто его не слышит". Боль наших гор Анна Каландадзе передает в весьма оригинальном аспекте. Черт завладел теми местами, но он отнюдь не доволен, ему в тягость одиночество, он скучает по людям: "Страдает он, ищет Габури". Ни словом не обмолвился поэт о собственной боли, но и без того все ясно. Картина, данная в стихотворении, и без авторских деклараций трогает сердце читателя и заставляет его задуматься над проблемой гор - демографической проблемой, зазвучавшей на языке поэзии.

И еще впечатляющие картины Хевсурети: надпись на стене землянки в Шатили: "Слава поэзии!"; в Ахиэли опьяневший от пива Торгва откровенно признается поэтессе: "Каждый твой стих я знаю так, как форель в наших водах". С великой непосредственностью передается и разочарование того же Торгва, связанное с внешностью известной гостьи: "Я думал, драгоценными камнями украшена ты, женщина, свет на тебя небесный нисходит... А ты оказалась чернушкой, и венца на тебе я не вижу".

Но все отмеченное выше скорее плоть гор, нежели их дух, который вот-вот должен возникнуть, и не вычитанный в книгах, а пережитый и осмысленный поэтом на

основе собственных впечатлений. В этом отношении интересно стихотворение "Бабушке - Леле Циклаури".
" - За что ты хвалишь, бабушка, ингушей? Их силу, мужество и дерзость? Они усеяли землю костями хевсуров. - Что ты мелешь, женщина, где найти еще таких смельчаков!

- В Амга перебили они наших молодцев, и в Ахиэла убили немало... - Что ты мелешь, женщина, где найти еще таких смельчаков!

- Не знаю... не знаю... ну, Бог с тобой".

Вот это и есть горский дух. Устами старой хевсурки горы говорят о своем мироощущении гостю из Тбилиси.

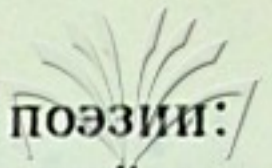
Этот краткий и вопрошающе-наивный диалог свидетельствует о многом.

Известный грузинский писатель-эмигрант Григол Робакидзе писал:

"Однажды в 1917 году в беседе со мной Павлэ Ингорква сказал: пшав-хевсурский диалект - это архаический грузинский, но никак не провинциальный. Я бы уточнил: древнейший пласт грузинского сохранился в горах и жив по сей день".

Можно утверждать, что в горах сохранился не только архаический грузинский язык, но и не менее значительный феномен - архаический грузинский дух, "гордый дух свободы", который был пронесен сквозь бури и потопаы и, как драгоценное сокровище, укрыт в горах.

Этот архаический дух - как утраченная мечта, как неясное воспоминание детства, порой отчетливо напоминающее о себе благодаря книгам, как почти забытый мир, открывший нам давно прошедшее. Одна из его изумительных граней - безграничное человеколюбие. Важа Пшавела в своих поэмах воскресил этот архаический дух. Он вложил в уста Алуды Кетелаури удивительные слова: "Скажем мы, только ли мы дети Божьи, только ли нас растят матери..."

Этот архаический дух сквозит и в народной поэзии:

"Может быть мать тигра плачет горше меня, пойду-ка и я к ней, разделю с ней ее горе..."

Не имеет решающего значения, когда созданы эти строки - в далеком прошлом или вчера. Главное - они созданы в горах и, похоже, это единственное место, где они могли появиться, ибо именно в горах сохранился архаический, рыцарский дух, присущий древней Грузии и родственной христианской идее терпимости.

Грузинский летописец XIV века, вскормленный на принципах христианского учения, характеризовал заклятого врага Грузии, потопившего ее в крови, недоброй памяти Джелал-ад-дина следующим образом: "Муж храбрый и добродетельный, предприимчивый, бесстрашный - будто бесплотный, своим могуществом видный, в битвах бесподобный".

Перу того же автора принадлежит картина страшного разорения Джелал-ад-дином Тбилиси: реки крови, вопли и причитания, акты осквернения чести христиан, и наконец - заключительная фраза: "И такие беды сотворили, о которых никто никогда не слышал".

Разве не удивительно, что человек, принесший эти беды, характеризуется Летописцем такими уважительными эпитетами? Вероятно это и есть христианская добродетель ("возлюби врага своего"), соединенная с благородным архаическим духом, духом, который с такой силой проявляет Летописец нашей обессиленной физически и морально страны и который чудом избежал вырождения. Ему и в голову не приходит осыпать ругательствами врага, разорившего его родину. Летописцу, наверное, было известно и то, что преследуемый монголами Хорезм-шах, несмотря на свои прегрешения и ошибки, был, пожалуй, единственной личностью на тогдашнем Востоке или Западе, способной противостоять все сильным монголам и хотя бы на время остановить лавину, тронувшуюся со степей Центральной Азии. Знал, на-

верное, и то, что "лев среди львов", "самый отважный среди смельчаков всадников", как называли Джелал-аддина, отличался рыцарским духом и готов был схватиться и с менее титулованными противниками ("Но как можно не сражаться с тем, кто хочет сражаться? И что у меня за причина отказываться, если меня зовут?").

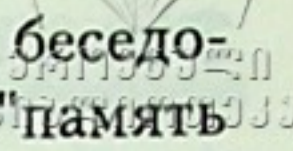
А вот как сообщает Летописец о гибели Джелал аддина: "И был убит славный, доблестный государь, чья переменчивая судьба свидетельствует о тщете этой жизни, как говорит нам мудрый Екклесиаст, "суета сует - все суета", все оказалось тщетным - и войска, и дух непоколебимый, и непомерное богатство".

А чем отличался от внешнего врага жестокий феодал Зураб Арагвский Эристави, разве меньше бед принес он своим соотечественникам? Но в народной поэзии имя этого заклятого врага горцев, одержимого идеей их порабощения, упоминается с почтением и уважением: "Где бы ты ни воевал, везде побеждал", "Когда же родится равный Зурабу воин и властелин..."

Приведу еще одно стихотворение Анны Каландадзе, показывающее, как в ее творчестве отразилась встреча с горами. В стихотворении, посвященном Шамилю, мы читаем: "Сколько слез ты заставил меня пролить: дома мои разрушал, сжигал... Перед тобой, неусыпным врагом... склонила быя голову... И славил твоё мужество, отмечая вражду, рожденный свободой, свободу ты защищал! Нерукотворный шлем ты надевал, в нерукотворную кольчугу облачался... Клянусь небом моей Грузии, я простила бы тебе все!"

И тут мы слышим переключку с неумирающими традициями гор.

Известный грузинский этнограф нашего столетия Серги Макалатиа отмечал, что в покорении Дагестана и пленении Шамиля активную роль сыграли тушинцы. Шамиль оставил глубокий след в прошлом Тушети, что нашло соответствующее отражение в народных стихах и

преданиях. Серги Макалатиа довелось видеть и беседовать с современниками Шамиля. По его словам, "память о Шамиле, его героической деятельности еще не умерла в народе, его имя тушинцы всегда поминают хвалой".

Два вышеприведенных стихотворения Анны Каландадзе не относятся к числу созданных ею шедевров и в определенном смысле выпадают из основного русла ее творчества. Но что весьма интересно и показательное - это отражение сохранившегося в горах архаического духа в современной грузинской поэзии.

Наш век - век тотальных войн и беспримерной конфронтации государств, попрания этических идеалов и принципов человеколюбия, когда духовная деградация, озлобление человека против человека, недоверие и беспощадность проявляются в изощренных формах. В таких условиях необходимы как хлеб насущный, как воздух та доброта, тот рыцарский дух, которые, как реликты, сохранились в горах и заявляют о себе со страниц истории Грузии и лучших произведений грузинской литературы.

И поэт никогда не забудет того, о чем поведали ему горы. Не всем дано это услышать, а кто слышит - не всегда верит им, поскольку не верит в красоту. Но Анна Каландадзе с первых же своих шагов была причислена к лику избранных и такой остается в сознании грузинского читателя, чистой и щедрой, как воспетое ею грузинское небо...

НЕТУСКНЕЮЩИЙ ОБРАЗ

*Штрихи к литературному портрету
Георгия Маргвелашвили*

Имя Георгия Маргвелашвили дорого нам не только благодаря тому значительному вкладу, который он внес в исследование, перевод и популяризацию грузинской литературы. Георгий Маргвелашвили был не просто членом нашей редколлегии, но неизменным членом нашей "редакционной семьи", неизменным нашим автором - умножающим хлопоты редакторов и радость читателей. Гия приходил в редакцию не только с новыми идеями, рубриками и статьями, он постоянно знакомил нас со своими открытиями - новыми людьми, стихами, переводами... Он приносил в редакционную повседневность ту восторженность и легкость, которой так недостает нам в нашей многотрудной жизни.

Теперь, много лет спустя, мы со смешанным чувством горечи и умиления вспоминаем фильм Отара Иоселиани "Жил певчий дрозд". Многое из того, что уже растеряно или все еще теряется - будь то наши общие надежды или иллюзии, снисходительность или доверительность, духовный аристократизм или рыцарский кодекс, - все это, увы, сохранилось преимущественно лишь в фильмах, книгах и в нашей памяти, конечно же...

Символично, что одна из мизансцен этого фильма донесла до нас кинопортрет негодующего, крикливого, но на редкость добродушного инспектора оркестра - Георгия Маргвелашвили.

Сейчас, уже после его смерти, думается, что Гия (так звали его все - от мала до велика, и в это обращение вкладывалось скорее тепло, чем фамильярность) всю свою жизнь играл эту роль, вот только оркестранты были другие. А если быть более точным - не играл, а на самом деле был таким: в разговоре о его кумирах нельзя было произнести слово "но", а если такое случилось, разъяренного Гию могло успокоить лишь чисто-сердечное признание, что ваши минутные сомнения в достоинствах того или иного стихотворения (перевода, романа, балетного спектакля и т.д.) досадное недоразумение и что в будущем вам и в голову не придет подобная мысль. Его пантеон лишь частично совпадал с официальными антологиями, так как чтобы попасть туда, мало было одного таланта, требовалось еще и дружеское расположение Гию. А поскольку дружба прочно скрепляла стены этой цитадели, его кумирам ничего не угрожало - Гия не просто любил тех, о ком писал, - он был влюблен в них, и это чувство первой влюбленности, восторга, какого-то юношеского романтизма придавало особый оттенок и очарование не только его отношениям с этими людьми, но и его лучшим строкам, его литературным оценкам и находкам, всей его жизни.

Гия умудрялся одновременно дружить с Георгием Леонидзе и Симоном Чиковани - а это было отнюдь не просто. "Гогла и Симон" - а в Гиюной последовательности - "Симон и Гогла" - произносились с какой-то особой интонацией, в которой чувствовалось и безграничное уважение, и восторг, и дружеская преданность... Он досконально знал их поэзию и, кстати, не только то, что увидело свет. В его статьях вы встретите блестящие образцы из неизданных тетрадей Леонидзе. Кстати, над составлением сборника стихотворений Георгия Леонидзе на русском языке Гия работал до последних дней своей жизни.

Еще одним кумиром Георгия Маргвелашвили был Павле Ингороква - я бы не сказал притесняемый и поимый, но все же явно отлученный от авансцены, годами предаваемый забвению, в общем, каким-то образом не попавший в колею этой жизни.

Гия, в целом восторженная и легковерная натура, оказался идеальным слушателем и помощником анахорета Павле Ингороква, чье воображение на склоне дней с необузданностью гения рождало каскад парадоксальных идей - от воссоздания древнегрузинской нотной азбуки до грузинско-хеттских параллелей. (В связи с этим вспоминается статья Георгия Маргвелашвили в журнале "Курьер ЮНЕСКО".)

Сейчас, когда Гии уже нет с нами, все более остро чувствуется, как необходим подобный тип человека в нашей писательской, литературной среде: с внутренней искрой, воспламеняющийся, в какой-то момент предпочитающий довериться интуиции, а не академическим аргументам, своей дружеской пристрастностью и безмерной похвалой вселяющий надежду и уверенность в смятенную душу...

Однако, вернемся к "пантеону" Гии Маргвелашвили: одна из его статей, написанная в 1968 году, озаглавлена так - "Попытка критического триптиха: 1. Арчил Сулакаури. 2. Отар Чиладзе. 3. Нодар Думбадзе". Соседство этих имен здесь, конечно же, не случайно. Что касается последовательности, то, какой бы условной ни была эта нумерация, она, на мой взгляд, возможно и подсознательно, отражала протяженность "дружеского стажа" героев "триптиха" с Гией Маргвелашвили.

История дружбы Арчила Сулакаури с Гией для нас, его младших коллег, относилась к тем "табуированным" сюжетам, вера в абсолютную достоверность которых являлась гарантом нашей дальнейшей с ним дружбы. Здесь были довольно строгие правила: естественно, никому бы не пришло в голову спорить с Гией по поводу

Галактиона или Тициана Табидзе, Пастернака или Мандельштама, но нельзя было, скажем, усомниться в достоинствах переводов Беллы Ахмадулиной или же Владимира Леоновича, балетной постановки Вахтанга Чабукяни. Поблудневший от гнева Гия способен был растерзать вас. Сейчас, спустя годы, можно сказать, что самым милым, самым искренним и непосредственным он бывал именно в такие минуты...

Я упомянул Галактиона Табидзе... Старшие из Гииных товарищей в свое время читали и помнили, а младшие знали, скорее понаслышке, что Гия как-то несправедливо обидел Галактиона за несколько лет до его смерти - статьей в журнале "Мнатоби". Я, конечно же, мог бы обойти эту тему, но, думаю, именно Георгий Маргвелашвили не нуждается в подобном фарисействе. И не только потому, что все последующие тридцать лет его жизни в значительнейшей мере были посвящены совершенствованию переводов и популяризации поэзии Галактиона; скорее потому, что в характере Гии, в его творчестве, да и вообще во всем его существе что-то изменилось - победило то доброе и справедливое начало, которое обычно так глубоко бывает запрятано движимой сиюминутными соображениями, страстями и интересами жизнью...

При всех непостоянствах Гиинового характера была у него одна неизменная черта, константа, унаследованная от родителей, не растерянная в юности, а впоследствии воспринимаемая уже основным стержнем его натуры - это была уникальная способность дружить с людьми, невзирая ни на какие возрастные, социальные и национальные барьеры. Казалось бы он произвольно олицетворял собой ту черту героя его любимейшего романа "Доктора Живаго", которую Борис Пастернак назвал "аристократическим чувством равенства со всеми живущими на свете".

Если в разговоре Гия упоминал "Шуру" или "Додика", то надо было знать, что речь идет о его давнишних друзьях - поэте Александре Цыбулевском и фотомастере Давиде Давыдове. Тбилисские писатели, пишущие на русском языке, постоянно ощущали его внимание, а его публикации в "Литературной Грузии" под рубрикой "Свидетельствует вещий знак" стали добрым напутствием для целой плеяды молодых поэтов и переводчиков как в самой Грузии, так и в России. Многие из этих молодых в дальнейшем стали верными друзьями и популяризаторами грузинской литературы.

В те годы я был членом редколлегии журнала и хорошо помню, где только не выписывали тогдашнюю "Литературную Грузию", откуда только не приходили письма с просьбами выслать хотя бы один экземпляр журнала. Одних интересовала рубрика "Свидетельствует вещий знак", других - переписка Пастернака с грузинскими писателями, третьих - публикация запрещенных ранее стихотворений Мандельштама... Всего не перечесть.

Я был непосредственным свидетелем и того, какие баталии приходилось выносить из-за этих материалов Гие вместе с редакторами журнала - сперва с Георгием Цицишвили, а затем уже с Гурамом Асатиани; помню его вояж с Георгием Цицишвили в Москву, куда в идеологический отдел тогдашнего Центрального Комитета вызвали их на ковер по поводу пастернаковской публикации.

Я был свидетелем и того, как удивлял Гия наших русских коллег своей эрудицией, редким знанием и постижением русской поэзии, прозы, живописи. Наши гости знали, что их собеседник является автором целого цикла статей о русской поэзии (позднее объединенных в книгу) - о Пушкине и Лермонтове, Блоке и Маяковском, Цветаевой и Мандельштаме, Пастернаке и Заболоцком, Межирове и Ахмадулиной, Евтушенко и Ле-

оновиче, в которых внимательно и бережно прослежена грузинская тема. Гия принимал посильное участие в отборе и совершенствовании переводов грузинской поэзии и, наконец, в свою очередь, издал отдельным сборником собственные переводы современных русских поэтов на грузинский язык. Этим, однако, не исчерпывалось проявление его универсального таланта: в изданных по инициативе и под редакцией Гии сборниках Акакия Церетели или же Галактиона Табидзе на русском языке немало переводов самого составителя, и невольно думается, дай Бог каждому русскому читателю этих переводов так же тонко чувствовать плоть и стихию родного языка, как этому чистокровному грузину.

В связи с "русофильством" Гии не могу не припомнить один эпизод: сидим мы с ним как-то в кабинете главного редактора "Литературной Грузии" и ждем Гурама Асатиани. (Гурам, классическая "сова", несмотря ни на какие предварительные уговоры, как правило, всегда являлся не раньше чем к часу дня). Сидим, говорим о том, о сем. Бывает ведь брякнешь что-то, так, наобум, сдуру, потом сам же и пожалеешь... Со мной так и случилось: - Да брось ты возиться со своим "Вещим знаком", - говорю, - пусть в "Юности" печатают...

(Папка с будущей публикацией была у него при себе.) Гия вспылал, рассвирепел, обругал меня как мог. Потом, поняв, что за моими словами не кроется ни злого умысла, ни издевки и даже тени антипатии к его "питомцам", поостыл и прочел целую тираду (насколько сейчас понимаю - весьма целенаправленную) по поводу того, что у каждого критика, литератора должно быть свое амплуа. - Знаешь ли ты, - доказывал он мне, - что одна из причин, обусловивших интерес к грузинской поэзии во всем мире - это переводы Пастернака, Цветаевой, Заболоцкого? Если я сегодня не напишу рецензию на ту или иную книгу, это сделает кто-то другой (он перечислил несколько имен) не хуже, а может быть и лучше меня. Но вряд ли кто-либо сделает лучше меня то

дело, которым я занимаюсь (тут он ткнул пальцем в папку с "Вещим знаком"), и, когда хотя бы один из десяти этих поэтов станет хорошим переводчиком (то , что все десять - прекрасные поэты, было аксиомой) и станет переводить опять-таки грузинскую поэзию, тогда ты вспомнишь меня.

Вот и вспоминаю... И не только тогда, когда читаю стихи и переводы Гииных "питомцев"; вспоминаю, когда смотрю на его книги и фотографии; вспоминаю пору нашей начавшейся "разновозрастной" дружбы и, как одно из ее проявлений, наши "тайные отлучки" из Института грузинской литературы в близлежащее, увы, уже не существующее кафе "Метро", где хозяйничала бескорыстная поклонница и кредитор Гиин красивая ассирийка Джуна. Да, именно та Джуна Давиташвили, которая тогда еще не открыла в себе таланта экстрасенса. Для того, чтобы почувствовать Гиино обаяние, которым была очарована Джуна, не надо было быть экстрасенсом: Гия относился к официантке с такой же рыцарской галантностью как и к прославленной поэтессе. (Кстати, чем больше он пил, тем галантнее становился; обычно, увы, бывает наоборот). В его характере не было и капли снобизма. Поэтому-то и привлекал он к себе совершенно разных людей. Этот магнетизм Гиин, вообще, весь набор его черт кажутся мне чисто тбилисским феноменом. Скажу больше: в том, что в критические для Грузии дни у нас не возник "Интерфронт", решающую роль сыграли люди, подобные Гие Маргвелашвили, - их толерантность, сохранившиеся в них исконно грузинские черты. (Боюсь, как бы в будущем нам не пришлось искать и воссоздавать эти качества так же, как и исчезающие древние виды грузинской пшеницы и винограда.)

Георгий Маргвелашвили скончался 8 февраля 1989 года. Если только смерть может принести покой и отраду, эта добрая душа должна быть покойна и счастлива: покидая этот мир, он не успел разочароваться в своих надеждах и иллюзиях.

Виктор Серж

От переводчика

Виктор Серж - французский писатель русского происхождения /Кибальчич/. Принимал активное участие в русских революциях сначала в стане анархии, затем на платформе левого коммунизма, не переставая при этом писать и публиковать в Париже свои романы и памфлеты, навеянные бурными событиями тех лет.

В период антитроцкистской кампании был репрессирован и с 1933 по 1936 находился в строгой изоляции на Урале. Под влиянием протестов западной интеллигенции лично Сталину распорядился выслать Кибальчича-Сержа за пределы страны.

Не отрекаясь от Иден, писатель воюет в Испании, затем направляется в Мексику, где, рядом с Л.Д. Троцким, агитирует за Революцию "подлинную". Здесь же и умирает в 1947 году.

Виктор Серж объездил всю нашу "шестую часть земли". В разное время бывал он и в Грузии, о чем свидетельствуют нижеследующие верлибры.

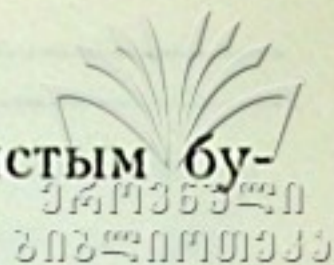
Думаю, им найдется место в богатой антологии стихов и прозы, посвященных грузинской столице.

თიფლისე

Курдианки в красных юбках, ослики, пегляющие по улочке к Майдану, внезапные краски, их сон фантастический и их пробуждение в вихристых арабесках базара;

бронзовые ожерелья на шеях маленьких дикарок, маленьких татарок, продающих гнилой виноград и перец кусачий;

пар из подземелья раскаленных вод
для бани Орбельяни: дашь три рубля, чистым бу-
дешь...

Пара коротконогих быков, лохматых и упрямых, се-
рыми рогами врезается в толпу,
терпеливо протаскивая скрипучую арбу времен Та-
мерлана.

Правит быками мужчина в груботканной одежде, та-
кой же лохматый, такой же упрямый, из Мингрелии ро-
дом;

он только тем от них отличается, что может напеть
стихи Руставели.

Голубая мечеть Шах Аббаса покрыта лучистым фа-
янсом.

Незнакомый пленник проходил здесь легкой поход-
кой, в окружении обнаженных сабель
и ведомый невидимой надеждой.

Его сандали пыль ворошили, будто весла, погру-
женные в пену морского прибоя.

Квадратные окна Метехи-тюрьмы, лики земные,
вплотную приближенные к небу

/как будто/,

могли видеть, как он уходил,
уходил и возвращался.

Грузинские могилы у монастыря Святого Давида
расположены на стыке присутствия и пустоты,

эти алебастровые плиты телесного цвета пропускают
через себя столько свежей плоти, что невольно пове-
ришь в вечную жизнь,

когда стираются имя, лицо, боль и само воспомина-
ние о жизни земной...

С вершины горы Давида я видел ледники Эльбруса,
Казбека, а дальше - еще более льдистые и более про-
зрачные -

Арарат, Памир, Эверест, Анды, а дальше - еще бо-
лее льдистые и более прозрачные -

над зеленой землей слегка оттененные реальнейшие
из гор:

горы безымянные, единственно необходимые душе
континенты...

О, вы, абсолюты пустынь, о, вы - плодоносные кон-
тиненты согласия и отречения!

1935

СМЕРТЬ В ТИФЛИСЕ

Ах, зачем он выпил столько имеретинского вина,
этот денежный мешок, приехавший из Кутаиса
со своим старым сердцем, перетоптанным,
словно ковер курдистанский,
на котором столько торговали, судили-рядили, пля-
сали,

требуя обещанья, нанося ножевые раны,

он,

столь бедно любимый, столь тяжело уснувший?..

Ах, зачем ему понадобилась девушка эта,

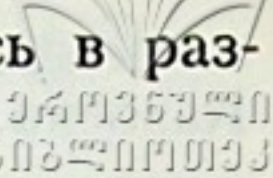
пронзительная песня которой

лгала, как вся его жизнь,

обольщала, как все ночи его?..

Ведь желал же он упасть в звездное море,

в Млечный Путь, в Андромеду, в Плеяды!..

Упасть, погружаясь в сиянье, превращаясь в раз-
рыв, в блик, в покой,
но упал он всей тяжестью тела в боль и в могилу
через узкое окно, с высоты тридцати метров...
Фосфорирующие воды пенились под влажными не-
бесами,
промывая раны его, пронося разбитое тело.
Но утром
Тамары белье полоскали на берегах Куры.
У этих влюбленных со взглядом невинным были
гибкие руки, больше
водою обласканные, чем любовью.
И всплывал убиенный прямо из их зрачков, так как
им показалось,
что с ним они знакомы, никогда раньше не видя его.
Не любя, они поплакали над ним,
в землю схоронили, улыбаясь живым,
и тут же забыли о нем.

1935

Перевод Гиви Орагвелидзе

Галина Павловская

... Уроженка Тбилиси, выпускница филологического факультета Тбилисского государственного университета, молодой девушкой прошла она суровыми дорогами Великой Отечественной войны. Отвоевав, вернулась в родной город. С тех пор почти до конца работала - сотрудничала в газетах "Заря Востока", "Вечерний Тбилиси", в издательствах - Совмина Грузии, "Самшобло", "Сакартвело" и потом уже - в "Литературной Грузии".

Стихи Галина писала с юности, печатала - только переводы. А переводила много: из грузинской поэзии - Н. Бараташвили, И. Гришашвили, И. Абашидзе, И. Нонешвили, Макв. Мревлишвили и других. Переводила также с армянского и осетинского. Ее переводы вошли во многие альманахи и поэтические сборники, публиковались в периодике.

Под конец она собрала-таки книгу собственных стихов. Объемистую рукопись (вернее-машинопись) читали лишь несколько ее коллег, в том числе и я. Издать книгу не удалось - в Грузии начинались трудные, сумбурные времена...

Предлагаемая публикация, к сожалению, посмертная, - скромная дань таланту Галины Павловской и знак памяти о ней - прекрасном человеке, тонком, деликатном, благородном.

Камилла Коринтэли

НИКТО, НИКТО НЕ ВИНОВАТ...

Любовь является нежданно,
как туча в небе голубом,
и мучит сердце неустанно
испепеляющим огнем.

Одним сулит она сшибки,
другим - лазоревые сны;
иным - лучистые улыбки
обворожительной Весны.

А на иных она бросает

лишь мимолетный нежный взгляд...

Что ж, если чувство исчезает,
никто, никто не виноват.

Любовь капризна и беспечна,
ее не трогает печаль,

ей не знакомо слово "вечно"
и не понятно слово "жаль".

И если вдруг, избрав мгновенье,
она задумает уйти,

она уйдет без сожаленья,
не обернувшись на пути.

Пусть плачет тот, кто вспоминает
ее короткий, светлый взгляд...

Что ж, если чувство исчезает,
никто, никто не виноват.

1941

ВЕСНА

Весна, весна! Сдержи свое дыханье
в веселом ветре солнечного дня!

Не пробуждай надежды и желанья,
так много раз пьянившие меня!

Чего мне ждать? Изведанных волнений?

Повторных грез? Испытанных тревог?

Но кто уймёт печаль моих сомнений?

Ведь лучший друг унять ее не мог...

Хочу любить без дум и без искусства,

но кто вернет мне сладость первых встреч?

Кто сбережет святую свежесть чувства?

Ведь лучший друг не смог ее сберечь...

Что мне заменит прежнее горенье

в потухших недрах сердца моего?

И кто мне даст желанное забвенье?

Ведь лучший друг не мог мне дать его...

1943

ДВА СЕРДЦА ПЫЛАЮТ В ГРУДИ У МЕНЯ...

ՀԱՐՈՅԵՅԱՆ
ՆՈՅՆՈՐՈՒՅՅ

Два сердца пылают в груди у меня,
и в каждом - свои огорченья.
Одно пламенеет в объятьях огня,
другое - в тисках сожаленья.
Одно изнывает от страстной любви,
живет в ожиданьи свиданья;
его омывают приливы в крови
и вечно терзают желанья.
Другое волнует понятие "жаль"
и гордое слово "свобода";
его постоянно сжимает печаль
и мучит борьба без исхода.
И каждое сердце отдельно болит,
и в каждом особые грезы,
тревоги и отзвуки тайных обид,
сомненья и поздние слезы.
О, как они бьются во мраке ночей!
И оба так жаждут участия,
и - оба так ждут хоть случайных лучей
далекого, чуждого счастья!

1943

Переводы

Мариджан

ЗЕРКАЛО

Помню свадебный вечер,
мерцанье расширенных глаз.
Голос матери: "Дочь,
с этим зеркалом будь осторожна.
Есть в народе примета -
она подтверждалась не раз -

если зеркало бьется,
беды миновать невозможно".
Ты удвоило, зеркало,
блеск лучезарной мечты,
отразило глаза -
молодые, живые, задорные,
подвенечное платье
и облако легкой фаты.
Помню - все было белым,
а волосы - черные-черные.
Шли года, чередуясь.
Полвека уже позади!
Я пытаюсь понять,
не напрасно ль истрачена сила.
Разбивались надежды,
бывали ошибки в пути.
Разбивалось и сердце,
но зеркало я сохранила.
Что ж не скрыло оно
отпечатков промчавшихся лет!
Где сияющий взгляд?
Где порывы, мечты мои смелые?
Разве это не больно -
в холодном, но верном стекле
видеть черное платье,
и волосы - белые-белые!

Иосиф Гришашвили

СОСТАРИЛСЯ? НЕТ!

Когда-то, спасаясь от бед и тоски,
узнал я любовь огневую.

Промчались года, поседели виски.

Но, как прежде, люблю я!

*Состарился? Нет! Аромат у стихов
теперь и нежней, и острее.*

Поэта всю жизнь окрыляет любовь.

А любовь не стареет!

Кто омут метехский сумеет смирить?

Кто сдержит бегущие годы?

*Нет, сердце не может любовь укротить,
как Кура - свои воды.*

Но если когда-нибудь стану и я

как дерево с высохшей кроной,

расстаться с тобой, дорогая моя,

не смогу я без стога!

Состарился? Нет! Аромат у стихов

с годами - нежнее, острее...

Поэта всегда вдохновляет любовь -

а любовь не стареет!

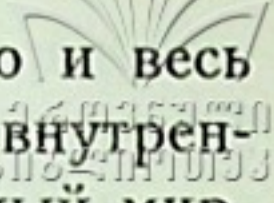
ნოდარ ნატაძე

СОВРЕМЕННЫЙ СМЫСЛ НЕКОТОРЫХ АНТИЧНЫХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Известное положение античности гласит: прекрасное в данном предмете есть его форма, т.е. тот факт, что составляющая его материя, чистая неопределенность, обрела некоторую определенность, исходящую, по неоплатонизму, от Единого. Степень красоты предмета зависит от степени превалирования в нем формы над материей, его близости к Единому. Так, например, в применении к человеческому лицу это значит, что в его чертах мы созерцаем некоторую отдаленность от состояния полной энтропии, т.е. состояние наименее вероятное по чисто статистическим законам. Мы непосредственно созерцаем, более того, ощущаем то, что за неимением лучшего слова можно назвать "чистой черт" она представляется нам прекрасной. Попыткой интерпретации этого факта в терминах и в рамках традиционного неоплатонического гилеморфизма и является упомянутая концепция, безусловно верная, если оставаться в пределах примененного ею понятийного аппарата. Но спрашивается: речь идет об отдалении от состояния энтропии в **каком** направлении? **Какая** именно организация, **какая** именно определенность - а не определенность, как таковая, независимо от ее содержатель-

ных характеристик, - представляется нам прекрасной? Для неоплатоника ответ прост: Единым однозначно определено, - правда, без усилий воли, ибо таковая ^{УАТЮБЮЭИ} ^{ВНЕМ} не подразумевается, - направление оформления материи, нас же эта форма влечет потому, что мы изначально наделены стремлением к Единому, роль которого мы чувствуем за этой формой. Однако как ответить на этот вопрос, если не придерживаться неоплатоновской онтологии? Видимо, ответ один: формой, т.е. отдалением от энтропии, - притом отдалением именно в том направлении, которое нас волнует и нам нравится, - мы воспринимаем осмысленность этих черт, превалирование в них духа над материей, личности над организмом. Человеческое лицо в нашем восприятии красиво прежде всего тогда, когда мы непосредственно ощущаем, что над его чертами властвует некий иррационально воспринимаемый центр этого чужого Я, т.е. что состояние данной части человеческого лица (сморщенное ли, сдвинутое ли...) **не нейтрально** по отношению к функционированию или воле этого центра, а определено им, и, следовательно, имеет **смысл**. Лицо есть не просто плоть, существующая независимо от внутренней жизни субъекта и сама по себе, а, так сказать, орган его субъективности. Если непосредственное впечатление нам подсказывает, что данная черта лица неспособна меняться в зависимости от внутренней жизни, мы считаем ее плоской, невыразительной, а лицо не считаем красивым. Так что в "чистоте" черт, видимо, имеется высокая степень их подчиненности этому внутреннему функционированию, принципиальная возможность их изменения в зависимости от последнего. Конечно, в этом восприятии нами руководит сознание некоторой **нормы** - мы не требуем выразительности от частей лица, вообще не меняющихся.

Но что называть смыслом, который способны носить черты лица или, вообще, физический облик человека? Конечно, это не только определенное **содержание** его

мыслей (т.е. его теоретического сознания), но и весь бесконечно дифференцированный спектр его внутренней жизни, - его, так сказать, экзистенциальный мир, вплоть до физических ощущений и стремлений. Например, совершенно непосредственное эстетическое впечатление производит читаемое в лице, в строении и движениях тела наличие ярко выраженного пола и прочих определяемых этим последним многогранных характеристик (женственность, как таковая, и т.д.), скажем, готовности данной личности, так сказать, быть нам всесторонне интересной романтической партнершей. Этот же самый пример нам может служить иллюстрацией, так сказать, потребительского момента в привлеченности зрелищем, который, заметим кстати, вряд ли следует принципиально исключить из эстетического отношения к объекту вообще. В нем сублимировано, схематически говоря, стремление к овладению объектом. Однако это не единственное стремление, возбуждаемое последним. В наслаждении прекрасным объектом может стимулироваться и, схематически выражаясь, стремление к уподоблению ему. Например, нас влечет и эстетически впечатляет выраженная в лице динамичность, сила, юность и т.д. - черты, являющиеся в наших глазах ценностями для их носителей. То же самое можно сказать и о степени осмысленности, т.е. преобладании субъекта над организмом, о котором мы говорили выше. Это преобладание - также ценность, поскольку оно есть предмет одного из наших самых мощных - осознанных ли или неосознанных, - стремлений: ведь мое Я - это не мой организм, а моя субъективность, иррациональная по природе, которая им владеет. Поэтому я и жажду максимального превалирования первой над последним и переживаю непосредственную радость (т.е. воспринимаю красоту) при виде такого превалирования в других.

Конечно, выразительны подчас и полностью неподвижные черты лица ("волевой подбородок" и т.п.) В

данном случае их выразительность основана либо на неосознанно воспринимаемой специфичности данной черты для людей определенного склада (т.е. на индивидуальном "выводе"), либо же (и это главное) - на физиогномике, на непосредственном "считывании" значения этой черты, как (опять-таки) дифференциального признака людей с определенным строем духа.

Все сказанное выше можно охарактеризовать как суждение о **динамических** моментах эстетического восприятия, т.е. о таких, где источником наслаждения является **удовлетворение** некоторого данного во мне априорного стремления. Есть ли в нем также и чисто статистические моменты, т.е. моменты наслаждения, которое не содержит, как свой компонент, удовлетворение того или иного заранее данного стремления, а определено исключительно характером самого объекта? Здесь, надо полагать, речь может идти лишь о следующем моменте: при всем том, что отмечалось выше, все же существует некоторая чистота черт человеческого тела, и прежде всего лица в его **собственном смысле**, т.е. без **содержательной** определенности, без того, что мы выше назвали смыслом. Есть некий идеал формы (точнее - идеалы формы), в котором источником наслаждения для нас является его чистое, никак не усложненное и не разбавленное смыслом созерцание. В очертаниях лба, висков, скул Нефертити, в чистоте линии ее щек нас влечет не только ими выражаемые юность и нетронутость (последняя, как известно, иллюзорна), и не только, скажем, геометрическая идеальность этих очертаний, которая нас услаждает, например, в архитектурных и прочих пропорциях, в консонансах вместо диссонансов и т.д, а нечто большее. Мы созерцаем в них, видимо, некоторый априорно живущий в нас идеал человеческого строения, совершенно непосредственно и иррационально различая то, что может быть лишним, от того, что не может быть им, и видя отсутствие первого.

Идеал человеческого строения, конечно, имеет не один лишь возможный вариант (один тип лица...), а множество. Здесь дело обстоит так же, как при физиогномике, когда грудной ребенок, на которого еще никто не сердился, **понимает** и улыбку и насупленные брови (Мерло-Понти). В данном случае, в отличие от физиогномики, мы созерцаем (наслаждаясь) не смысл (т.е. содержание выражения) и не форму как таковую лишь в геометрическом значении слова, а форму как такую определенность, за которой раскрывается целый горизонт (в гуссерлевом значении термина) ее потенциальных значений: то, что это - лицо, что оно женское, что эта женщина - носительница таких-то функций и т.д. Так что форма, в данном случае, действительно равняется, как полагали в античности, сущности предмета. Только, конечно, в наш субъективистский век форма эта может пониматься не просто как структура во всеоружии своих отличий от состояния абсолютной энтропии, а как сущность с чем-то интересной для меня точки зрения, как определенность в тех параметрах, которые для меня - сознательно, либо бессознательно, - важны. Таким образом, мы вправе говорить не только о физиогномике, о непосредственном созерцании в образе природы предмета, - но и об эйдетогномике, о созерцании его сущности, самой его **идеи**. В этом состоит, надо полагать, глубокая и вечная истина античного подхода к проблеме. Откуда берется этот живущий в нас "эйдос", узнаваемый нами в прекрасном предмете, т.е. каков его онтологический статус, об этом, конечно, мы можем лишь гадать, тем самым покидая почву феноменологии и ударяясь в самую предосудительную метафизику. С одной стороны, можно полагать, что он не более как результат оседания в нашем сознании того общего и существенного, которое повторяется с регулярностью во всех виденных нами и нашими предками **человеческих существах**. (Это крайний и, надо полагать, ничем не оп-

равданный эмпиризм). С другой стороны, это — выражение некой данной в нас потенции развития и раскрытия как нас самих, так и внешнего мира, который для нас — вечный партнер и контрагент, включая, конечно, и других людей как составных частей этого внешнего мира. Чистое осуществление этой потенции и есть то, что нам доставляет наслаждение. Для женщины, схематически говоря, Нефертити — это чистая, т.е. без примеси несущественных характеристик, реализация дремлющей в ее биологии и психологии потенции. Это то, чем ей хотелось бы — на каком-то уровне ее подсознания и предсознания — быть и возможность чего она в себе на тех же уровнях ощущает. Для мужчины эта форма — реализация дремлющей в нем на тех же уровнях претензии к внешнему миру, реализация того, что бы он хотел иметь перед собой в качестве своей партнерши.

И в том и в другом случае, т.е. из какого бы источника мы ни выводили наличие в нас этого неосознанного эйдоса, эстетическое наслаждение от реализованной в человеческом лице чистой формы приходится считать не чем-то статическим, т.е. определяемым постоянными характеристиками самого предмета, а чем-то динамическим, функциональным, рождающимся в созвучии объективно данного и субъективно требуемого. Оно есть утоление некоей изначальной жажды.

Но как понимать эстетическое наслаждение формой в том случае, когда созерцаемый в ней эйдос никоим образом не связан с дремлющей во мне потенцией или с миром, как моим потенциальным партнером, с моим жизненным миром? Так, когда мне доставляет эстетическое наслаждение линия конской шеи или крупа, я еще могу полагать, что в этих чистых линиях я созерцаю эйдос функционального совершенства жизни и т.д., т.е. того, что мне в том или ином смысле подобно и соответствует моим собственным потенциям. Но как интерпретировать наслаждение, доставляемое видом зубчатых

скал с четкой кромкой льда на фоне чистого неба? Ответ, видимо, таков: меня услаждает сама четкость видения, как таковая, возможность охвата всего бесконечного и беспричинного (момент свободы!) многообразия этих причудливых узоров в их единстве, власть созерцающего над огромностью созерцаемого и т.д. Иными словами, стремление, которое находит удовлетворение в данном случае, можно охарактеризовать как гносеологическое, как стремление к максимально полному и ясному видению предмета во всей его определенности, находящее отдохновение, т.е. наслаждение, и говорящее "мгновение, остановись!" лишь тогда, когда для него становится очевидным, что это видение достигло максимума своей, так сказать, "разрешающей способности", своей ясности.

Отсюда естественен переход к прекрасному в искусстве и к его аристотелевской концепции. Когда мы идентифицируем изображенный предмет с определенным классом, говоря "это есть то", наше наслаждение, получаемое даже в том случае, если этот предмет безобразен, не что иное, как утоление все той же жажды ясно видеть, познавать, овладевать сущностью, притом в самой легкой, наглядной форме. Через деталь мы познаем, овладеваем тем, что давно как бы маячит в нашем сознании или подсознании и чего мы не в силах самостоятельно уловить. Остается заметить, что это, конечно, лишь один из путей эстетического переживания искусства, далеко не единственный.

Рэм Давидов

Грузия в русской иконописи

Даже в самые тяжелые периоды своей многовековой истории Грузия никогда не была отмежевана от остального мира. Корни ее самобытного искусства, культуры в целом, питались и животворными соками достижений тех стран и народов, с которыми она поддерживала дружеские отношения. В свою очередь и грузинское искусство, культура Грузии проникала в духовную жизнь других стран, и процесс естественного взаимопроникновения, взаимообогащения культур бывал всегда плодотворным для обеих сторон. Не составляет исключения и столь своеобразная область изобразительного грузинского искусства, как иконопись, которая сегодня для нас - окно в минувшее.

Русское слово "икона" идет от греческого "эйкон", что значит изображение, образ, подражание. Следовательно, "иконопись" - это "пишущий изображение", художник, работающий красками, живописец, как мы теперь говорим. По-грузински им соответствуют: "икона" - "хати", иконописец же - "хатисмцерали", "хатмцери".

Происхождение свое "иконопись" ведет от эллинистической портретной живописи. Значительную роль в ее развитии сыграли так называемые "фаюмские портреты" (I-III век н.э.), найденные в оазисе Фаюм, в Нижнем Египте. Портреты написаны на досках восковыми красками (энкаустика). Любопытно, что именно в этой

технике выполнены и древнейшие из дошедших до нас икон, коптские и византийские (VI-VII века н.э.), обнаруживающие с фаюмскими портретами и несомненно стилистическое родство.

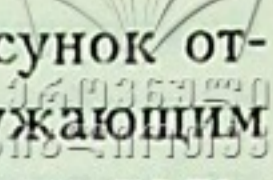
В эпоху борьбы между Византией и сасанидским Ираном за господство на Востоке Грузия крепнет политически и экономически, а христианизация способствует началу определенного этапа развития древнегрузинского изобразительного искусства.

Немногочисленные сохранившиеся до нашей эпохи иконы древности свидетельствуют о том, что грузинские иконописцы той далекой поры во многом находились под влиянием византийской живописи. Однако чем дальше, тем больше они начинают отличаться от византийских, выдвигают под воздействием требований жизни свои новые, сугубо национальные оригинальные решения.

Иконы так называемого местного, грузинского происхождения в большинстве своем относятся к IX-XVII векам. Среди них такие уникальные, как икона Цилканской Богоматери (IX век, энкаустическая темпера), малая мозаичная икона святого Георгия (XII век), классические произведения мастеров-иконописцев тех же веков, находящиеся в музее и церквях Верхней Сванетии. Мировым шедевром по праву считается "деисус", который некоторыми историками датируется концом XI-началом XII веков, иными - последней четвертью XIV-века. Деисус - слово греческое, означает "моление".

В композициях деисуса воплощается идея заступничества святых за людей перед Христом: в день Страшного суда они молят Судию небесного за грешный род людской. Деисусы помещались над входными дверями и воротами церковных и гражданских зданий.

В грузинском деисусе так же, как и в других, в середине находится Христос, по сторонам - Богоматерь и Предтеча. Далее, на полях, архангелы, апостолы, еван-

гелисты... Типажи в основном грузинские. Рисунок отличается светом, полуденным сиянием, окружающим собравшихся. Произведение впечатляет профессиональной культурой, творческой изобретательностью и осенено вдохновением высокого таланта. Привезенная в дар московскому митрополиту Филарету (1793-1867 гг.), она долгие годы украшала Троице-Сергиевскую лавру, и лишь в 1930 году ее перевезли в Третьяковскую галерею.

Интересна роспись XVI века церкви небольшого грузинского селения Табакини. Наряду с чертами, характерными для живописи того времени, табакинская роспись содержит и ряд особенностей. Прежде всего это проявляется в ее развитой иконографической программе, которая является исключением среди памятников эпохи.

Около 1548 года в Грузии была изготовлена чеканная икона Богоматери, названная Влахернской, что указывает на ее древневизантийские истоки.

У грузинских мастеров-иконописцев также появляется немало последователей и подражателей. Способствуют этому поездки друг к другу, поддержание связей. По приглашению царей Кахети Александра II и его внука Теймураза московское правительство стало присоединять мастеров церковной живописи к составу посольств, отправляющихся из Москвы в Кахети. Впервые эти мастера прибыли сюда в 1589 году с посольством Семена Звенигородского и дьяка Торха Антонова. С 1589 по 1637 годы из Москвы сюда было направлено 10 иконописцев.

В 1637 году прибывшие с посольством князя Федора Волонского и дьяка Артемия Хватова иконописцы Семен ("Сенка Савин сын") Остафьев Казанец и Иван ("Ивашко") Данилов Костромитин возвратились в Москву. Остальные же мастера остались жить в Грузии, обзавелись здесь семьями, умерли и были похоронены

на грузинской земле. А Иван Данилов в 1652 году с семьей едет в Тбилиси, где совмещает работу иконописца с профессией толмача (переводчика). Вместе с тем хочется обратить внимание на то, что в 1642 году царь Теймураз сообщал Даниле Мышецкому: "прежде сего при прежних грузинских царях прислано было в Грузию иконников 12 человека, и те иконники все в Грузиях и померли". По всей вероятности царь имел в виду и плотников, прибывших вместе с иконописцами. Сохранилась челобитная Остафьева, которую он передал в 1649 году в Москве царю о награждении его "за грузинскую нужную службу и за терпение".

О пребывании московских иконописцев в Грузии писали Н. Карамзин в своей "Истории государства Российского", Мари Броссе, Платон Иоселиани, Дмитрий Баградзе, другие историки. Называются даже церкви, где они работали, среди которых Нино-Цминда в Гаре-Кახети, Самеба в долине реки Иори, монастыри в Зедазени и Мцхета, Бахтало в бывшем Закатальском округе и другие.

Иконописцы из России приезжали в Грузию, несомненно, и в последующие годы. Изучая национальные элементы, культуру, быт, нравы и типы грузин, они переносили их в свои произведения, а, присматриваясь к стенной живописи, относящейся к ранним векам, изучая ее в старинных, дворцовых и крепостных зданиях, перенимали искусство грузинских мастеров. Историки прошлого указывают, что по стилю и манере произведения грузинских иконописцев находятся среди лучших русских произведений той эпохи. Этот стиль, следующий по пути совершенствования реалистических форм, в дальнейшем оказал немалое влияние на иконопись русских мастеров. Отсюда происходит бесконечное разнообразие подробностей при общем единстве сюжета произведений, портретность персонажей сочетается с декоративными поисками. Грузинские иконы и деисусы от-

личаются исключительной красотой колористических и композиционных решений, в них нередко встречаются изображения на историческую тематику и даже подобию легендарных национальных героев.

В этом плане заслуживают особого внимания отдельные эпизоды, почерпнутые из древнейшей истории Грузии и оказавшие немалое влияние на иконопись России. Сохранилась челобитная, поданная Семеном Остафьевым по возвращении из Кахети в Москву, в которой он поясняет, что у него есть какие-то сведения о "ризе господней", полученные им от самого царя Теймураза: "будучи я холоп твой в Грузинской земле, слышал от грузинского царя Теймураза про одежду Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа. Как она принесена от Ерусалима в грузинскую землю в Картули, и та одежда лежит в церкви Цхете в земле", - пишет он. При этом Остафьев ссылается на свою более раннюю - не дошедшую до нас челобитную, посланную им еще из Кахети.

История этой ризы, как и ее воспроизведение в русском изобразительном искусстве, представляет ценность для искусствоведов, и вообще для тех, кто интересуется изобразительным искусством древности и средневековья.

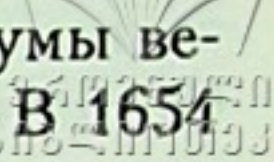
В 1625 году послы персидского шаха Аббаса I, поддерживавшего дипломатические отношения с Россией, подарили отцу русского царя Михаила золотой ларец с куском древней холстяной одежды красного цвета, выдаваемой ими за подлинную одежду Христа. Послы сообщили, что эта священная реликвия была найдена в Грузии во время завоевания страны персами в 1613 году. Получение такого подарка для России было делом большой политической важности. Поэтому были созваны представители греческой и русской церквей, которые засвидетельствовали подлинность ризы. Письменное свидетельство об этом было разослано по всем крупным городам и селам со специальным Указом об установлении

празднования в честь этого события. Ризе была посвящена картина "Положение ризы Господней в Успенском соборе Московского Кремля в 1625 году". Она относится ко второй четверти XVII века. Иконография сюжета была создана, несомненно, вскоре после 1625 года в Москве.

Летом 1653 года в Москве вспыхнула эпидемия чумы, или, как тогда писали, "моровое поветрие", уносящая тысячи жизней.

В это время из Черногорского монастыря на реке Пенеге Архангельской области, позднее переименованной в Красногорский (построен в 1606 году), в Москву привезли икону Богоматери Грузинской. Сразу же после ее перенесения, когда многие сотни страждущих стали просить у нее прощения грехов и прекращения "черного мора", эпидемия постепенно пошла на спад, а вскоре и полностью прекратилась.

Почему именно у этой иконы просили москвичи прощения? Легенда гласит, что в IX веке, в период иконоборчества, икона находилась в доме одной благочестивой вдовы, проживающей близ Nikei. Боясь уничтожения иконы иконоборцами, для сохранения святого образа женщина опустила ее в море. Икона стоймя приплыла к Афону. Иноки Иверского монастыря на Афоне, несколько дней видя в море огненный столп, восходящий до небес, пришли к берегу и нашли образ, крепко стоящий на воде. Инок Гаврила Грузин принял его и перенес в храм. С этим событием традиция связывает название иконы. Существуют и другие версии. Например, в одной старой рукописи из собрания Московской духовной академии дается следующее объяснение: "Во Святой горе есть монастырь, иже нарицается Ивер, по неже чудотворная икона Пречистой Богородицы сама пришла по морю от Иверской земли на то место: того ради и монастырь тот Ивер называется".

Так или иначе, но отступление эпидемии чумы верующие приписывают силе именно этой иконы. В 1654 году московским серебряником Гаврилом Евдокимовым была снята копия с иконы, а церковь Св. Троицы, где сохранилась эта копия, стала именоваться Грузинской, или Иверской Богоматери. Эта икона Богоматери типа Одигитрии, также по преданию, была куплена в 1622 году московским купцом Латыниным в Грузии у персов, завоевавших ее. Списки с иконы, известной как икона Богоматери Грузинской, или Иверской Богоматери, получают широкое распространение по всей Руси в XVII веке.

Вот как описывается в "Листках", выходящих приложением к журналу "Искусство", редактируемому Н.К.Рерихом, атмосфера создания древней иконы Иверской Божьей матери для выставления в церкви: "365 иноков сотворили есьма важное молебное пение, с вечера и до света, и святили есьма воду со святыми мощами и святою водою обливали чудотворную икону Пресвятой Богородицы старую Портанскую и в великую лохань ту святую воду собирали и, собрав, паки обливали новую икону, что сделали всю от кипарисового дерева и опять, собрав ту святую воду и святые мощи с красками, написать святую икону... Иконописец токмо в субботу и воскресенье употреблял пищу, а братия дважды в неделю совершали всенощные и литургию. И та икона новописанная не разнится ни в чем от первой иконы, слово в слово новая аки старая".

"Не правда ли, какая святая атмосфера творчества?" - восклицает Н.К.Рерих. И далее вспоминает: "Невольно хочется сравнить эту историческую справку с другой, касающейся той же Иверской иконы... Я раз стоял в Иверской часовне, - рассказывал мне Киреев, - смотрел на чудотворную икону Богоматери и думал о детской вере народа, молящегося ей. Несколько женщин, больных, старики стояли на коленях и, крестясь, клали

земные поклоны. С горячим упованием глядел я потом на святые черты и мало-помалу тайна чудесной силы стала мне уясняться. Да... это не просто доска с изображением. Века целые поглощала она эти потоки страстных возвышений, молитв людей скорбящих, несчастных. Она сделалась живым органом, местом встречи между Творцом и людьми".

Русские монахи сделали с иконы копии и перевезли их в Подольск. В честь чудотворной иконы были построены храмы во Владимире, Курске, Костроме, Самаре, на Валдае, где в XVII веке работал грузинский мастер Амберки Маташвили, вынужденный бежать из Грузии, около великого Новгорода и в других местах. Одна из копий 23 ноября 1989 года доставлена из грузинской церкви в дар Тбилисскому государственному университету.

Одна из наиболее распространенных копий "Богоматери Грузинской" была создана такими известными русскими иконописцами, как Кирилл Уланов и его сын Иван. Написана она была в 1707 году. Лицо, руки и ноги младенца Христа светло-желтые по оливковому санкирю в объемной, светотеневой манере. Одеяния Богоматери и Младенца густо покрыты золотым ассистом. Нимбы и надписи также золотые. Фон светло-зеленый, а поля темно-зеленые с темно-красной опушкой. На полях четыре круглых углубления, заполненные воском (мощевики). На лицевой стороне, на нижнем поле, надпись белилами: "1770. Написан сей святой Богоматери образ и начертанием каков в Черногорском монастыре именуемые Грузинския". Ниже вторая надпись более мелкими белильными буквами: "Писал Кирилл Уланов с сыном своим Иваном".

О жизни Улановых мы знаем мало. Известно только, что это была семья изографов. Брат Кирилла Василий был не менее известным изографом в Москве и за ее пределами, автор многих икон.

Церковь, где хранилась икона, становится одной из самых престижных, посещаемых не только в Москве, но и во всей России.

Интерес к Грузии проявляют и другие русские художники.

Высоко ценится портрет царевича Ираклия I которого русские прозвали Николаем и который получил русское воспитание при дворе царя Алексея Михайловича. На картине молодой Ираклий представлен в костюме русского боярина, с длинными волосами и жезлом в руке.

В 1705 году был издан первый грузинский "Псалтырь". В этом "Псалтыре" особого внимания заслуживает портрет царя Давида, данный на отдельном листе, изображающий автора Псалмов, во дворце во время их сочинения. Давид стоит во весь рост в царском одеянии и короне, окруженный нимбами, со скрещенными на груди руками в позе молящегося. С правой стороны от него - открытая книга, лежащая на покрытом дорогой материей столе. У ног царя лира. С левой стороны - царский трон, а в верхнем левом углу - изображение Святого духа в виде распростершего крылья голубя. Надпись гласит: "Дух святой". Над головой царя на фоне дворцовых колонн надпись титлом: "Царь Давид". Под портретом подпись автора этой замечательной работы: Михайло Карповикин.

Сейчас, когда вера в Бога вновь заняла достойное место в нашей жизни, когда вновь открылись церкви и началось духовное возрождение общества, икона, иконопись несомненно заслуживают особого внимания к себе, и надо полагать, что это искусство тоже должно возродиться.

ИЗ ИСТОРИИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРЫ В ГРУЗИИ XIX ВЕКА

Театральный репертуар Грузии прошлого столетия ясно показывает, в какой мере были известны зрителям сочинения иностранных авторов. Что касается итальянских материалов, то в этом отношении особый интерес представляет вопрос об итальянской опере в Тифлисе.

Следует отметить, что в Италии XIX века ведущей областью театрального искусства была именно опера, игравшая важную роль в период национально-освободительной борьбы того времени. Показательно, что известнейший политический деятель Джузеппе Мадзини написал трактат "Философия музыки", в котором он ставил вопрос о необходимости сделать оперу народной драмой. Стремление реформировать оперное либретто, отойти от условности, начинается в Италии уже в первой половине века и достигает полного завершения в творчестве Верди.

Середина прошлого столетия явилась для столицы Грузии началом оживленной театральной жизни. В 1845 году в переделанном для театра здании манежа впервые выступила перед публикой русская драматическая труппа. В то же время на месте теперешней Площади свободы началось строительство специального театрального здания по проекту итальянского архитектора Скудиери. Внутри театр был расписан художником Гагариным и открыт для зрителей в 1851 году. В нем ставились оперные спектакли, а также выступали русская и грузинская

драматические труппы. Директором театра по сценической и репертуарной части был назначен писатель В.А. Соллогуб. По его инициативе была приглашена итальянская оперная труппа под руководством дирижера Барбиери.

О самом здании театра сохранились исключительно хвалебные отзывы. В.А. Соллогуб сетует на то, что "мертвым пером нельзя выразить всей щеголеватости, всей прелести, всей ювелирной отделки нового зала". ("Кавказ", 1851, N29). Александр Дюма - отец, побывавший в Тбилиси в 1858 году, в своих воспоминаниях восторгается красотой театрального зала, считая его одним из самых очаровательных среди тех, которые он видел в жизни.

Открытие нового театра состоялось девятого ноября 1851 года оперой Доницетти "Лючия ди Ламермур". Труппа была маленькая, но имела хороших солистов, чем сразу привлекла к себе внимание публики. С большой похвалой отзывался рецензент газеты "Кавказ" о ее руководителе Барбиери, который обладал поразительной памятью и дирижировал все оперы наизусть, без партитуры. Репертуар театра был разнообразным и состоял главным образом из произведений итальянских композиторов.

В последующие годы оперный театр расширяет свою деятельность и пополняется новыми исполнителями. Он завоевывает всеобщее признание и становится одним из важных центров культурной жизни. Во время войны с Турцией, в 1855 году, он был закрыт, но в 1857 году с успехом возобновил свои спектакли. Сошлемся опять на Александра Дюма-отца, присутствовавшего в 1858 году на представлении оперы Верди "Ломбардцы". Великий романист пишет в своих воспоминаниях, что "видеть подобную труппу в Тифлисе просто чудо".

В 1874 году прекрасное театральное здание погибло от пожара. Это нанесло серьезный удар театральной

жизни. Однако спектакли продолжались во времени/ приспособленном для этого помещении. Позднее нача-
лось строительство нового оперного театра, который су-
ществует поныне.

Итальянский оперный театр просуществовал у нас вплоть до 1878 года. Спустя некоторое время создана русская оперная труппа, которую в 80-х годах возглавил композитор Ипполитов-Иванов.

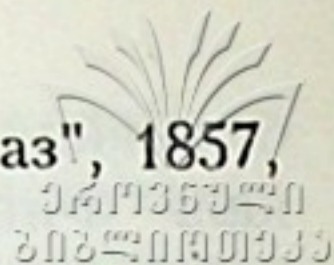
Итальянская оперная труппа с самого же начала своей деятельности находилась в сфере внимания прессы. Подробные рецензии дают представление как о художественном уровне спектаклей, так и об актерском мастерстве, отношении публики к оперному искусству. На первых порах этот вопрос был, как видно, особенно острым. Некоторые скептически настроенные люди сомневались в успехе оперных представлений. Однако опасения были напрасны, и успех превзошел все ожидания. В первых же заметках подчеркивается, что зал был полон. В. Соллогуб по окончании первого сезона с удовлетворением писал, что оперные спектакли нашли замечательный отклик: "В здешней публике..." проявившей редкое чутье, инстинктивное понятие прекрасного... Сама труппа, удивленная неожиданным приемом, усилила свои старания". ("Кавказ", 1852, N15).

Судя по газетам того времени, в городе началось увлечение итальянской музыкой. "В частных домах слышится музыка Беллини, Россини, Верди, поют арии, дуэты". ("Кавказ", 1852, N13); "Тифлис решительно становится музыкальным городом... Куда ни повернешься, все слышатся итальянские напевы..." ("Кавказ", 1852, N13). Так писали рецензенты после первого театрального сезона. Но и позднее это увлечение продолжалось, ибо в 1858 году писатель Михаил Туманишвили с юмором и даже с некоторым раздражением писал, что опера стала главной темой разговоров. Со всех сторон слышатся имена Россини, Беллини, Доницетти, Верди. "С

ближайшей улицы сбегал рабочий-имеретин и восклицал: "Фигаро здесь, Фигаро там". Все с ума посходили, все заразились оперной горячкой". ("Цискари", 1858, N1).

Помимо того, что итальянские мелодии зазвучали на улицах и в домах, театр явился предметом обсуждения и оживил музыкальную мысль. Оперная труппа была достаточно сильной, чтобы донести до слушателей великие создания итальянских композиторов. Рецензии дают подробную характеристику оперных представлений, а также ставят интересные вопросы в отношении самих опер и творчества композиторов. При оценке спектаклей рецензенты останавливаются на отдельных музыкальных номерах, разбирая, в какой мере исполнение соответствовало замыслу самой оперы; иногда приводятся сведения о творческом пути композитора. Так, в рецензии на "Фаворитку" представлен творческий путь Доницетти и указаны главные написанные им оперы ("Тифлисский вестник", 1875, N 92). Театральные комментаторы смело высказывают свои мнения, вступают в полемику. По рецензиям можно проследить, что вначале не все оперы Верди были восприняты одинаково. Так, если опера "Риголетто" при первой же постановке в 1854 году произвела огромное впечатление, то в отношении "Трубадура" у некоторых возникали сомнения. Стремление Верди создать музыкальную драму, сблизить музыку и текст вызывает критические замечания рецензента газеты "Кавказ". В пространной статье, пестрящей итальянскими цитатами, автор разбирает построение оперы, отдельные сцены и отмечает как характерную ее черту стремление Верди не удаляться от истины. "Но дело в том, - пишет он, - что, не удаляясь от истины драматической, он пренебрегает истиной музыкальной". ("Кавказ", 1857, N 80). Однако подобная точка зрения вызвала возражения. Из следующей статьи того же рецензента мы знаем, что его высказывания "возбудили

противоречия знатоков в деле музыки" ("Кавказ", 1857, N 85).

Действительно, в 50-60-х годах популярность Верди быстро растет и на сцене ставятся почти все его новые произведения. "Луиза Миллер", созданная по пьесе Шиллера "Коварство и любовь", была представлена в 1858 году, в один год с постановкой этой оперы в Петербурге. В афишах, очевидно для усиления драматического эффекта, отдельные части оперы получили специальные названия: 1 действие - Любовь, 2 действие - Коварство, 3 действие - Яд. Хотя опера вызывала критические замечания рецензента газеты "Кавказ", она продолжала ставиться и в следующем театральном сезоне.

Мысль о том, что идеи Шиллера не получили музыкального воплощения у Верди, проходит и в рецензии на оперу "Дон Карлос", которая была поставлена в 1869 году. Следует отметить, что спустя два десятилетия, когда эта опера была возобновлена на сцене, она получила другую оценку и была восторженно принята публикой.

Материалы периодической прессы показывают, что в оценке постановок большую активность проявляли не только рецензенты, но и сама публика: в один из сезонов слушатели разделились на поклонников певиц Вазолли и Рамони; замечания рецензента в адрес вновь прибывшей примадонны вызвали длиннейшую статью в ее защиту; слабому исполнению публика устраивает обструкцию, но бенефисы любимых артистов проходят с триумфом.

Позднее, в 70-х годах, итальянская опера в Тифлисе переживает упадок. Театр находился в руках антрепренеров, которые стремились только к выгоде. Рецензенты возмущались недостатками оркестра, декораций, слабыми исполнителями. Опера Доницетти "Лукреция Борджия", поставленная после одной только репетиции, с треском провалилась.

Все это привело к тому, что в 1878 году итальянская опера прекратила у нас свое существование. Однако итальянцы - певцы и дирижеры продолжали работать в Грузии или приезжали на гастроли, а на сцене продолжали ставиться произведения итальянских композиторов. Ипполитов-Иванов, приехавший в Грузию в 1882 году, писал в своих воспоминаниях: "Многие итальянцы, женившись на местных уроженках, прочно обосновались в Тифлисе и таким образом там сложились музыкальные династии". Столица Грузии, получившая репутацию театрального города, привлекала видных артистов, в том числе и из Италии. Так, в 1895 году здесь гастролировал знаменитый тенор Анджело Массини, а в 1901 году выступала известнейшая певица сопрано Луиза Тетрацини.

Несомненно, что в разнообразном репертуаре театра именно итальянские оперы занимали ведущее место. Вначале преобладали оперы Беллини, Доницетти, Россини, затем началось увлечение Верди. Отметим, что опера "Отелло" Верди была поставлена в Тифлисе в 1888 году, т.е. на следующий год после первой постановки в Италии, а костюмы для спектакля были сделаны по рисункам, выписанным из Миланского театра Ла Скала. В 90-х годах в репертуаре появляются имена Пуччини, Масканьи, Леонкавалло. Помимо прославленных авторов, на сцене ставились оперы и менее известных композиторов, таких, как Ваккаи, Перголези, Меркданте, Маркетти, Джордано, Пачини, Понкьелли и др.

Такой богатый репертуар берет начало с деятельности итальянской труппы, которая ознакомила публику с музыкальной культурой своей страны и заложила основу той популярности, которой продолжает у нас пользоваться итальянское оперное искусство вплоть до настоящего времени.

О ФЛАМАНДСКОЙ ЛЕГЕНДЕ И ГРУЗИНСКОМ ХУДОЖНИКЕ

Елене Доскriver

Перечитывая сегодня легенду об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях отважных, забавных и достославных во Фландрии и иных странах, приходится, который раз, сетовать на то, сколь редко прибегают люди к советам судьбой дарованного спутника, обладающим зоркостью совы и магическим зеркалом-стерилизатором нашей совести.

" Книга Костера переросла рамки Бельгии и давно стала любимой книгой для каждого свободолюбивого народа," - говорится во вполне академическом предисловии русского издания 1955 года.

Но кто из сегодняшних жертв "горячих точек" мог бы предположить, что одна из любимых книг молодости на склоне лет окажется столь пророческой.

И вот, ваш покорный слуга, изведавший круги ада кошмарно понятой независимости, пристальнейшим образом вглядывается в лица Тиля и Ламме, запечатленных грузинским художником.

"Шарль де Костер конкретно ничего не сообщает об облике героев, - пишет искусствовед Е. Сергеев, - (Нелле красива, Ламме толст и т.д.). Да это и понятно. Странно было бы читать описание носа "духа Фланд-

рии" или разреза глаз "сердца Фландрии". А посему/ Фелисьен Ропс-друг де Костера и первый иллюстратор легенды о великом гезе - был вправе изобразить Тиля "коренастым весельчаком с хитрым прищуром глаз и хрящеватым носом".

Иллюстраторы всемирно известной книги в поисках визуального эквивалента "духа Фландрии" оставили нам образцы ценного опыта, особо обогащенного гравюрами Мазерееля, от которых, как сказал Стефан Цвейг, "веет духом космоса".

Чем же веет от этих фламандских молодцев, увиденных глазами Димитрия Эристави?

Интуиция грузинского художника подбрасывает ключ к глубинному пласту костеровского творения.

Попросите старшеклассников назвать художественный образ, символизирующий народного мстителя всех времен и народов, и они назовут вам Тиля Уленшпигеля.

Но стук отцовского пепла по сыновьему сердцу, проходящий лейттемой по всему произведению, при всем драматизме его звучания, относится лишь к верхнему слою мыслей и чувств, залегших в глубинах авторского замысла.

Пепел Класса, стучащий по сердцу Тиля, - тема слишком очевидная, и не случайно

у различных иллюстраторов проявляется склонность пластически акцентировать поднесенную к груди ладонь, подавая ее броским, крупным планом, как делает это в отдельно выполненном портрете Тиля-мстителя известный русский иллюстратор Евгений Кибрик.

Но если в раскладе большинства иллюстраций Ламме Гудзак выглядит героем легенды, выступающий как бы под номером вторым, то у Эристави он не номерной. Людей второсортных Эристави вообще не представляет. Подобная нумерация художнику не по душе. Он знает: беды начинаются с едва заметного скольжения представлений. Сначала на гребне событий оказывается группа или даже пара закадычных друзей, известных миру своей неподкупностью, честностью и ратующих за справедливость и всеобщее равноправие. Но со временем кто-то оказывается более "равноправным"... и начинается новый круг калькуляций: сначала людей, а затем и народов. Известно к чему это приводит.

Во все времена самым надежным заслоном глобальным бедам человечества служило искусство, единственное средство приобщения к человеческой сути, не поддающейся никаким математическим выкладкам.

Только творение подлинного художника, и только оно может вооружить нас оптикой, необходимой для постижения тайны сосуществования, связи различного, общности несхожего, истинной музыки сфер.

Сбалансированность характеров как необходимейшее условие функционирования общества вовсе не случайна. В ней вера и душа художника, категорический императив, воплощенный в пластическом рисунке.

Безудержно смелый Уленшпигель, самородок, соревнующийся с совой и с зеркалом в способности видеть и отражать подмеченное, не может перевесить своего друга, но не из-за солидной упитанности последнего, а по совершенно иной причине: благодаря исключительной отзывчивости, дару сострадания, душевности этого действительного "мешка добра".

Вглядитесь попристальнее в его черты, изображенные Д. Эристави, и поймете, что сей подкупающий характер пленяет нас не обилием "тунеядского, лентяйского, бесполезного жира".

Полнота Ламме вызывает чувство добродушия и даже сочувствия, и кроме всего прочего, Гудзак, представленный как нечто нерасторжимое от своего друга, создает особое поле доброты, некую ауру добросердечия вокруг героев, шагнувших навстречу времени, "когда Север обнимется с Западом" и "бедствиям наступит конец".

Задумчив Тиль, зрачки обращены во внутрь на пережитое за день... на то, как "кровь из раны на голове заливала ему глаза и мешала видеть", как "большим прыжком Уленшпигель отскочил в сторону и отер левой рукой кровь", как "он был бы убит, если бы Ламме новым выстрелом не уложил противника и с быстротой оленя не бросился, несмотря на свое брюхо, к Уленшпигелю, сидевшему на земле среди убитых".

Так люди одной судьбы, они шагают рядом, сохранив "в черные дни чистоту сердца". Ощущение локтя сподвижника и единовеца, при столь образном контрасте темпераментов, обретает воистину звучание песни о взаимной выручке и преданности, особо значимой в не легкие времена. Обратим внимание на движение, на этот неторопливый ход, на фоне дичайших репрессий, заметим печать некоторой сдержанности и осмотрительности, проскальзывающей в самой поступи неразлучных друзей. Героям нашим ведь совсем не ведом строевой, хорошо известный нам чеканный шаг бойцов пролетарской революции: левой, левой, левой... Нет, это не путь идущих по прямой. Дорога здесь длинна, узка, извилиста, ухабиста, опасна и подводяща, однако народ, упорно пробивающийся по ней, в конце концов, ценою беспримерной стойкости, негибамости и воли обретает-

таки то самое **отпадение**, которое впоследствии и было столь скрупулезно прослежено Шиллером.

"История отпадения соединенных Нидерландов от испанского владычества" - книга, которую не назовешь иначе, как шедевр дальнзоркости великого поэта, конечно же, не могла привлечь историков, зацелившись лишь на том, как бы поярче и доходчивее донести до масс классовый характер Нидерландской революции. Но что могло сулить искоренение привязанностей к ис-

конным ценностям.

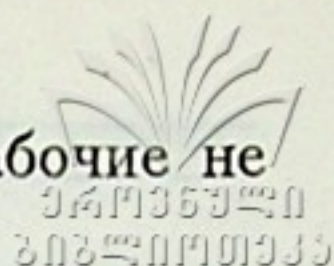
И, напоследок, любезный читатель, позвольте заметить: пространственные решения рандеву Уленшпигеля у Эристави и Мазерееля взаимоисключающи. Однако броскость композиционного различия лишь подчеркивает схожесть сил притяжения к своим корням.

Если у Эристави певучей мягкости линий фламандских холмов вторит этот изумительный абрис сдержанности трепетных тел, то воистину чудотворна безудержная фантазия Мазерееля: пуская нареченных в бреющий полет, художник сливает порхающие души влюбленных с ароматом цветущих полей.

В обоих случаях отчетлив напев: "С чего начинается родина..."

Увы, музыку эту не дано было расслышать авторам написанного в Брюсселе "Коммунистического манифе-

ста". Сколь опрометчивым оказался клич: "Рабочие не имеют отечества".

По существу, не использованным в самое критическое время оказался целебнейший экстракт против роковых недугов бытия: не помня, не почитая, не сохраняя, не защищая свое, раствориться и потеряться, или жить только лишь своим, отвергая и попирая все остальное.

Вывод времени неопровержим.

Творение Костера не книга, которую прочитав можно отложить

на полку, а зеркало, в которое почаще бы заглядывать.

Грузинский читатель признателен художнику, подписавшемуся под этим призывом от имени своего народа.

Автандил Ментешашвили

Закавказский Сейм и политические партии региона

Реакция на весть об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде не была однозначной в Грузии и Закавказье. Правда, советская историография в условиях строгой цензуры и идеологизации исторической науки рассматривала это событие односторонне, по заранее выработанному стереотипу: "Большая часть трудящихся масс Грузии, как и всего Закавказья, горячо приветствовала свержение господства буржуазии и установление рабоче-крестьянской власти". Но архивные документы свидетельствуют о другом. Например, еще в 60-х годах мы ознакомились в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории) с перепиской ЦК РКП(б) с ЦК КП Армении о положении в Закавказье в 1917-1918 гг., из которой можно почерпнуть объективные сведения о реакции масс на это событие. "Массы, главным образом рабочие и беднейшие крестьяне, - говорится в документе, - находились в полном неведении относительно все развивающейся великой пролетарской революции в России... Трудовые элементы народов Закавказья и Армении имели весьма превратное представление о той жестокой борьбе, которая велась в России между партиями, и на все смотрели под тесным углом зрения Закавказья, где против немногочисленной груп-

пы большевиков стояли крупные буржуазные и мелко-буржуазные партии...

Октябрьская революция опрокинула правительство Керенского. Это было полной неожиданностью для народов Закавказья. Когда был опубликован список народных комиссаров, "... никто, кроме сознательных рабочих, не знал их..."

Было распространено мнение, что "новое правительство народных комиссаров, если оно действительно свершившийся факт, будет существовать самое большее месяц-другой"¹.

В первые дни Октябрьской революции сведения, поступившие о ней в Грузию и Закавказье, были отрывочны и противоречивы. Этим и можно объяснить некоторую растерянность политических деятелей Закавказья. Так, Н. Жордания сначала не понял, что произошло 25 октября в Петрограде. Лидер грузинских меньшевиков думал, что там имел место инцидент не очень значительный по своим размерам, который "можно и следует ликвидировать". Поэтому в резолюции, предложенной им и принятой на заседании исполнительного комитета Тифлисского совета рабочих и солдатских депутатов 26 октября говорилось: "Интересы революции диктуют необходимость мирной ликвидации восстания на основе соглашения всей революционной демократии"².

Через два дня на заседании Тифлисской городской думы Н. Жордания так излагал события в Петрограде: "Восстание в Петрограде доживает последние дни. Оно и с самого начала было обречено на неудачу, потому что такой тайно-заговорщический захват власти противоречит естественному ходу развития революции".

Грузинские социал-демократы были убеждены в неминуемости ликвидации Октябрьского переворота. В

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф.17, оп.65, д.19, л.1.

2. "Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии", Тифлис, 1919, стр.2.

своих мемуарах Н. Жордания писал: "Мы еще надеялись, что в России смогут положить конец большевизму, сумеют создать нормальное правительство".

Начавшиеся по предложению Л. Мартова (лидер меньшевиков-интернационалистов) переговоры большевиков с эсерами и меньшевиками о создании "однородного социалистического правительства" закончились безрезультатно. Надо отметить, что позицию Л. Мартова на II съезде Советов по вопросу о власти поддержал и представитель грузинских социал-демократов меньшевиков Д.А.Сагирашвили².

Переговоры состоялись, но закончились безрезультатно, так как большевики не согласились с требованиями меньшевиков и правых эсеров отказаться от власти Советов и устранить из правительства "персонального виновника Октябрьского переворота" Ленина, назначить главой правительства одного из лидеров партии эсеров - Чернова или Авксентьева.

В самом ЦК большевиков не было единодушия по вопросу состава правительства. Значительная часть большевиков склонялась в пользу создания общесоциалистического правительства. "Нам не удержаться! - кричали они. - Против нас слишком много сил! У нас нет людей. Мы будем изолированы и все погибнет..." Так говорили Каменев, Рязанов и др.³

Против Октябрьского вооруженного переворота, кроме социал-демократов-меньшевиков, в Закавказье выступили и представители других партий. Федералисты в интересах демократии высказывались "за поиски соответствующих путей и методов для ликвидации мирным путем преждевременного выступления большевиков", а дашнаки требовали "моральной изоляции боль-

1. Н. Жордания. "Моя жизнь", Стэнфорд, 1968, стр. 82.

2. Джон Рид. "10 дней, которые потрясли мир", М., 1958., с.115.

3. Джон Рид. Указанный труд, с.115.

шевиков со стороны всей Российской демократии с целью оказания на них влияния".¹

Грузинские большевики, надеявшиеся на популярность среди масс декретов о мире и земле, выдвинули лозунг немедленных новых выборов Советов, считая, что после Октябрьского вооруженного восстания им удастся получить большинство мест. Однако и после перевыборов меньшевики сохранили ведущие позиции в Тифлисском Совете, что дало им моральное право перейти к решительным действиям. Им удалось получить согласие большевиков на роспуск Делегатского собрания и захватить арсенал, что позволило вооружить гвардию и "при ее помощи обезоружить большевистские полки".²

Имели ли большевики влияние на массы? На солдатские массы несомненно. Что касается рабочих масс и средних городских слоев Тифлиса, рост этого влияния в ноябре по сравнению с летом 1917 года был налицо, но не настолько, чтобы дать им возможность занять лидирующее положение в Советах.

При выборах в Тифлисскую городскую думу 30 июля 1917 г. большевики получили 5,48% голосов (5,083), а в ноябре во время выборов в Учредительное собрание по городу Тифлису 19,07% голосов (19,527). За меньшевиков голосовало соответственно 42% и 31,4%, эсеров - 16,6% и 11,28%.³

11 ноября 1917 года по инициативе меньшевиков "Комитет общественной безопасности" созвал в Тбилиси совещание по поводу организации местной власти в Закавказье, в котором участвовали представители всех политических партий, Краевого и Тифлисского советов,

1. Г. Жвания. Большевики и победа Советской власти в Грузии. Тб., 1981, стр.140.

2. Н. Жордания. Указанный труд, стр.81.

3. "Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне", М., 1984, с.162.

ОЗАКОМа, командующий Кавказским фронтом, консулы стран Антанты. Совещание отказалось признать власть Совнаркома и вынесло решение о создании "Независимого правительства Закавказья".

Большевики, участвовавшие в совещании, огласили декларацию, осуждавшую организаторов совещания, и покинули его.

15 ноября все участвовавшие в совещании партии взамен ОЗАКОМа для управления краем создали Закавказский комиссариат, председателем которого стал Е. Гегечкори (меньшевик). В декларации нового органа власти от 18 ноября отмечался временный характер этой власти, "лишь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания, а в случае невозможности его созыва, она сохраняет свои полномочия до съезда членов Учредительного Собрания от Закавказья и Кавказского фронта"¹.

Подчеркивалась также необходимость предпринять шаги к скорому и справедливому решению национального вопроса на основе самоопределения наций и проведение аграрной реформы.

20 ноября 1917 года по инициативе грузинского Интерпартийного Совета был созван первый национальный съезд Грузии, в работе которого приняли участие все политические партии, кроме большевиков.

Съезд обсудил текущий момент и создал руководящий политический орган - Национальный Совет Грузии².

На съезде с докладом: "Текущий момент и грузинский народ" выступил Н. Жордания. Сам факт того, что партии, входящие в Интерпартийный Совет, нашли воз-

1. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919, с. 8.

2. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Республики Грузия, ф.1823, оп.3, д.1, л.1.

можным поручить доклад одному лицу, свидетельство-
вал об общей линии этих партий по обсуждаемому во-
просу.

Жордания начал свой доклад с тезиса о единстве интересов грузинского народа с интересами России. "Прошло сто лет, - отметил он, - со времени присоединения Грузии к России. Это присоединение не было результатом чьего-либо личного каприза или делом простой случайности. Оно было исторической необходимостью. В то время Грузия стояла перед дилеммой: восток или запад. И наши предки решили отойти от востока и обратиться в сторону запада. Но дорога к западу лежала через Россию, и, следовательно, идти в сторону Запада означало соединиться с Россией.

Сто лет стоим мы на этой почве. Само присоединение к России произошло на следующих условиях: мы должны были оставаться в рамках Российского государства и у нас должно было оставаться право самоуправления в местных делах. Из этих условий лишь первое осталось в силе, - второе было тогда же нарушено.

Много страданий, много горя перенесли мы в продолжение этих ста лет, но, несмотря на это, ни одна политическая партия не требовала отделения от России, так как это означало бы - преклониться перед востоком. А этого никто не желал. Все партии стали на один и тот же путь, - старались изменить условия местной жизни при помощи России."¹

Затем Жордания, характеризуя текущий момент, назвал Октябрьскую революцию преждевременной, а цель большевиков - осуществление социализма несоответствующей положению и возможностям России. Слабость Октябрьской революции, по его словам, заключалась в том, что ее предводители-большевики берут в свои руки достижение национальных целей (заключение мира, зе-

1. ЦГИА Республики Грузия, ф.1825, оп.1, д.4, л.35.

мельный вопрос), но стремятся достигнуть их своими фракционными способами. Большинство народа не согласно с той тактикой, методом, при помощи которого большевики стараются разрешить указанные вопросы.¹

Выражая общее мнение партий, входящих в Интерпартийный Совет, Жордания отметил, что их ориентация остается прежней - единство с Россией и восстановление революционной власти (т.е. власти Временного правительства - А.М.).

Кроме того, для создания на месте политической власти необходимо было, по словам Жордания, создание местного органа - сейма с использованием для этого лиц, избранных в Учредительное Собрание России.

В речи Н. Жордания была изложена также платформа партий, входящих в Интерпартийный Совет,² по национальному вопросу.

Программа-минимум, изложенная Жордания, требовала полного местного самоуправления Грузии, у которой "должно быть право по своим местным делам издавать собственные законы, у нее должна быть своя национальная администрация. Если к тому времени в России будет постоянное войско, тут должно стоять наше войско, если же будет введена система народной милиции, то у нас должна быть организована собственная милиция. У нас должен быть свой суд, свои школы, одним словом, должны быть у нас национализированы все учреждения".

Здесь же было указано, что с общего согласия должен быть произведен раздел территории Закавказья. В заключение Жордания еще раз подтвердил, что "Грузинская демократия хочет добиться местного самоуправления, оставаясь в пределах России".

Национальный съезд взамен Интерпартийного Совета создал Национальный Совет Грузии.³

1. ЦГИА Республики Грузия, ф.1825, оп.1, д.4, л.37.

2. В Совет вошли представители социал-демократов (меньшевиков), национал-демократов, социал-федералистов.

3. ЦГИА Республики Грузия, ф.1825, оп.1, д.4, л.38.

28 ноября 1917 года на заседании исполнительного комитета Национального Совета Грузии была выработана структура Совета и обсуждены организационные вопросы. Из состава Совета видно, что меньшевики в нем выполняли ведущую роль. 6 декабря Совет опубликовал обращение к грузинскому народу, в котором говорилось, что страшные итоги войны оказались роковыми для революции и России. Нарушилось политическое единство государства. Расстроилась экономическая жизнь. Единого, признанного всеми центрального правительства не существует. "В этих условиях, - говорилось в обращении, - по инициативе Интерпартийного Совета Грузии был созван первый национальный съезд, который создал руководящий политический центр - Национальный Совет Грузии, призванный выявить, возглавить и осуществить общественно-политические и национальные требования, защитить и упрочить революционно-демократические устремления грузинского народа.

Съезд принял решения по злободневным вопросам для претворения их в жизнь: национализация школы, суда, армии и администрации, введение земств и т.д. Национальному Совету поручено потребовать и осуществить полное национально-территориальное законодательное самоуправление с осуществлением широкого самоуправления мусульманской Грузии, а также других окраинных мест, чьи жители изъявляют желание войти в состав Грузии" ¹.

Таким образом, основные политические партии Грузии, кроме большевистской, не приняли идеи, провозглашенные Октябрьской революцией, создали общий политический орган - Национальный Совет, который должен был фактически возглавить страну. Причем, все политические партии стремились защитить идеи фев-

1. ЦГИА Республики Грузия, ф.1823, оп.3, д.1, л.1.

ральской революции совместно с российской демократией. В то же время ни Закавказский Комиссариат, ни Национальный Совет Грузии хотя и не признали власти Совета Народных Комиссаров, но официально не объявляли об отделении края от России. Это можно объяснить сложной внешнеполитической обстановкой. Ведь война продолжалась, и Закавказью противостояла Турция.

5 января 1918 года в Москве было созвано Учредительное Собрание, большинство которого составляли представители меньшевиков и эсеров. Депутаты отказались признать Советскую власть и декреты II Всероссийского съезда Советов. В ответ на это Учредительное Собрание было распущено большевиками. Это был явно антидемократический шаг, ввергнувший Россию в пучину гражданской войны.

12 января Закавказский Комиссариат, обсудив вопрос о политическом положении Закавказья, принял решение о созыве Закавказского Сейма, который выполнял бы функции законодательного органа - Парламента¹.

В своих мемуарах Н. Жордания, обосновывая курс, взятый на отрыв Закавказья от Советской России, писал: "После разгона Учредительного Собрания мы остались одни и должны были думать о себе. Это означало практически выделение из состава России и обустройства нашей страны по собственному нашему усмотрению.

Это заключение вытекало из следующих всем известных фактов - большевистского переворота в России, авторитета которого мы не признавали; оставление русскими войсками нашего Закавказского фронта; Брест-Литовский договор, вследствие которого мы теряли часть нашей территории.

Раз Россия отказалась нас защищать и, наоборот, подарила Турции нашу территорию, было ясно, что она

1. ЦГИА Республики Грузия, ф.1818, оп.2, д.6, л.25.

сама отказалась от нашей страны, сама ушла и нас оставила одних"¹.

Н. Жордания не прав, уверяя читателей, что Россия отказалась защищать Закавказье от Турции и "подарила" последней часть территории Закавказья. Как известно, тяжелые условия Брест-Литовского мирного договора были навязаны России Германией.

10 февраля 1918 года в Тбилиси открылось первое заседание Закавказского Сейма, которое открыл председатель временного бюро по созыву Сейма Н.С.Чхеидзе.

13 февраля, на втором заседании, Н. Чхеидзе был избран председателем Сейма. Его кандидатуру от имени фракции дашнакцутюн предложил Качазнуни, поддержали: Лордкипанидзе - фракция социалист-революционеров; Гаджинский - мусульманский социалистический блок; Н.Рамишвили - фракция меньшевиков; Мехтиев - партия мусульман в России; Рустамбеков - партия "Муссават"; Ласхишвили - социалист-федералист; Г.Гвазава - национал-демократ².

Большевики Закавказья выступили с заявлением протеста против созыва сейма, а в день его открытия краевой и тифлисский комитеты РСДРП (б) организовали многолюдный митинг протеста. Митинг был расстрелян по приказу Закавказского Комиссариата. Выступая в сейме с отчетом о работе Закавказского Комиссариата, Е.О. Гегечкори оправдывал действия правительства тем, что на митинге звучали призывы к свержению Комиссариата и организации манифестации против созыва сейма.³

Подрывная деятельность большевиков против Комиссариата, как отмечал в своем выступлении Е. Гегечкори, особенно усилилась после того, как Совнарком в

1. Н. Жордания. Указанный труд, с.83.

2. Закавказский Сейм. Стенографический отчет, сессия первая, Тифлис, 1918, с.1.

3. Там же, с.10.

январе 1918 года назначил С.Шаумяна чрезвычайным комиссаром всего Кавказа. Закавказский Комиссариат предложил ему и секретарю в 24 часа покинуть пределы Закавказья. При неисполнении этих требований он подлежал аресту. Степан Шаумян скрылся, и с тех пор начинается вся та история, которая разрасталась как снежный ком и разразилась той катастрофой, - подчеркнул Е.Гегечкори, - к которой я сейчас перейду. Это - катастрофа в Александровском саду!!! Далее он сообщил, что 10 февраля Закавказский Комиссариат и штаб охраны получили сведения о том, что лица, подлежащие аресту, находятся на митинге и призывают толпу к свержению Закавказского Комиссариата и к манифестациям против Сейма. Ничего другого не оставалось, как отправить туда силу, чтобы задержать эти лица. Итоги операции, по словам Е. Гегечкори, были такие: 1 милиционер убит, другой обезоружен, третий - ранен...

Применение оружия, с целью разгона митинга, вызвало справедливое недовольство Совета рабочих депутатов Тифлиса. Высказывались суждения, что нельзя стрелять в революционеров. В своем выступлении в Сейме Е. Гегечкори отметил, что "случилось весьма прискорбное, нежелательное явление, тут двух мнений быть не может..."

Власти вынуждены были назначить комиссию для расследования этого инцидента. Но, как отмечает Н. Жордания в своих мемуарах, верхи заранее знали, что результат расследования останется под сукном. В этот период я считал обязательным репрессии против большевиков: "не дать им возможности действовать".

Чем можно объяснить такую позицию Н. Жордания по отношению к большевикам? В начале 1918 года большевики активизировали свою пропаганду, особенно среди крестьян. Активизации большевиков способствовали

1. Н. Жордания. Указанный труд, с.84.

неразрешенность аграрного вопроса в деревне и возвращение с фронта солдат, знакомивших массы с Декретом о земле II Всероссийского съезда Советов. Недовольство крестьян вылилось в вооруженные выступления под руководством большевиков весной 1918 года в Лечхуми, Мегрелии, Душети, Абхазии, Шида Картли. В апреле 1918 года Советская власть была установлена в Сухуми, а затем на всей территории Абхазии, за исключением Кодорского участка¹.

Восстание было подавлено регулярными войсками под командованием полковника Кониева (Кониашвили) и Народной гвардии во главе с В. Джугели. В марте 1918 года восстанием крестьян был охвачен Цхинвальский район. Это восстание также было подавлено войсками и гвардейцами².

Во второй половине февраля 1918 года восставшие крестьяне Лечхуми установили в своем уезде Советскую власть. Закавказский Сейм объявил уезд "вне закона".

Репрессивные меры, применяемые Закавказским Сеймом и Народной гвардией против восставших крестьян весной 1918 года, объяснялись и внешнеполитическими факторами. В условиях турецкого наступления создалась реальная угроза захвата турками всего Закавказья. В это время внутри страны были определенные силы, ориентированные на Турцию. Так например, с просьбой о покровительстве к туркам обратились представители имущих классов Абхазии. С помощью турецких войск они рассчитывали свергнуть Советскую власть в регионе. В связи с этим А. Чхенкели сообщал Национальному Совету Грузии: "Турки решили послать войска для занятия Сухуми и начали соответствующую подготовку. Однако вскоре ими было получено известие о взятии Сухуми нашими войсками и изгнании большевиков".

1. История Абхазии, Сухуми, 1983, с.34.

2. ЦГАИ Республики Грузия, ф.1825, оп.1, д.4, л.11.

15 февраля 1918 года на третьем заседании Сейма представители фракций огласили декларации, которые раскрывают позиции политических партий по всем основным вопросам революции.

Н. Жордания по поручению фракции меньшевиков и мусульманской организации меньшевиков "Гумед" выступил с заявлением, в котором изложил основные взгляды этих фракций "на переживаемую революцию". "Есть два мнения, - отметил Жордания, - две точки зрения, разделяемые демократией, с одной стороны, и с другой стороны - большим течением, известным под именем большевизма, и между этими течениями есть ничем не примиримая борьба. Мы думаем, что нынешняя революция и по своим внутренним и по своим политическим целям не выходит из пределов товарного хозяйства, что эта революция не касается основ буржуазного общества.

И это мнение вытекает не из нашего желания, наоборот, наше желание, чтобы эта революция смела все буржуазное общество и мы пришли к царству социализма. Основа нашего мировоззрения лежит не в желании, а в самих объективных условиях.

...Общественная наука давно установила, что революция нуждается не только в субъективной возможности, но в возможности объективной.

...Сила имеет большое значение во всех переворотах, но никакими усилиями вы не получите из старого общества то, чего там не было. Если нет зародыша в утробе, акушер оттуда плода не извлечет. Если вы захотите углубить революцию в этом направлении (в направлении социализма. - А.М.), мы получим не революцию, а получим реакцию"¹.

Н. Жордания исходил из формулы меньшевиков об отсутствии в России предпосылок для социалистической революции.

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет. Сессия первая. Заседание третье. Тифлис, 1918, с.2.

Касаясь аграрного вопроса, Жордания признал, что он не получил своего разрешения. "Мы имеем декреты, но они остались на бумаге", - подчеркнул он. Меншевики выступали за передачу земли без выкупа "крестьянству всех наций Закавказья"¹.

Позиция меньшевиков по национальному вопросу была следующей: "Мы этот вопрос, - сказал Жордания, - всегда мыслили в двойной форме: в форме отношения Закавказья к центру и в форме отношения населяющих наш край национальностей друг к другу. Волею судеб первый вопрос снят с очереди. Мы не знаем, в какую форму будут облачены наши отношения к России. Вы знаете, что судьба наша не в наших руках; мы не знаем, какую волю нам продиктует мирный договор с Турцией. Но мы всегда стремимся к России, к сожалению, эта Россия все дальше и дальше от нас отдалается, мы не знаем, как ее догнать, как ей подать руку. У нас в Закавказье есть внутренний национальный вопрос, сложный и запутанный"².

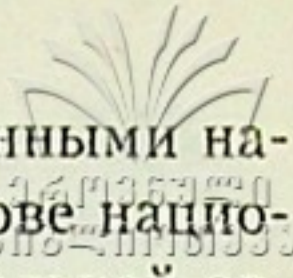
Как же хотели разрешить этот сложный и запутанный вопрос меньшевики? Они считали необходимым незамедлительное проведение в жизнь территориального разграничения национальностей, с образованием национально-территориальных кантонов с полным внутренним самоуправлением и обеспечением прав национальных меньшинств"³.

От имени тюркской демократической партии "Муссават" (равенство) и беспартийной мусульманской демократической группы выступил Агаев, который изложил позицию своей фракции. "Великая русская революция 1917 года (имеется в виду февральская революция. - А.М.), - отметил Агаев, - установила демократическую

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет. Сессия первая. Заседание третье. Тифлис, 1918, с.48.

2. Там же, с.45.

3. Там же, с.49.

республику и признала за отдельными угнетенными народностями право на самоопределение на основе национально-территориальной и культурно-национальной автономии. Таковы были чаяния всех невеликорусских народов..."¹.

Агаев далее подчеркнул, что неумелая тактика руководителей Февральской революции и непонимание ими задач момента привели страну на край гибели. Полное крушение потерпели надежды, возлагавшиеся отдельными народностями на Российскую революцию. "Принцип централизма, - продолжал Агаев, - доказал полное свое банкротство и несостоятельность".

"...Мы смотрим на настоящий Сейм, как на Учредительное Собрание, долженствующее разрешить все наши чаяния и все кардинальные краевые вопросы... войны, земельный, национальный, рабочий..."²

Партия "Муссават" по вопросу о мире придерживалась позиции демократического мира без аннексии и контрибуции на основе самоопределения народностей. В аграрном вопросе партия "Муссават" требовала и передачи земли безвозмездно в руки народа. Ближайшей задачей в разрешении национального вопроса партия считала практическое осуществление национально-территориальной автономии в Азербайджане. Формирование войсковых, притом национальных частей, по мнению партии, являлось настоятельно необходимым.³

Представитель армянской революционной партии "Дашнакцутюн" Качазнуни изложил позицию своей партии по вопросам "о власти, о мире, аграрному, национальному." Дашнаки однозначно считали, что власть должна быть однородно социалистическая. Они требовали полной отмены частной собственности на землю и

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет, с.11.

2. Там же.

3. Там же.

немедленную передачу всех земель безвозмездно трудовому народу на началах уравнительного землепользования.¹

Партия дашнаков выступала за немедленное заключение мира без аннексии и контрибуции на основе самоопределения народов. Позиция этой партии по вопросам войны и мира, о власти, национальному, рабочему, аграрному была близка, а по некоторым вопросам совпадала с позициями других политических партий России и Закавказья, в частности с позициями эсеров, меньшевиков, большевиков и др. Дашнаки требовали установления 8-часового рабочего дня, государственного страхования и охраны труда рабочих, обобществления крупных финансовых, промышленных и торговых предприятий.

Схожей была позиция дашнаков по национальному вопросу с позицией грузинских меньшевиков. Дашнаки так же, как и они, были сторонниками территориального размежевания Закавказского края "на самостоятельные кантоны народов и объединение их в общую Закавказскую федерацию". От имени фракции социалистов-революционеров выступил Лордкипанидзе, который высказался за "организацию власти однородно социалистической, ответственной перед Закавказским Сеймом"².

Эсеры выступали за обобществление средств и орудий производства и социализацию земли. В национальном вопросе они отстаивали принцип национально-территориальной автономии. "Мы не будем настаивать, - подчеркнул в своем выступлении Лордкипанидзе, - на том, чтобы новая власть постаралась создать национально-территориальную власть на Кавказе". Далее он отметил, что фракция эсеров, имея в виду разноплеменность населения Закавказья и запутанность межнациональных

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет, с.17.

2. Там же, с. 22.

отношений, будет всеми силами стремиться, в полном соответствии с постановкой национального вопроса в программе партии, к удовлетворению национальных потребностей всех народностей Закавказья и сплочению трудовой демократии под знаменем социалистического интернационала¹.

Партия "Мусульманский социалистический блок" устами ее представителя Гайдарова приветствовала открытие Закавказского Сейма как внешнего полномочного органа власти. Партия считала необходимым "немедленное заключение демократического мира без аннексии и контрибуции", а в аграрном вопросе придерживалась позиции "безвозмездной передачи всей земли в руки трудящихся масс"².

Партия "Мусульманский социалистический блок" считала, что в национальном вопросе есть два момента: "Момент чисто национально-политический, по которому каждая историческая нация стремится к полному обособлению вплоть до образования самостоятельной государственной единицы, и момент чисто экономический, в силу которого каждая нация стремится так тесно связать свою жизнь с соседними национальностями, чтобы не существовало никаких пограничных препон для успешного развития экономической мощи. Принимая во внимание два этих основных момента в национальном вопросе, мы считаем необходимым образование общего Закавказского Сейма, а если возможно, и единого Кавказского Сейма с общим правительством и культурно-национальной автономией для каждой нации, с широким местным самоуправлением"³.

Партия мусульманства "Иттихад", чью позицию изложил Мехтиев, признавала Россию за демократическое союзное государство национальностей с самой широкой национальной автономией на основе персонального принципа.

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет, с.23.

2. Там же.

3. Там же, с.24.

"Отдельным нациям, - говорилось в декларации этой партии, - предоставляется право конструировать Национальный Совет, задача которого - заботиться об удовлетворении культурных потребностей нации (строить для нее школы, театры, музеи, народные университеты).

Суверенная власть в Закавказье временно принадлежит единому Учредительному Сейму, избранному на демократических началах. Местные самоуправления снабжаются самыми широкими автономными правами в делах своей местной внутренней жизни"¹.

Г. Ласхишвили зачитал декларацию Грузинской революционной партии социалистов-федералистов. По национальному вопросу их программа носила противоречивый характер. С одной стороны, Ласхишвили заявил, что видит "торжество идей своей партии, 18 лет тому назад провозгласившей свободный союз свободных народов России и разрешение волновавших ее национальных вопросов"².

С другой - он утверждал, что "общее законодательство и общее управление этими народами было бы бесцельным топтанием на одном месте, было бы хоть и бессознательным, но все же подчас саботированием одной части населения против другой", поэтому федералисты считали, что для обслуживания общих интересов народов Закавказья "нужно создание другого Сейма, опирающегося на национальные, территориальные единицы"³.

Главную задачу Сейма федералисты видели в разрешении вопроса о размежевании закавказских народностей, ибо "без этого невозможно ни самоуправляться, ни самоопределяться".

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет. Сессия первая. 15 февраля 1918 г., с.25.

2. Там же, с.28.

3. Там же, с.29.

"Мы социалисты-федералисты, - продолжал Ласхишвили, - давно призываем народы Кавказа к разрешению вопроса о территориях, но до сих пор почти ничего в этом отношении не сделано. В основание размежевания мы кладем принцип национального расселения, затем вводим коррективы - опрос населения, референдум, в особенности на периферии, и требуем самого широкого обеспечения прав меньшинства"¹.

Этот пункт программы федералистов по национальному вопросу совпадал с резолюцией по национальному вопросу, принятым VI съездом меньшевиков Закавказья в июне 1917 года, в котором говорилось, что границы территориального самоуправления устанавливались по принципу реального расселения той или иной национальности, при этом принимались во внимание хозяйственные и бытовые условия. "При сдвиге национальных границ должен быть проведен референдум в тех местностях, кои являются спорными при определении границ"².

На наш взгляд, принцип реального расселения для Грузии и всего Закавказья был неприемлем в условиях, когда царское самодержавие, установив господство в Закавказье, ввело свое административное деление края на губернии, исходя из интересов военно-колониальной администрации, что привело к нарушению исторически сложившихся национально-территориальных границ.

Ошибочным было также решение совещания национал-демократов, меньшевиков и социалист-федералистов по национальному вопросу, состоявшееся 16 апреля 1917 года в Тбилиси, на котором партии согласились о границах Грузии и обсудили вопрос о ее бесспорных и спорных территориях.³

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет, с. 32.

2. Н.Жордания. Национальный вопрос в Закавказье. Тезисы и резолюция. Тб, 1917, с.34, на груз. яз.

3. ЦГИА Республики Грузия, ф.1836, оп.1, д.6, л.1.

Бесспорным решили считать территорию, где грузины составляли большинство населения. Спорные территории - окраинные районы, где грузины не составляют большинства. Вопрос о будущем устройстве этих территорий должен был решаться опросом и референдумом местного населения.¹

Такой подход не давал возможности при размежевании между Грузией, Арменией и Азербайджаном исходить из принципа исторической принадлежности территории, а ведь известно, что армян, греков в результате русско-турецких войн на территории Грузии осело много. Впоследствии, после объявления независимости Грузией, Азербайджаном и Арменией, встал вопрос о государственных границах между ними. Взаимоотношения обострились настолько, что начались вооруженные конфликты. Всем известна армяно-грузинская война в декабре 1918 года из-за принадлежности Борчалинского и Ахалкалакского уездов и района Лоре. Правительство Армении не желало признавать эти исторически принадлежащие Грузии территории в ее составе. Причем, меньшевиков, которые стояли тогда уже во главе правительства, армяне обвиняли в нарушении ими же принятого тезиса о разрешении спора о границах "по принципу реального расселения той или иной национальности".

Но вернемся к декларации партии федералистов в Закавказском Сейме. Они считали необходимым также создание Закавказской конфедерации. И вопрос, будет ли она независима или войдет в общую Всероссийскую Федерацию, они связывали с вопросом, в чьих руках будет власть в центре России.

В заключение Г.Ласхишвили заявил: "Мы социалисты-федералисты верим в торжество принципов и лозунгов великой революции, долженствующей восстановить справедливость и осуществить неотложно крупные соци-

1. ЦГИА Республики Грузия, ф.1836, оп.1, д.6, л.12.

альные преобразования. Этим расчистится путь для нашей работы на благо трудового народа и приблизится царство социальной справедливости, торжества социализма".

В декларации федералистов была изложена и программа разрешения аграрного вопроса путем "уничтожения частной собственности на землю, организации общего хозяйства на ней."².

Позицию кадетской партии изложил Семенов. Кадеты (партия народной свободы), стоявшие на позициях "единой и неделимой России", считали созыв Сейма необходимостью, с которой "нужно считаться". Причем, Сейм должен помнить, что "Закавказье и сейчас часть единой России, которая временно отделена чисто механически от всей Российской демократии"³.

По мнению кадетов, образование Закавказского Сейма, как представительного органа народов Закавказья с присвоением ему права законодательства по местным вопросам, являлось естественным выводом из политической обстановки, создавшейся "вследствие мятежа и захвата власти, учиненных в Петрограде партией большевиков в конце октября минувшего года"⁴.

Кадеты ближайшей задачей Сейма считали: "Неослабная инициатива по воссозданию и объединению всех частей Российской Республики...

Скорое водворение в крае порядка и создание условий, обеспечивающих народам Закавказья мирное сожительство и развитие их производительных сил...

Устранение условий, обостряющих межнациональные противоречия, что может быть достигнуто немедленным административным размежеванием, введением повсеместно земства и энергичной борьбой с агитацией,

1. Закавказский Сейм Стенографический отчет, с.32.

2. Там же.

3. Там же, с.34.

4. Там же, с.37.

исходящей от шовинистических элементов различных национальностей"¹.

Выступивший после кадеты Семенова Г.Гвазава зачитал декларацию национал-демократической партии Грузии, которая объявила себя сторонником принципа самоопределения народов и их союза, "основанного на свободном отношении и свободном договоре". Национал-демократы поддержали идею национально-территориального размежевания народов Закавказья. Они критиковали политические партии России, которые оставили "без внимания идею самоопределения народов".

"В настоящее время, - заявил Гвазава, - господствуют большевики. А прежде разве было лучше, когда господствовали кадеты. Кадеты только теперь говорят о самоопределении народов. Разве мы не знаем программы кадетов. Разве не они думали захватить Константинополь и еще более утвердить империализм. Разговор об Учредительном Собрании лишен всякого основания, это сказка - опасная для нас. Это надо отбросить...

Российская революция провозгласила свободу самоопределения народов, но эта идея была оставлена почти без внимания. Это был только лозунг, но ни одна партия, при воплощении его в жизнь, этого вопроса не разбирала. Этого направления придерживаются даже большевики, которые объявили, что все народы могут самоопределяться, а сами объявили войну Украине и др. народностям. И другие партии, как, например, наши меньшевики, совершенно забыв национальную идею, стали углублять революцию, углублять классовую борьбу.

... Главное значение этой революции, одна из главных ее идей - это раскрепощение народов, и я это приветствую. Вот с этой точки зрения мы должны подходить к конструкции власти, к тому вопросу, который стоит перед нами"².

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет, с.39.

2. Там же, с 42.

Затем Гвазава стал излагать историю взаимоотношений Грузии с Россией. Он отметил: "Я не могу забыть особого положения Грузии. Этот маленький народ имеет свои договорные отношения к России."

В 1783 году Россия заключила договор с Грузией, в силу которого она обязалась охранять границы Грузии и ее свободу... Некоторое время этот договор существовал. Но в конце концов русский империализм растоптал, разорвал этот договор. Но были другие народы в Европе. Была Франция, которая протестовала, была Англия, которая тоже заявляла протест. Те договорные отношения, которые существовали с Россией, вошли в сферу международных отношений. Далее, имеется известное обязательство, подписанное Омар-пашой, генералиссимусом оттоманской армии в 1855 году... Это обязательство изложено в письме, где заявляется, что территория Грузии свободна, что здесь должно быть свободное право. На вопросе о международном положении Грузии останавливался Парижский конгресс. Англия предложила тогда России очистить территорию Грузии потому, что территория эта занята нелояльно, это мы находим в параграфе 30-м Парижского трактата, где говорится о лояльности владений России на Кавказе. Имеется также петиция, внесенная представителями грузинского народа в Гаагскую конференцию в 1907 году, на что все обратили внимание и о чем писали все газеты¹.

Таким образом, национал-демократы Грузии главное значение Февральской и Октябрьской революций видели в создавшейся возможности практического осуществления идеи раскрепощения и самоопределения народов Российской империи, что не хотели осуществить ни кадеты, ни большевики, и ни другая какая-либо всероссийская политическая партия. Национал-демократы в связи с открыти-

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет, с.45.

ем Закавказского Сейма считали анахронизмом существование Советов рабочих и солдатских депутатов, а по отношению к аграрному вопросу считали необходимым передачу земли за выкуп крестьянам, что и было впоследствии осуществлено правительством независимой Грузии, в котором ведущие позиции были у социал-демократов (меньшевиков).

Н. Рамишвили изложил взгляды меньшевиков и мусульманской социалистической организации "Гумед". Кстати, тогда весной 1918 года меньшевики требовали передачи земли "без выкупа крестьянству всех наций Закавказья, установление 8-часового рабочего дня, социальное страхование и государственный контроль над производством"¹.

Основной задачей Февральской революции они считали "уничтожение всех феодально-крепостнических общественных отношений и полного народовластия"². Меньшевики считали, что в переживаемый исторический момент Совет Народных Комиссаров своей анархическим политикой разжигает войну в рядах демократии и раздробил Россию на ряд самостоятельных областей"³.

Н. Рамишвили указывал, что одной из крупных причин смут и анархии в Закавказье является обострение национальных отношений, требующих "немедленного, целесообразного разрешения и создания условий для свободного и мирного сожительства всех наций, населяющих край"⁴.

Для претворения в жизнь этого тезиса необходимо было, по его мнению, незамедлительное "проведение в жизнь территориального разграничения национальностей с образованием национально-территориальных кантонов с полным внутренним самоуправлением и обеспечением прав национальных меньшинств".

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет, с. 46.

2. Там же, с. 47.

3. Там же, с. 48.

4. Там же, с. 49.

Важным вопросом, поднятым на заседаниях Сейма, был вопрос об армии. После Февральской революции стали создаваться национальные части, которые подчинялись соответствующим национальным советам. С открытием Сейма встал вопрос о создании единой боеспособной армии. Н. Жордания, выступая 15 февраля в Сейме, отмечал: "У нас есть так называемые национальные части, есть масса штабов... между тем у власти совершенно не имеется принудительной силы; чтобы наша власть имела возможность располагать каким-нибудь отрядом, она должна просить, кланчить и, может быть, какой-нибудь национальный совет сжалится и предоставит ей свою часть". В заключение оратор призвал осуществить территориальный принцип комплектования войска, а не создавать национальные части¹.

Окончание следует

1. Закавказский Сейм. Стенографический отчет, с.9.

"ЗДРАСЬТЕ!"

Самолет летит в Тбилиси. По узкому салону ТУ-134 снуют люди. В иллюминаторе плывут плотным покровом облака.

- Вон Эльбрус! - восклицает сосед слева. Он со своими друзьями, крестьянами из Гурии, празднует свой день рождения. Белоснежная громада величественной вершины всколыхнула во мне гордость за родную страну.

- Таких гор не увидишь нигде! - вторит моим мыслям сосед слева.

Мне вдруг очень захотелось поскорее оказаться в Тбилиси, рядом с друзьями и родителями, по которым я уже успел соскучиться.

Сосед слева затягивает тягучую, как нуга, песню. Я оглядываюсь. Похоже ему вторит добрая половина салона.

По небольшому телевизору крутят MTV. Посмотрев немного, я засыпаю.

Судя по часам, проспал я минут 15. Сосед слева тычет мне стаканчик с шампанским. Я поздравляю его и пью за его здоровье.

Подлетаем к Тбилиси. Уже поздно. Под самолетом бездонная ночь. Кое-где светятся редкие огоньки. Что с тобой стало, мой город?

В полной темноте заходим на посадку. Самолет заруливает на стоянку. Стоя в проходе, предвкушаю встречу с отцом и братом.

Выхожу наружу. Свет фонаря из темноты аэродрома бьет прямо в лицо.

- Документы! - слышу я строгий окрик.

Прикрываю лицо рукой и пытаюсь разглядеть говорящего.

- Документы! - слышу снова.

Кто-то хватается меня за рукав и стягивает с трапа на землю. Вырываюсь и достаю документы.

Передо мной высокий парень лет 25. Вместе со мной останавливает именинника. Тот, громко возмущаясь, лезет за документами.

Нас ведут к аэровокзалу. Ни зги не видно. Открывается скрипучая дверь. При свете 12-ваттной лампы нас бесцеремонно обыскивают и тщательно проверяют вены на руках. У меня от волнения начинают дрожать колени. Толстый рыжий таможенник лезет ко мне в сумку. Выкладывает журналы, продукты, одежду. Наткнулся на килограммовый пучок бананов, которые я купил во Внуково перед отлетом.

- Как брата прошу! - слышу я его скрипучий голос.

- Две штуки возьму!

Яжимаю плечами и нехотя киваю головой.

- А мне можно? - раздаются голоса остальных таможенников.

Не успеваю и глазом моргнуть, как от связки бананов остается одна штучка. Я хватаю банан и тут же его съедаю.

Они смотрят на меня с удивлением. Переглядываются.

- Ну ладно. Ты хороший парень. Иди.

Я запикиваю как попало в сумку свои вещи и прощаюсь. Вслед за мной выходит и именинник.

- Что? - спрашиваю я.

- 50.

- Тысяч?

- Если бы! Долларов!

Неожиданно подошедший мужчина участливо пере-
спрашивает:

ՀԱՐՈՅԵՅԱՆ
ՆՈՅՆՈՐԱՍԻՅՅ

- 50 долларов?
- Мои бананы ничто по сравнению с 50 долларами,
- успокаиваю я сам себя.

- Шакалы! - смачно произносит незнакомец и де-
монстративно плюет в сторону аэровокзала.

- Слушайте, - говорит он, почему-то понижая голос,
- здесь сейчас неспокойно, беженцы совсем озверели,
грабят налево и направо. Я могу вас подбросить до
Самгори.

- Сколько? - спрашиваем мы в один голос.

- Всего-то ничего. По 20 долларов с носа.

Мы угрюмо переглядываемся.

Ну, здравствуй, Родина!

Январь 1995 года.

За главного редактора -
Заместитель главного редактора
КАМИЛЛА КОРИНТЭЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Игорь БОГОМОЛОВ,
Нана КАНДЕЛАКИ, Камилла КОРИНТЭЛИ (зам. главного
редактора), Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ.

Корректор И. Ахсахалян

Подписано к печати 15.05.96.
Формат бумаги 84x108 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Типограф. л. - 18. Заказ N 225. Тираж 400 экз.

Цена договорная

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на "Литературную Грузию"
обязательна

Адрес редакции: 380008. Тбилиси, ул. Костава, 5.
Телефоны: 93 65 15, 99 06 59.

Типография Службы государственного обеспечения Грузии

© "Литературная Грузия", 1996.

117/9

ინდექსი
ИНДЕКС 76117

ლიტერატურულ-მხატვრული
და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

„ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

დამფუძნებლები საქართველოს მწერალთა კავშირი
„ლიტერატურნაია გრუზიას“ რედაქცია
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

